

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

СЕРГЕЙ
ЦЫМБАЛЕНКО

СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

Рисунки Евгения Медведева

ISBN 978-5-00150-640-9

9 785001 506409

СЕРГЕЙ ЦЫМБАЛЕНКО

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

Рисунки ЕВГЕНИЯ МЕДВЕДЕВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ц94

С. ЦЫМБАЛЕНКО
Ц94 В валенках по весне: повести и рассказы / Сергей Цымбаленко;
рис. Евгения Медведева – Москва, 2014 – 352 стр.: ил.

ISBN 978-5-00150-640-9

Книга Сергея Цымбаленко является не просто художественным произведением — в ней показаны психологические проблемы детства, сложный мир взаимоотношений человека в детском возрасте — переживания, проблемы, своеобразный, только им понятный, выход из создавшихся ситуаций. Обостренное чувство справедливости часто сменяется обидами и разочарованиями. Они еще не знают, что если сейчас плохо, то со временем это пройдет. Для них каждый миг — единственный.

Трилогии «В валенках по весне», «Гром сражений», «Крибле-крабле-бумс» показывают периоды взросления главного героя, его поведение в различных жизненных ситуациях — любовь к брату, желание быть похожим на него, формирует личностную позицию маленького героя, и влияет на становление его характера.

Маленькая повесть «Друг по имени Джульбарс» прослеживает жизненный путь маленького мальчика, оказавшегося в неполной семье и мечтающего об отце. В его жизни кроме матери есть только один друг — его верный пёс по имени Джульбарс.

Сборник рассказов «Почти сказочные истории» — о том, что порой непонятно непосвященным: людям, не умеющим мечтать, верить в чудо и позволять невиданному входить в свою обычную и размеренную жизнь.

Повесть «Летать в облаках против ветра» — о трудном периоде жизни, когда застреваешь между детством и взрослостью. Полет в неизвестное. Это так сложно.

ISBN 978-5-00150-640-9

© С. Цымбаленко, текст, 2019
© Г. Соловьева, иллюстрации, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Жили-были мы с братом <i>(повесть)</i>	5
Часть 1. В валенках по весне	
Часть 2. Гром сражений	
Часть 3. Крибле-крабле-бумс»	
Друг по имени Джульбарс <i>(повесть)</i>	202
Почти сказочные истории <i>(рассказы)</i>	236
А ты скажи «мяу»	
Когда умирают деревья	
Дом в зеленой траве	
Летать в облаках против ветра	267
<i>(Записки выбравшегося из скорлупы) (16+)</i>	
С мечтой входить без стука	326
<i>(Из записок школьного психолога)</i>	

*Посвящается взрослым,
которые забыли свое детство,
но хотят его вспомнить.
Это попытка прикоснуться
к таинственному и до конца
непостижимому миру
маленького человека.*

ЖИЛИ- БЫЛИ МЫ С БРАТОМ

ПОВЕСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

ВЕСНА ПЕРВАЯ

Наш дом похож на башню. Или на маяк... Дед говорит, что построил дом сам, когда у него не было морщин и седых волос. По правде, я этому не верю. Дед все время старый, сколько я себя помню. Если и был другим, то в те времена, когда жили ящеры и чудовища, которые нарисованы в его толстых книгах. Тогда все было по-другому.

Дом тоже старый. Если дед у себя наверху кашляет, как сейчас, дом кричит и поскрипывает.

Уже вечер. Дом черный, как глубокая яма. Днем его еще можно принять за маяк, а сейчас это тюремная башня. Я в заточении. Попробуй, выберись отсюда! Я проверяю кулаком крепость стен — они гулко отзываются.

Дед кричит сверху:

— Вова, открой дверь! Кто-то стучит.

Вот это да!.. Я стукнул, а кто-то пришел. Непонятно... Но раз дед говорит, надо посмотреть. Осторожно открываю дверь — никого.

— Деда, никого, — сообщаю я.

— Значит, показалось, — ворчит дед.

Дом тоже недовольно гудит, бормочет что-то неразборчиво. Они с дедом похожи.

Я морщу лоб. Произошло что-то странное. Стуком я пробудил к жизни кого-то невидимого. Он пришел и взбудоражил весь дом. Я так и назвал его: «Он».

Ладно, разберусь потом. Я снова в тюрьме. За попытку к бегству меня заковывают в цепи — наматываю на себя бельевую веревку. Все! Теперь никогда мне не сдвинуться с места.

Тут с улицы доносится знакомый голос. Мой брат, Лешка, возвращается из школы и поет. Он песни сам сочиняет. Говорит, от скуки, пока сидит на уроках. Лешкина песня — сигнал к атаке. Я стремительно освобождаюсь от цепей и ищу место для нападения. Это у нас игра такая. Ой, брат совсем близко, а я не нахожу подходящего места, где спрятаться. Забираюсь в пальто деда, которое висит на вешалке. Оно душное, но я терплю, стараюсь не шевелиться.

Лешку не слышно. Наверное, стоит за дверью. Резко распахивает ее. Дверь ударяет по мне, я теряю равновесие и лечу вместе с пальто на пол. Обидно, что ничего у меня не получилось, поэтому лежу, закрыв глаза, будто умер. Сквозь ресницы наблюдаю за братом. Он испугался:

— Вовка, ты что?

Я коварно молчу, поджидаю, когда Лешка подойдет, и бросаюсь ему под ноги — брат взмахивает руками и растягивается на полу.

— Победа! — заявляю я гордо и стараюсь незаметно потереть синяк на коленке.

Лешка хохочет. Так оглушительно, что на лестнице появляется дед. Он растерянно смотрит на нас. Потом спрашивает, хмуря седые брови:

— Вы что — деретесь?

— Что ты, дедушка, — отвечает Лешка. — Мы играем.

Дед постоял еще немножко, потом поднялся наверх, запинаясь о каждую ступеньку.

Я вспоминаю про приход странного «Он» и бросаю игру. Нужно осмотреть верхнюю комнату. Вдруг «Он» затаился где-нибудь там.

— Деда, к тебе можно? — прошу я, шмыгнув носом.

— Что? — переспрашивает дед. Слышит он нормально, это привычка такая. Ему много времени нужно, чтобы подуматься. Морщит лоб. — Ах, да... Иди, конечно.

Я бегу по лестнице.

Лешка обиженно смотрит вслед. Сверху он такой маленький, просто смешно. Одним пальчиком побороть можно. Я показываю ему язык и скрываюсь в кабинете деда.

Тот уже устроился в огромном кожаном кресле и замер над книжкой.

Я осматриваюсь. Тишина звенит и пахнет пылью. Потолок низко-низко. Поэтому, наверное, дед такой сутулый. Все завалено книгами. Они не помещаются на полках и лежат прямо на полу. Толстые. Если все перечитаешь, станешь таким же старым, как дед. Надо немножко постареть. Я вытягиваю с полки самый толстый том. Он шлепается на пол, подняв клубы пыли. Смотрю на деда — тот не обращает на меня внимания. Усаживаюсь с книжкой и листаю страницы. Большие, страшные змеи смотрят с них на меня. Иногда страницы пересечены линиями. Кто их исчеркал? Не дед же... Я вздрагиваю. Ощущение неизвестности тревожит. Это «Он», который стучал и исчез, начеркал в книжке. Значит, «Он» где-то рядом? Я захлопываю книжку и бегу к деду, прижимаюсь к его ногам, укрытым пледом. Дед, не отрываясь от чтения, гладит мне волосы.

На стене передо мной — большие фотографии. Старушка со сморщенным лицом — моя бабушка. Она умерла в войну от голода. Усатый дяденька — отец. Его я совсем не помню. Мама сказала, что он с фашистами воевал и победил. Но они так изранили его, что он умер уже после войны, когда я родился. Я фашистов ненавижу. Девушку с веселыми глазами они тоже убили. Это моя тетя, она санитаркой была. Красивая. Если бы она сейчас жила, я бы на ней женился. Все трое смотрят на меня, будто просят о чем-то. Как ни верчу головой, их глаза смотрят на меня. Может, их заколдовал этот «Он»? В самом деле, умерли — значит куда-то делись. Их заточили в эти фотографии, как в тюрьму. Хорошо бы спросить у деда.

Я поднимаю голову. Дед неподвижно смотрит в книгу, веки чуть прикрыты. Они испещрены прожилками и кажутся прозрачными. Дед тоже загадка. Он похож на портрет, когда замирает в какой-нибудь позе. Но дед все-таки оживает.

Внизу грохает дверь. Мама пришла! Я бросаюсь вниз с криком:

— Мама, я здесь!

Она подбирает с полу пальто деда, устало улыбается мне, потом переводит взгляд на Лешку. Тот склонился над тетрадкой за столом. Сердитые морщинки на мамином лице разглаживаются.

— Уроки учишь? Вот и хорошо. Учительница жалуется, что мало занимаешься. Мог бы на четверки и пятерки учиться.

Знаю я, какие это уроки! Небось стихи пишет. Рот перепачкан чернилами. Тоже мне, поэт.

Мама открывает крышку швейной машины и берется за шитье. Машинка старая, ногами крутить надо. Новые, электрические, мама не любит. На меня никакого внимания. Я снова заглядываю к деду — он так и сидит с книжкой, не шелохнувшись. Скучно. Сажусь на лестницу и шумно вздыхаю.

Всем хорошо. Дед — ученый. Мама — портниха. Лешка — стихи пишет. А я кто? Хоть бы стать кем-нибудь. Лучше всего принцем. Точно, вхожу в комнату — на боку шпага, сапоги с высоким каблуком, как у мамы. Лучше я появлюсь не один, а с тетей. Раз у меня шпага, я отвою тетю у этого «Он» и сделаю принцессой. «Он» посажу в пустой портрет, пусть сам посидит, помучается!..

Мирно стучит швейная машинка. Я вздыхаю. Принцем быть хорошо, а сейчас чем заняться?

Подхожу к Лешке. Он отворачивается. Сердится, что я бросил его в разгар игры. А если у меня дело важное? Вино-

вато вздыхаю — не помогает. Заболеть, что ли? Сразу обо мне все вспомнят, забегают.

— Леш, у меня голова болит, — шепчу я.

Глаза у брата сразу добреют.

— Ой, мама, Вовка заболел!

Машинка перестает тарыхтеть. Мама подозрительно смотрит на меня.

— Ну-ка, иди сюда. — Теплая рука касается лба. — Что у тебя болит?

Я опускаю глаза.

— Голова...

— Алеша, намочи полотенце.

Сидеть с мокрым полотенцем не очень-то приятно. Голова на самом деле начинает побаливать. И опять никакого внимания. Нет, Лешка подходит, дышит в затылок. Я начинаю тихонько стонать.

— Больно, да?

— Еще как!

Я поворачиваюсь к Лешке. Ему меня жалко. Он меня любит.

— Хочешь, прочитаю, что написал?

— Ага, — киваю я.

Лешка устраивается рядом, смущенно улыбается и читает стихотворение. Про солнце, про то, как все почему-то плачут и улыбаются во сне. В общем, непонятно.

— Расскажи лучше сказку, страшную, — прошу я и заранее обнимаю руку брата, чтобы не очень пугаться.

Лешка усмехается. Глаза его округляются, когда он рассказывает про темный лес, темную избу... В общем, про все темное. И про мертвецов. И вдруг как заорет:

— Отдай мою руку!

От неожиданности я вздрагиваю, а потом начинаю смеяться. Лешка тоже.

— Что-то ты развеселился, больной, — ехидно замечает мама.

— Я уже выздоровел! — весело кричу, срываю с головы полотенце и ношу, размахивая им, по комнате.

Сверху спускается дед.

— Что случилось?

— Ничего особенного, — успокаивает его мама. — Просто Вовка с ума сошел.

Дед стоит, раздумывая, машет рукой и плетется наверх.

— Шут гороховый, — выговаривает мне мама.

Я замечаю, как дрогнули у нее уголки губ, сдерживая улыбку. Значит, не сердится. Шут — неплохое занятие!

Я корчу рожи, от чего брат начинает валяться по полу от смеха. Мама крепится, крепится — да как захочет. На весь дом!

Опять появляется дед.

— Все еще этот сумасшедший буянит?

— Я не сумасшедший, — объясняю ему. — Я шут гороховый!

В подтверждение корчу ему рожу. Дед долго смотрит, не мигая, потом отворачивается и лезет к себе.

Я всегда засыпаю, обняв Лешкину руку. Чтобы не страшно было. Наша кровать деревянная. Вернее, она железная, но ее устилают досками. Одна из них короткая и часто вылетает. Спишь себе спокойно, хорошие сны видишь. Вдруг во сне мост начинает рушиться или с крыши падаешь. Значит, доска упала. Такая вредная!

На этот раз просыпаюсь, потому что слышу сквозь сон всхлипывания. Открываю глаза... Брат при свете карманного фонаря (чтобы мама не заметила) читает потрепанную книжку.

— Ты чего не спишь? — спрашиваю я испуганно.

Лешка закрывается от меня книжкой, шмыгает носом и гудит:

— Спи, Вовка, спи.

— А зачем плачешь? — не унимаюсь я.

Лешка открывает лицо, улыбается, кивнув на книжку:

— Человек тут такой...

— Где?

Я с любопытством смотрю на листы, но там только непонятные буквы.

Лешка говорит:

— Тут про Тиртея написано...

— Про кого?

— Тиртея. Поэт такой был в Древней Греции. У Спарты, государство было такое, война, враги одолевают. Спарта попросила помощи у Афин. Те помогать не хотели и прислали в насмешку вместо войска хромого учителя. Это и был Тиртей. А он написал такие стихи, что солдаты, как услышали, сразу смело бросились в бой. Спартанцы всех врагов тогда победили. Здорово, да?

Я киваю.

Лешка гасит фонарик, прячет книжку под подушку и шепчет:

— Я тоже поэтом буду. Ну, не поэтом... Стихи у меня не очень получаются. Можно и просто писать...

Я пододвигаюсь к нему, обнимаю. Нам тепло и уютно.

— Леш, мне без тебя скучно. Давай, ты все время дома будь.

— А в школу кто ходить будет? — усмехается Лешка.

— Никто. Ты им скажи, что я без тебя не могу.

— Так нельзя, — вздыхает брат. — Ты тоже без меня чем-нибудь занимайся, время и пролетит.

— Чем? — чуть не плачу я. — Тебе хорошо, ты поэт. А я?

— И у тебя дело найдется, — успокаивает Лешка. — По-

пробуй рисовать или еще что... Такое, чтобы весь день только о нем и думать.

— А как такое найти??

Лешка морщит лоб. Совсем как дед.

— Подумать надо...

Я терпеливо жду. Незаметно засыпаю, так и не найдя своего дела.

Лешкин класс сегодня учится в первую смену, так что скучать я начал с самого утра. Когда слышатся шаги брата, я даже не прячусь.

Лешка вошел, осторожно оглядываясь, принес с собой пальто в дырках и запах гари.

— Мамы нет?

— Нет... Ты горел?

— Разве заметно?

Еще бы! Ресницы и брови — как облезлая зубная щетка, челка на голове стала рыжей.

Оказывается, мой брат — настоящий герой. Он пожар тушил.

— Идем с Петькой, а в двухэтажке крайнее окно светится. Такие ровные красивые зубцы. Мы сначала думали, что солнце отражается. А рядом народу... Обсуждают, что делать. Кто-то побежал пожарных вызывать. Тут один дядька закричал, что пока машина приедет, весь дом сгорит. Окошко ногой разбил и полез. Мы с Петькой за ним. Дымища... Дышать нечем. Закашлялись — и к окну, воздуха набрать...

Я выпрашиваю у Лешки все подробности. Как он своим пальто пламя сбивал. В дверь барабанили изо всех сил, стали ее ломать. Петька пробрался, замок открыл — и упал, надышавшись угарным газом. Тут соседи вбежали, стали в тазиках, кастрюльках, чайниках воду носить. Еще Лешка вспомнил, как ему показалось, будто в комнате кто-то плачет.

Подумал, что маленький ребенок. Зажав нос, бросился к двери в комнату, открыл. Оттуда, как снаряд, рыжий кот выскочил, чуть с ног не сбил, и улизнул в разбитое окно. Когда огонь потух, все обнимать друг друга от радости стали. Тут тетя Маруся, продавец булочной, вошла. Оказывается, это ее квартира. Как запричитает: «Что же вы наделали, убивцы! Окошко-то, окошко распластали! И мебель не пожалели... Ой, не могу, как жить теперь буду!» Это вместо благодарности.

Я с завистью смотрю на брата.

— Все, тебе теперь медаль дадут!

— Ну да, — смеется Лешка. — Тетя Маруся нас с Петькой чуть палкой не побила.

— Все равно дадут! — с уверенностью говорю я.

— От мамы достанется — это точно!

Мы осматриваем пальто. Дыры такие, что не скроешь. Лешка засовывает его под кровать. А челку обгоревшую куда деть?

Лешка, обреченно вздохнув, дает мне ножницы и усаживается на стул.

— Режь.

Я стригу его с важным видом, совсем как парикмахер, даже приговариваю сурово:

— Не вертись, пожалуйста, работать мешаешь.

Ровно никак не получается. Не знаю, чем бы моя стрижка закончилась, если бы не слышались мамины шаги. Она с порога ругаться начинает:

— Где этот непутевый? Ну, я тебя! Это надо же, все добрые люди стоят, а его в пекло понесло!

Лешку как ветром сдуло.

Меня мамины слова обижают.

— Он герой, а ты ругаешься.

— Я вам покажу, герои! Еще ты за ним куда-нибудь полезь!

Мама бросается ко мне, но тут из-под кровати брат вылезает, виновато смотрит на маму. Я думал, Лешке сейчас ремнем достанется, а мама его прижимает к себе и плачет.

— Ну, зачем полез?.. Иду по улице, а мне говорят, что ты весь обгорел. Ведь не шутки это. Погибнуть мог.

Она ласково гладит его обгоревшие волосы, брови.

Я пристраиваюсь рядом и с надеждой говорю:

— Ма, теперь ты телевизор купишь?

— О чем ты? При чем тут телевизор?

— Как при чем? Там Лешку теперь показывать будут.

Мама с братом хохочут. А чего смешного?

Темнеет. Мама приходит с работы и берется за шитье. А брата все нет. Я место хорошее нашел, чтобы спрятаться, а он...

— Лешка что-то не идет, — вздыхаю я.

Мама, откусывая нитку, объясняет:

— У него сегодня пионерский сбор.

Вот тебе на! Я его жду, а он...

Про пионерские сборы я уже знаю. Там в барабаны бьют, в специальные трубы гудят — очень громко получается.

Лешке весело, а я должен один сидеть...

— Мама, я погуляю?

Мама не сразу останавливает работу, потом смотрит испытующе.

— Ладно, иди. Только от дома ни шагу. Во дворе погуляй, хорошо?

Я соглашаюсь, натягиваю пальто и...

На улице хорошо... Улыбаться хочется. Воздух теплый и пахнет как спелый арбуз. Подтаявший снег сверкает в лунном свете. Я беру в руки затвердевший кусочек. Он похож на взъерошенного щенка. Я бегаю с ним, но скоро ненастоящий щенок надоедает. Одному играть скучно.

Чем бы заняться? Может, попробовать на тополь залезть? Он огромный, с него, наверное, всю землю видно. Так высоко забираться я боюсь, зато с нижней толстой ветки школу видно. Там светятся окна. Значит, сбор еще идет. Внизу слышатся шаги. Парочка влюбленных идет. Обычно я забрасываю их снежками, но сейчас не хочется. Пусть живут. Лучше я буду оберегать людей от опасности. Мне сверху все видно. От такого величия я начинаю вертеться, с ветки сыплется снег — прямо на бородатого дядьку. Тот отскакивает, крутит головой, заметив меня, кричит:

— Ты зачем туда забрался, паршивец? Я вот тебе...

Он пробует дотянуться до моей ноги, но я успеваю подняться выше. Лучше забраться на верхушку, чем попасть в лапы страшному дядьке.. Он ругается, но я от страха ничего не слышу, только вижу, как шевелятся губы и лицо дергается. Меня охватывает ужас, как тогда, когда я открыл присутствие в мире страшного «Он». Наверное, пришел сюда, чтобы схватить и заточить в портрет. Голова кружится, но я лезу выше и выше.

Не знаю, что было бы, если бы на крыльце не появилась мама. Она быстро оценивает обстановку и грозит мне пальцем.

— Вовка, слезай немедленно!

Я сползаю с дерева и бросаюсь под мамину защиту.

Страшный дядька, увидев, что добыча ускользает, кричит пуще прежнего:

— Паразиты! Зеленые насаждения ломают! Ничего им не жалко. Я бы на месте родителей лупил за такое нещадно!..

Он наступает на снежного щенка — раздается хруст.

Мама поскорее уводит меня в дом и награждает подзатыльником. Я громко реву, чтобы больше не досталось. Мама опускает руки. Я сердито отворачиваюсь и забираюсь под лестницу.

Дед спускается вниз. На меня сыплется пыль, я чихаю, но все равно не вылезаю, взываю еще разок — для деда.

— Ты только подумай, отец, — жалуется мама, — Вовка деревья ломать вздумал. Стыд какой! Перед всей улицей выговаривают за него.

— Что? — как всегда переспрашивает дед.

— Я говорю, ты всю жизнь растения выращиваешь, заботишься о них, а этот сорванец...

Дед молчит, трясет головой и выговаривает наконец:

— Я думаю, он не нарочно.

Он спускается и садится на нижнюю ступеньку.

Мама заглядывает под лестницу.

— Что реветь перестал? Думаешь, не попадет больше?

Я начинаю обиженно сопеть.

— Ничего я не ломал.

— А зачем на дерево полез? — уже не сердито спрашивает мама.

— А что еще делать? — бурчу я.

За дверью слышится веселая песня. Наконец-то Лешка.

Мама ласково смотрит на него.

— Что веселишься? Сбор хороший был?

— Не-а, скучища, — улыбается во весь рот Лешка. — Мы потом гулять пошли. Тепло-то как. Весна.

Мама делает вид, что сердится, всплескивает руками.

— Мы его ждем, ужинать не садимся, а он гуляет!

Лешка смеется тихо и ласково.

За столом мама бросает на меня строгий взгляд, потому что верчу вилку и к еде не притрагиваюсь. Разве можно есть, если не хочется?

— Ешь, — с металлом в голосе требует мама.

Я неохотно берусь за хлеб, отламываю кусочек. Он на что-то похож. Вроде на башмак.

Мама сердится:

— Опять вертишься!

— Во, башмак, — показываю я ей.

Лешка хмыкает в кулак, а мама хмурится.

— Вы посмотрите! — обиженно говорю я.

— Правда, на туфельку похоже... — удивляется мама. —

Мы в таких в школу ходили. Помнишь, папа...

Дед молча смотрит на хлеб. Мама задумывается и забывает про нас. Глаза блестят, будто в них застыли слезинки. Иногда в такие минуты она начинает петь, особенно с подружками. Голос у нее становится тонким, дрожащим. Лешка посмеивается, а мне нравится.

Сейчас мама не поет, возвращается к действительности, где столько забот.

— А ну-ка спать! Засиделись сегодня. Вечно Вовка что-нибудь придумает...

Весна проникает в дом с солнечными лучами, и не так скучно одному. Я гоняюсь за солнечными зайчиками, которые дразнят меня. Тут появляется Лешка, сияет, как всегда. Нет, больше, просто смешно.

— Вовка, лужи на улице!

— Ну и что?

— А я в валенках! — счастливо смеется брат.

— Пошли, — решительно говорю я и натягиваю валенки.

— А валенки зачем?

— По лужам.

На улице светло и шумно, будто все на свете мальчишки высыпали из домов. Они бегают за щепками-кораблями, которые несутся по ручьям, терпят крушения.

В валенках, кроме нас, никого. Мы гордо шагаем по лужам. Лешка находит широкую щепку и пытается приладить что-то вроде паруса из бересты. Вот и наш кораблик отправляется в путь, чуть покачиваясь на волнах. Мы идем следом.

— Леш, а куда ручьи бегут?
Брат смотрит далеко вперед, где горизонт, шурится.
— Далеко-далеко. В реки, а потом в море.
— Да ну?
— Если идти и идти, наверное, выйдешь к нему. А море
— оно, знаешь, какое!

— Не...

Глаза у Лешки становятся большими.

— Огромное-преогромное... Без берегов. И синее.

— Как небо?

— Еще синей.

— А ты видел? — подозрительно спрашиваю я.

Лешка грустно говорит:

— Нет. До него идти очень далеко.

Я хоть и не совсем верю брату, он меня заморозил. Море
начинает плескаться где-то близко, я будто слышу шум волн.
Я представляю, как в него вливается наша щепка — и стано-
вится настоящим парусным судном.

Лешка тянет меня за рукав.

— Смотри, наш кораблик унесло.

— Бежим! — предлагаю я.

— Нет, Вовка, домой пошли. Сейчас ребята придут.

Все ясно! Они собираются кататься на плотках, а я буду
дома сидеть.

Лешка виновато опускает голову.

— Тебе нельзя. Знаешь, как опасно. Плот перевернется
и... все. Вода ледяная.

Брат так передергивается, что я тоже испытываю ужас,
будто побывал в этой воде. Я внутренне смиряюсь с пораже-
нием, но молчу, пусть помучается. Вдруг объявляю реши-
тельно:

— Иди. Я сам приду.

— Не заблудишься?

Просто смешно. Наш дом отовсюду видно — он выше всех, крыша будто растворяется в небе.

Лешка уходит, а я догоняю кораблик. Он застрял в куче веток, образовавших запруды. Приходится брать наше судно на руки и, словно великану, переносить на свободную воду. Берестяной парусник вырывается из рук и снова устремляется вперед. Я бегу за ним.

Кораблик еще несколько раз попадал в беду, а я спасал его. Ведь он пока совсем маленький, глупенький. Ему без меня не доплыть до моря. У всех кораблей должны быть капитаны. Оглядываюсь назад — наш дом чуть виден в гуще других, будто голову пригнул. Однако возвращаться не хочется. Кораблик беззаботно несется вперед, а во мне разгораются теплые искорки предчувствия. Кажется, еще немного — и небо развернется в море. Большое-большое, без берегов. Я зажмуриваюсь от синевы, бегу все быстрее, почти лечу, вот только мокрые валенки тянут вниз.

Вдруг темная стена преграждает путь.

— Володенька, ты что?

Я нечаянно наткнулся на полную женщину, а она оказалась маминой знакомой. Я плачу. Ведь если бы не она, я бы добежал до моря.

— Что с тобой? Боже, ты весь промок.

Путешествие закончилось позорным возвращением домой.

Дома грустно и молчаливо. Брат со мной не разговаривает. Ему влетело. Мне не хочется, чтобы Лешка обижался. Надо поделиться с ним, что я стал совсем другим человеком. Я совершил первое в жизни путешествие, да еще к морю. Я был совсем рядом.

Брат сидит за столом и колупает клеенку. Я начинаю сопеть. Лешка оборачивается и смотрит на меня обиженными глазами.

— Леш, я не хотел. Это само получилось, понимаешь?
Брат мотает головой и губы сжимает, чтобы не разре-
вется.

— Я опять пойду, и теперь меня никто не остановит, —
решительно говорю я.

— Ты что? Зачем?! — пугается Лешка.

— Не могу и все. Я хочу быть капитаном. Ты же сам гово-
рил, что надо найти свое дело.

Лешка жалобно просит:

— Потерпи немного, вот снег совсем сойдет — мы с тобой
в лес пойдем. Там муравьи живут, бо-ольшущие!

Лешка разводит руками, и муравьи оказываются разме-
ром с меня.

— Что, прямо как мы?

— Нет, поменьше, — смущается брат. — Но все равно здо-
ровые. У них дом свой, огромный...

Лешка хочет показать, но сдерживается.

Ох, как меня эти муравьи заворожили! Я теперь только
о путешествии к ним думаю. Поэтому мне кажется, что снег
тает слишком медленно, будто не хочет, чтобы мы с братом
отправились в лес, где живут большие муравьи.

ВЕСНА ВТОРАЯ

Солнце каждый день совершает круговорот по нашей квартире. Вот и сегодня оно появляется сначала в дверях кухни, где мама уже гремит посудой. Потом лучи осторожно пробираются в комнату. Заглядывают в лицо деду, а он закрывается от них морщинистой рукой. Дед болеет, ему трудно одному — и кресло перенесли вниз.

Уже вся комната становится светло-желтой и теплой. Это весна входит прямо в дом. А Лешка бессовестно дрыхнет. Нет, он притворяется! Прищурил глаза и незаметно наблюдает за мной.

— Так нечестно! — кричу я и сталкиваю его с кровати.

Лешка тащит меня за собой и не дает одеваться.

— Зарядку делай!

Он уверяет, что от зарядки можно стать большим и сильным. Поэтому делает упражнения с серьезным видом. Не понимает, что без улыбки у него лицо глупое. Я щекочу Лешку — он подпрыгивает и хохочет, драться лезет. Бокс, говорит, отличное упражнение. Конечно, у него кулаки в три раза больше!

Мама выглядывает с кухни и смотрит на нашу возню,

— Ну и большой ты вымахал, Вовка! Правда, отец?

Дед, сдерживая глухой кашель, пытается сказать что-то.

Морщинки на мамином лице собираются в улыбку, и она говорит совсем негрустно:

— Они растут, значит, мы стареем.

Я расправляю плечи и оценивающе смотрю на брата. Мне бы только до него дотянуться. Раз он такой длинный, значит, больше не вырастет.

Лешка подталкивает меня к умывальнику.

— Иди, иди, большой!

По пути я успеваю стянуть у мамы оладушку.

Лешка о чем-то задумывается.

— Ты чего?

— Вспомнил, какой ты карапет был. Смешной.

Лешка смотрит, пытаюсь разглядеть малыша, каким я был когда-то.

— Так я уже не маленький? — вкрадчиво начинаю я.

Лешка восхищенно кивает.

— Тогда возьми меня на плоты. Я знаю, вы собираетесь!

Брат растерянно моргает:

— Н-нельзя... Опасно.

— Ну и что? Я уже большой, — настаиваю я. — В школу хожу.

Лешка возмущается:

— Все равно ты плавать не умеешь.

Плавать я действительно не умею. Вернее, боюсь. Лешка несколько раз пробовал спихнуть меня на глубину, но я орал: «Утопить меня хочешь! Я потом... Я сам...» Это потому что прошлым летом я чуть не утонул. Просто смешно. Ребята купались в пруду, вода по пояс. Я храбро залез — и вдруг почувствовал, что дно из-под ног уходит... Стал болтать руками, ногами — выплыл на поверхность... Какая-то сила снова потянула вниз. Шевелю губами, но даже крикнуть не могу. Петька, товарищ брата, заметил и завопил: «Лешкин Вовка тонет!» — и давай меня за волосы тянуть. Оказалось, я в яму попал. Сделал бы два шага — и тонуть не надо.

...Я отхожу от Лешки. Он прав. Стал я выше ростом, а что толку? Плавать от этого не научишься.

После завтрака приходят Петька, Женька и Славка. Я даже не здороваюсь с ними. Злюсь. Очень уж на плоты хочется.

Лешка неуверенно смотрит на ребят:

— Может, возьмем с собой Вовку?

— Да ты что? — орет Петька, тихо он говорить не умеет. Плоский нос (в детстве клюшкой ударили) раздувается. — Он же того...

Петька показывает, как я тонуть буду.

У Славки физиономия сразу становится скучной. Я знаю, ему с «малышней» возиться неохота. Есть надежда на Женьку. Он в Лешкиной компании самый младший и понимает, как мне хочется.

— Ладно, Вовка, пошли, — вдруг решает за всех брат.

Мне сразу хочется броситься к ребятам, обнять их, даже Славку. Но сдерживаюсь. Что я, маленький?

Большой плот захватили раньше нас. Компания мальчишек медленно плывет в другом конце пруда, ребята что-то кричат, размахивают руками.

Мы раздеваемся поскорее. Солнце обволакивает тело теплом. Лезем на плот, сколоченный из двух старых дверей. Ребята утешают себя, что он легкий, можно больше скорость развивать.

На плоту у меня сразу пропадает всякое желание кататься. Кажется, стоит выпрямиться, плот зашатается — и я полечу в воду. А там глубина... Поэтому сижу на корточках, боюсь оторвать руки от досок.

Ребята веселятся, глядя на меня, Славка больше всех. Он выводит плот на середину пруда и начинает раскачивать.

Я чувствую, как белею от страха.

Петька орет:

— Но-но! Полегче! И не посередине плыви, у берега.

— Вот еще! Нашелся указчик, — усмехается Славка.

Брат тихо говорит ему:

— Ты Вовку не тронь, понял?

— А то что будет? — Славка выпрямляется. Он самый
сильный в компании.

Женька охотно объясняет:

— По носу получишь.

Славка презрительно оглядывает хрупкую фигурку Женьки:

— От тебя, что ли?

— От всех! — решительно заявляет Петька. — Носик как у меня станет.

— А ну вас! — отмахивается Славка. Физиономия у него снова становится скучной.

Пока ребята боролись за меня, я не заметил, что выпрямился. Только сердце все равно стучит, страх не уходит.

Плывем вдоль берега. А мальчишки на большом плоту веселятся. Один шлепается за борт, подняв тучи брызг. Ему протягивают шест, и мальчишка, довольный, влезает на бревна, прыгает, чтобы согреться.

Ребята с завистью смотрят на них. Славка злится. А все из-за меня.

Не знаю, что со мной, но я вдруг прыгаю в воду, машу руками и ногами. Плыву к берегу. По-настоящему.

— Плывет! — восхищенно орет Петька.

Я выбираюсь на берег и растерянно смотрю на ребят. Плот довольно далеко. Как это получилось? От радости снова плюхаюсь в воду и плыву обратно. Ребята подбадривают. Теперь парни с большого плота останавливаются и удивленно смотрят в нашу сторону.

Плавание начинается по-настоящему. Мы забираемся на середину пруда, а мне почти не страшно. Во всяком случае, делаю вид, что ничего не боюсь. Обгоняем соперников. Те сильнее налегают на шесты, разгоняют тяжелый плот из бревен и берут нас на таран. Терпим кораблекрушение. Только Женька удерживается, топчется на досках, потом прыгает за нами. Плывем к вражескому плоту. Я быстро устаю, страх снова затаился где-то внутри, но рядом брат. Не утону. На большом плоту завязывается сражение. Вниз

летит то наша армия, то противника. Их больше, и нас всех скидывают в воду. Правда, потом снова пускают. Плот большой, всем места хватит.

Потом лежим в овраге. Тело немного ноет от усталости. Вверх поднимаются клубы дыма. Это ребята курят, а мне не дают.

Петька морщится:

— Гадость страшная, лучше не привыкай!

У Лешки лицо испуганное и глупое. Тоже мне, взрослый! Когда возвращаемся домой, Петька вдруг говорит:

— А Вовка нормальный пацан!

Мне ужасно приятно, но вида не подаю.

Оставшись наедине с Лешкой, я уже не могу сдерживать радости, спрашиваю:

— Вы теперь меня всегда с собой брать будете, да?

Брат улыбается. Смотрит на меня, как на маленького. Я недовольно хмурю брови.

— Чего смеешься?

— Не смеюсь, а улыбаюсь, — поясняет Лешка. — Уж больно ты солидный сразу стал.

— Да ну тебя...

Четыре урока мы ворочаемся за партами, пытаюсь защититься от майского солнца. Будто рыбы, выброшенные на берег. Наконец, звонок. Мы с воплем несемся на улицу.

Семиклассники убирают школьный двор. Не все, конечно, а девочки. Мальчишки собрались в кучу. Лешка тоже среди них. Я дергаю его за рубашку, он оглядывается.

— А, это ты... Смотри, щенок какой! Нам бы его.

Увидеть что-то сквозь толпу невозможно. Лезу между ногами и чуть не сталкиваюсь с косолапым щенком. Он доверчиво тыкается в протянутые ладони.

— Пупсик, Пупсик! — слышится за школьным забором.

К щенку проталкивается полная женщина, хватая его на руки и прижимает к себе.

— Спасибо... милые ребятки... Не обидели Пупсика, — задыхаясь, говорит женщина. — Он еще маленький, а бегают быстро... Не угонишься.

Ребята расходятся. Мне жалко, что щенок не бездомный. Взяли бы его себе. Можно было бы упросить маму, раз у меня день рождения. Ой, забыл! Мама разрешила позвать ребят, хоть сколько, а из-за жары все из головы вылетело.

Прибегаю в класс. Там чудом задержалось человек десять.

— Ребята! — торжественно объявляю я. — Приходите завтра на день рождения. Все-все!

Так даже лучше, а то я не знал, кого пригласить.

Ребята галдеть стали, адрес спрашивать. Тут Нинка подходит и тихо говорит:

— Мне тоже можно?

Это самая противная девчонка, страшная ябеда. Но не отказываться же от своих слов.

— Конечно, приходи!

Возвращаюсь во двор. Лешкины одноклассники уныло орудуют метлами и лопатами. А девчонок уже отпустили.

— Давай сбежим! — предлагаю брату.

Он показывает глазами на учительницу, которая наблюдает за работой, грозно скрестив руки на груди.

— Ну и жизнь. Сплошное угнетение! — говорю я с чувством.

Учительница вздрагивает и растерянно смотрит на меня. Лицо совсем нестрогое. На мою тетю-санитарку похожа. Чего эти семиклассники ее боятся?

— Ладно, хватит на сегодня, — улыбнувшись, говорит учительница. — В следующий раз учтите, что нехорошо всю работу на девочек сваливать.

Мальчишки, не дослушав, разбегаются. Как маленькие! Учительница пытается их остановить:

— Погодите!.. А инструменты? — она с усмешкой смотрит на меня. — Вот. Совсем как в сказке про Джина из бутылки.

Мы с Лешкой перетаскиваем метелки и лопаты в деревянный сарайчик. Брат смотрит на меня...

— Ой, на кого ты похож!

Совсем недавно рубашка была белая, а теперь земляного цвета. Учительница пробует меня очистить.

— Попадет от мамы?

— Не... У меня день рождения завтра.

— А сегодня она успеет устроить головомойку, — успокаивает Лешка.

Учительница смеется.

— Я тебя поздравляю, — говорит она. — Вырастай скорей, мне очень не хватает такого помощника. Ладно?

Я киваю, раздумываю, сказать или не сказать...

— Знаете... Приходите ко мне на день рождения.

Учительница краснеет.

— Да вы не бойтесь, — успокаиваю я. — У нас еще одна девочка... то есть, девочка, будет. Нинка из третьего «а», знаете?

Учительница смеется.

— Я обязательно приду, только в другой раз. Когда ты моим помощником станешь. Договорились?

Мы с братом шагаем домой, оба задумчивые.

— Она тебе нравится? — вдруг спрашиваю я.

— Кто? Ты о чем? — не может понять Лешка.

Я молчу. На всякий случай.

Утром я долго не могу проснуться. Чувствую, что пора, — а не могу. С трудом разлепляются глаза... Все понятно. Вместо солнца мокрые от капель стекла. Монотонно шумит дождь. Вставать совсем расхотелось. Я смотрю на Лешку. Он лежит с открытыми глазами.

— Лешка, дождь, — жалуюсь я.

— Ты уже проснулся? — улыбается брат. — А я тебе подарок придумал. Стихотворение. Будешь слушать?
— Читай скорее! — требую я.
— Сейчас... — Лешка устраивается повыше на подушке, чтобы меня видеть. — «Мушкетер» называется.

*Уходит солнце за поля,
И кто-то в мире спит.
А он садится на коня
И вдаль, стремглав, летит.
Бывают схватки нележки,
Бывает — кровь течет...
Но он дерется до зари...
И молча друга ждет.
Вот гаснет зоревой костер,
Уходит солнце дня...
Давай же, Вовка-мушкетер,
Седлай скорей коня!*

Лешка замолкает, опускает глаза. У меня в самом деле появляется желание вскочить на коня и помчаться на помощь мушкетеру. Коня рядом нет, и я вскакиваю на Лешку. Он брыкается и скидывает меня.

— Ты когда-нибудь на лошадях катался? — спрашиваю я.
Лешка мотает головой. Улыбается:

— Помнишь, мы их в лесу встретили?

Конечно, помню. Лошади бесшумно бродили по поляне, иногда склоняли длинные шеи к траве и фыркали. Я их сразу полюбил.

Мама выходит из кухни. Сердито смотрит на нас.

— Вы что валяетесь, бездельники? Скоро гости придут.

— Какие гости, — вздыхаю я. — Дождь.

— Кончился он, пока вы спите. Глаза протрите, милые сыночки.

Мама гордо удаляется на кухню.

Дождь в самом деле стих. На всякий выбегаю на улицу. Солнце чистенькое такое, будто умытое.

У самого крыльца лужа образовалась. Как гости смогут пройти? Бегу в дом.

— Лешка, у самого крыльца наводнение.

Брат выглядывает на улицу, задумчиво чешет затылок.

— Мост нужен, вот что.

Я вспоминаю про доску на нашей кровати, которая вечно вылетает. Пусть доброму делу послужит, а не вредничает.

Крыльцо мокрое от дождя. Приятно по нему бегать босиком. Я перекидываю доску через лужу и с удовольствием смотрю на образовавшийся мост.

Мама легким шлепком выводит меня из задумчивости.

— Зачем босиком бегаешь? Простудиться хочешь, да?

Я обиженно надуваю губы.

— У меня день рождения, а ты дерешься.

— Иди, одевайся. Взрослый мужик, а без штанов по улице бегаешь, — смеется над моей обидой мама.

Когда приходят гости, я выбегаю на крыльцо посмотреть, как они по моему мостику пробираются.

Нинка приходит с большим медведем, сует его мне... И плачет.

— Ты чего? — удивляюсь я.

— Мишку жалко. Мы с ним очень дружим, — признается Нинка сквозь слезы.

— Так возьми обратно.

Глаза у Нинки становятся испуганными.

— Ты что! Это подарок... Тебе.

Не такая уж она плохая. Добрая.

В доме весело. Сразу несколько ребят висят на Лешке, пытаясь его повалить. Шум такой, что дед зимнюю шапку натянул и ушел наверх в свой кабинет. Мама качает головой и предлагает более спокойное развлечение:

— Давайте, каждый что-нибудь расскажет, станцует или споет. Это самый хороший подарок Володе — и концерт получится.

Нинка первая влезает на табурет и читает прерывающимся от волнения голосом:

Мой веселый, звонкий мяч,

Ты куда пустился вскачь...

Прядь волос все время падает на лоб. Нинка терпеливо убирает ее, пока читает стихотворение. Мама улыбается:

— Молодец, Нина.

— А у меня брат сам стихи сочиняет, — радостно сообщаю я.

Лешка шепчет на ухо:

— Не надо, Вов.

Я не унимаюсь:

— Он мне такие стихи написал. Только прочитать стесняется.

— Прочитай!.. Прочитай!.. — кричат ребята. Им теперь лишь бы пошуметь.

Лешка обиженно смотрит на меня. Я и сам понимаю, что-то не так, только остановиться не могу.

— Эх, ты! У меня день рождения, а тебе прочитать жалко.

Я вылезаю из-за стола и удаляюсь на кухню. Знаю, что брат появится следом.

— Вов, ты что? Ну, послушай...

— Не хочу я тебя слушать.

Лешка уходит. Вот тут я по-настоящему обижаюсь. Из комнаты доносятся взрывы хохота. Ну и пусть. Пусть веселится, раз он такой.

Заглядывает мама.

— Владимир, что такое? Нехорошо гостей бросать. Что с тобой?

— Ничего, — огрызаюсь я.

— Капризничаешь как маленький.

Я с сердитым видом возвращаюсь. Пусть Лешка видит, как он мне настроение испортил. Брата нет...

Нинка весело сообщает:

— А под Киржаковым стул сломался.

Все смеются. И я тоже. Толстый Ленька Киржаков краснеет, но веселится с нами.

Мама вносит большущий торт, крендельки с маком и еще много всякой вкуснятины. Гости притихают, поглощая сладости. А Лешка все не идет.

Я шепотом спрашиваю у мамы:

— Лешка где?

Она строго смотрит на меня.

— Ушел...

Ложка падает у меня из рук и со звоном летит под стол. Я не поднимаю ее. Даже на торт смотреть не хочется.

Как же так?.. Злость давно прошла, поэтому понимаю: сам во всем виноват. А брат бродит из-за меня по пустым улицам. Может, даже плачет...

Я выбираюсь из-за стола и бегу во двор.

Лужи почти высохли. Мой мост валяется никому не нужный. Да какой это мост? Обыкновенная грязная доска.

Пробегаю в один конец улицы, в другой. Лешки нет. В окнах мелькают тени ребят. Веселятся вовсю. Пусть развлекаются без нас. Им все равно. Вспоминаю про Нинку с медведем. Чего я на всех кидаюсь?.. Совсем запутался. Так плохо без брата. Я на всякий случай зову:

— Ле-ошка!

Поленница во дворе шевелится. Вылезает Лешка.

— Чего тебе?

— Ты зачем ушел? — спрашиваю виновато.
— Просто... На улицу захотелось.
Глаза у него не злые, но в самых уголках затаилась обида.
Лешка опускает глаза.
— Что же ты Петьку с Женей не пригласил? И Славку можно было... Не чужие.
— Они бы пошли? — с сомнением спрашиваю я.
— Конечно.
Все у меня сегодня не так. Я жалобно смотрю на брата.
— Пошли домой, а?
Лешка кивает.
В темной прихожей, где не видно моего лица, шепчу:
— Леш, я не хотел... Ну, ты знаешь...
— Да ладно...
Я чувствую на плече теплую руку. Сразу становится спокойней. Лешка поможет во всем разобраться.

У меня уже каникулы, а Лешку ожидает в понедельник решающая контрольная, но до нее три дня. Мама очень волнуется. Лешка успокаивает:

— Не бойся. Мы завтра в поход идем, с ночевкой. Там и подготовимся.
— Что?!

— Нам учительница советовала заниматься на свежем воздухе. Вот мы и...

Про поход ребята при мне сговаривались, но меня не пригласили. Можно было спросить, но я побоялся. Вдруг откажут. А так оставалась какая-то надежда. Стараюсь не показывать тревогу. Сердито спрашиваю Лешку:

— В поход собираетесь?
Он удивленно смотрит на меня:
— Да... Ты же знаешь.
— А я?

В Лешкиных глазах появляются смешинки.

— Ты что, не слышал, как Петька считал, сколько нас будет? Рядом ведь стоял. Или тебе особое приглашение нужно?

— Особого не нужно, — ворчу я, с трудом сдерживая радостную улыбку.

Лешка будит меня рано-рано, а я не могу проснуться. Вспоминаю про поход — и сразу соскакиваю. Свет уже наполняет комнату.

— Не опоздаем? — беспокоюсь я.

Мне кажется, Лешка слишком долго возится с рюкзаком.

— Все в норме.

Мама тоже просыпается и говорит:

— Поешьте как следует на дорожку и оденьтесь потеплее. Ночи еще холодные.

Лешка улыбается.

— Ладно, мам. Ты не волнуйся.

Мама от его улыбки успокаивается, как всегда.

Приятно вышагивать в легких кедах по дороге, когда солнце еще невысоко. Воздух влажный, прохладный. Если распахнуть рубашку, совсем хорошо. Будто в воде плывешь.

Петька болтает без умолку то с одним, то с другим. Оглушил всех. Женька пыхтит под рюкзаком. Мы один на всех взяли, тяжелый получился. Хотели попеременно нести, а Женька сказал:

— Сам понесу.

Это он из-за Славки, который Женьку слабаком дразнит. Славка и сейчас губы кривит, щурится.

Лешка смотрит вокруг бездумными глазами. Опять сочиняет что-нибудь.

Мне все кажется, что мы плетемся кое-как. Вот бы оттолкнуться сейчас от земли и пронестись по воздуху. Хоть немного! Потом еще и еще... Я во сне часто так бегаю. Получается, будто летаю. Жаль, что на самом деле все не так.

Вспоминаю, как мы с Лешкой в лес к большим муравьям ходили.

Я так ждал встречи с ними, а муравьи оказались обыкновенные. Я обиженно сказал брату: «Вовсе они не огромные, даже не поиграешь». — «Есть побольше, термиты называются, только они далеко, в Южной Америке. У них дома — как землянки у людей». — «Пойдем туда, — попросил я. — Ни разу не устану, честное слово». — «Ты что, это очень далеко, на другой стороне земли, — улыбнулся Лешка. И вдруг испугался. — Только не вздумай сам уходить. Все равно пешком не дойти».

Я тогда промолчал. На всякий случай. Сейчас вспоминаю об этом и тихонько смеюсь. Ребята оглядываются.

У Женьки ноги заплетаться начинают. Я подхожу сзади и чуть придерживаю рюкзак. Женька резко поворачивается и чуть не падает.

— Чего лезешь?!

Петька удивленно смотрит на него, потом подходит и тянет рюкзак на себя. Женька не дает.

— Давай, тебе говорят.

Женька отворачивается. Потом говорит:

— Я еще немного понесу. Ладно?

Петька качает головой и отходит. А Славка смотрит с ухмылкой. Ну и гад! Вымахал — и думает, теперь ему всех презирать можно.

Говорю:

— После Женьки я рюкзак понесу.

Петька мотает головой и кричит:

— С ума сошел, да?

Лешка непонятно улыбается...

Когда добираемся до Щучьего озера, солнце палит вовсю. Бросаемся в прохладную воду. Усталость улетучивается.

Будто я и не тащил тяжеленный рюкзак. Ага, следы на плечах от лямок остались.

Заваливаюсь на траву. Она еще маленькая, мягкая, очень зеленая. Солнце будет жечь ее все лето, пока стебельки не сникнут, пожелтеют. Наверное, трава сердится на жаркие лучи. А мне солнце нравится. Оно высушивает капли и начинает жечь кожу. Снова бросаемся в воду, потом загораем.

Хворосту в этих местах мало, а без хорошего костра неинтересно. Славка предлагает сухие ветки с сосен обламывать.

Ветки начинаются высоко. Я все ноги исцарапал, пока по стволу карабкался. Все равно интересно. Стукнешь ногой по сухой ветке — она вниз летит. Треск такой, будто медведь через чащу ломится. Я забираюсь высоко, веток внизу не остается, почти все сломал... Пробую скользить по стволу и расцарапываю живот, чуть не падаю. Хорошо, что никто не видит, а то не пустят больше. Нужно было сначала забраться повыше, а потом вниз спускаться, обламывая ветки. Хочу поделиться открытием, но Славка еще интересней штуку придумывает. Повиснет на ветке — она хрустнет, и Славка летит вниз вместе с ней. Говорит, как на парашюте получается. Лешка мне кулаком грозит, чтобы не пробовал. Да я и сам не сумасшедший.

Когда весь хворост собираем вместе, огромная куча получается. Здорово Славка придумал. Только хвалить его не хочется — еще больше зазнается.

На нос падает капля. Откуда?

— Ой, что сейчас будет! — вопит Петька, показывая на черную тучу.

— Нужно одежду в рюкзак спрятать, — говорит Лешка.

Мы запикиваем туда брюки и рубашки, укрываем под деревом ветками. Костер большущий разводим. Напрасно дождь хлещет его. Огонь не сдается, пышет жаром то на живот, то на спину. Это мы ворочаемся, чтобы не продрогнуть.

Вроде индейского танца получается. Дождь понял, что с нами не справиться, — и перестал.

Туча несется дальше, а у нас уже солнце. Все мгновенно высыхает.

Делать теперь нечего... Скучно. Славка зовет по скалам лазить. Я сначала радуюсь, а потом думаю: раз Славка предлагает, значит, дело небезопасное.

Скалы оказываются громадными, почти отвесными.

— Тут не залезешь, — авторитетно заявляю я, пытаюсь скрыть страх.

Но Славка с легкостью забирается на вершину. За ним остальные. Значит, и мне нужно. Смотрю на скользкие камни и не могу решиться. Сейчас кто-нибудь скажет: «Что же ты? Давай к нам». Что я отвечу?

Никто не зовет, даже Славка не дразнится. Все равно не по себе. Нахмурившись, ухожу к костру.

Со стороны скал доносятся крики: «Ура!»

Я лезу на сосну, прямую, как стрела, почти без веток. И не страшно. Почему на скалах испугался?

Вижу, как ребята спускаются. Притихли. Спускаться труднее, чем подниматься. С дерева тоже. Но мне не страшно. Кора шершавая хорошо держит. И запах у нее знакомый: когда ручки бегут, из такой коры кораблики делают. А у скал запаха нет...

Углей в костре уже много, ребята картошку печь закладывают. Делают вид, что ничего не случилось, но мне все равно кажется: презируют. Стараюсь не смотреть на них. Если не залезу на скалы, не прощу себе. Я потихоньку начинаю продвигаться в сторону леса.

Стемнело. Скалы кажутся выше и неприступней. Я хожу вокруг, собираюсь с духом. Рассматриваю камни. Оказывается, на них много выступов, трещин. Не такие уж они неприступные.

Я ставлю ногу на камень, рукой хватаюсь за другой. Еще шаг, еще. Я уже высоко, но путь преграждает пузатый камень. Навис надо мной, не перелезть. Придется спускаться. Смотрю вниз — и глаза закрываю. Подо мной острые камни торчат. Голова кружится. Я прижимаюсь к скале. Но долго так не прстоишь. Пальцы затекают, вот-вот разомкнутся. У меня такой же ужас, как когда-то на пруду, когда провалился в яму и стал тонуть. Только теперь никто не поможет. Все, конец...

— Лезь вверх! — слышу снизу голос брата.

— Тут камень...

— Лезь, говорят! — кричит Лешка. — Иначе разобьешься!.. Там у камня сверху выступ есть, нужно только дотянуться. Вовка, ну, лезь же!

Лешка, кажется, плачет.

Я собираюсь с силами, встаю на цыпочки и нащупываю выступ. Будь я повыше, легко бы до него дотянулся, а так не могу. Если только подпрыгнуть?.. Я приготовился, но в последний момент становится страшно, сердце будто морозом обдает. Закусываю губу, вот-вот взвою. Неужели все?.. Не думая, вдруг отталкиваюсь и... одной рукой цепляюсь за выступ, хватаюсь другой.

Все, теперь залезу!..

ВЕСНА ТРЕТЬЯ

- Мама, ну пожалуйста!
- И не выдумывай!
- Мам...

Я готов встать на колени, сделать что угодно, только бы вырваться на улицу. Хоть на минуточку!

Неделю проваляться в постели — это же пытка. И когда? Весна в самом разгаре, ручьи. А запах! Он проникает сквозь щели и мучает. Если не выпустят на улицу, совершу что-то ужасное. Я маме так и говорю. Она качает головой и... сдается.

Приходится укутывать горло большим шарфом. Головой ворочать трудно, а так хочется все рассмотреть. Теперь я понимаю, что за запах донимал меня. Пахло подтаявшим снегом, капающими сосульками, ожившими после спячки деревьями. Каждая ветка настороже: бояться прозевать миг, когда нужно выпускать клейкие листочки. Пахло только что сделанными из коры корабликами, которые осторожно спускают на воду. Они дрожат от нетерпения, торопятся в путь. К морю! Туда, где теперь мой брат в армии служит.

Пока болел, нашел в старых бумагах Лешкино стихотворение, странное, вовсе на стихи не похожее. Оно напоминает о времени, когда мы с братом в валенках по весне ходили.

*Солнце!
Видю тебя в потеплевшем окне,
В снегу,
что не выдержал ласки твоей и заплакал...
В слезах,
Которые проливают сосульки,
Прощаясь с жизнью,*

*В улыбках,
Которые появляются у малышей во сне...
Они уплывают на парусном судне.
К морю.*

Брат теперь в Морфлоте, на подводных лодках. Выше деда стал, плечи широченные. Просто великан, только добрый, потому что улыбается по-прежнему. Иначе его не узнать. Как только в подводную лодку вмещается? Хорошо, что их сейчас большими делают, даже со спортивным залом. Лешка там тренируется. Поэтому, говорит, и растет. Это он меня воспитывает, потому что зарядку ленюсь делать. А брат так натренировался, что однажды пять километров пробежал — и хоть бы что. У них что-то случилось, пришлось всплывать. Врач особый понадобился, а город далеко. Вот Лешка и побегал. Ему за это отпуск дали...

Брат приехал ночью, когда я спал. Улегся рядом, а я ничего не понял. Глаза приоткрыл и испуганно залепетал: «Что такое? Чего тебе надо? Уходи!» Лешка повернул меня на другой бок, укрыл одеялом.

— Спи. Это тебе снится, что брат приехал.

Я улыбнулся и спокойно уснул.

Это Лешка потом рассказал. Может, придумал все, он любит придумывать.

Правда, когда я утром проснулся, в самом деле испугался. Лежит рядом этакий детина и похрапывает. Я хотел маму звать, но смотрю — лицо вроде знакомое. Как заорал:

— Леха!.. — и от радости трахнул его подушкой.

Брат соскочил с кровати:

— А?.. Что случилось? Тревога?

Я повис на нем, попробовал повалить, но куда там... Пыхтел, пыхтел, потом говорю:

— У, вымахал!

Лешка расхохотался, поднял меня высоко-высоко. Я беспомощно болтал ногами, кричал, что уже не маленький.

Хорошо с Лешкой. Мы на пруд ходили. Брат решил «детство вспомнить» — на плоту прокатиться. Забрался, а плот ко дну пошел, не выдержал такую тушу. Потом мы шли по лесу, усыпанному желтыми листьями. Осень была в самом разгаре. Лешка про поход вспомнил и про скалы, на которые я карабкался.

— Я тогда думал: все, пропал Вовка. Стою внизу и жду: если падать будешь, постараюсь поймать. Знаю, что бесполезно, но хоть погибать вместе...

— Если бы не ты, я бы не залез. Повисел бы и... У меня без тебя ничего не получается, — признался я.

Лешка засмеялся:

— Совсем ничего?

— Конечно! И ты не смейся...

Я рассказал, как вожатым к октябрятам меня назначили. Спрашиваю: «Ребята, за что?» — «Так ты же все время с малышами возишься», — говорят. Я объяснил, что это на улице, а не в школе.

Ребята ни в какую. «Что хоть с ними делать?» — спросил я. Посоветовали книжки читать. Взял я «Робинзона Крузо» и пришел в класс. Читаю. Вдруг мне в лоб комок из промочки попал, потом в щеку. Ну, я виду не подал, продолжал читать, а сам потихоньку наблюдал. Три пацана шарики катали и готовились меня обстреливать. А весь класс хихикал. Что делать? Я достал свою трубочку, снаряды у меня всегда наготове — и начал отстреливаться. Тут учительница зашла... Крику было! Из вожатых меня поперли.

Лешка стал хохотать. У человека несчастье, а он смеется.

Без брата мне в самом деле трудно, а отпуск у него кончился слишком быстро. Когда прощались, мама в одно плечо Лешке уткнулась, дед в другое. Брат гладил их и приговаривал:

— Ну, перестаньте! Тоску какую нагнали... Да вы что, хороните меня? Хотите, каждому на память кусочек от себя оставлю?

— Давай ремень! — обрадовался я.

Мне он сразу приглянулся. Широкий, пряжка с якорем. Я хотел еще тельняшку выпросить, но мама заругалась:

— У, бессовестный! Ты только посмотри, Алексей, какого мы человека вырастили.

Лешка засмеялся, снял ремень.

— Бери. У меня запасной есть!

На вокзал брат взял только меня, потому что я — мужчина и слез лить не буду. Мы шли пешком через весь город. Лешка рассказывал, как бежал свои пять километров. Сначала израсходовал первое дыхание, думал, упадет, потом бежать стало легче. Но это ведь не спортивный забег, нужно было спешить. Вот когда кончилось второе дыхание... Худо было.

Как худо, он рассказывать не стал. Я сам понял, когда попробовал пробежать пять километров. В классе втором или третьем мы отмеряли их с учительницей — от школы до избышки лесника. Я побежал. Думал: брат может, а я хуже? Пробежал километра два, до леса. Не знаю, сколько у человека дыханий, а у меня легкие гореть стали, будто в них тысячи иголок впились. Ноги стали тяжелыми, сердце чуть наружу не выскочило. Я упал — и долго не мог подняться, хватал ртом воздух... Обидно стало: значит, не могу. Написал Лешке — он меня дураком обозвал. Говорит, что сначала на маленькой дистанции тренироваться надо, постепенно ее увеличивать. Я решил, что к его возвращению успею. Вернется Лешка, я скажу: «Ну-ка, пошли, кто кого!..» Он бежит, а я не отстаю, смеюсь только...

Это я потом решил, а когда шел с Лешкой к вокзалу, то расспрашивал, в настоящих ли он морях плавает? А то есть

большие озера, которые почему-то морями называют... Лешка плавал в настоящем. Большом и синем.

— Правда, оно не чисто синее, а с разными оттенками — зелеными, желтыми. Помнишь, как ты к морю уходил? — засмеялся Лешка. — Мне еще из-за тебя влетело.

Я проворчал:

— Ничего смешного. Я и сейчас с удовольствием бы ушел, — и вдруг попросил, ни с того ни с сего. — Возьми меня с собой, а? Или сам останься.

Я даже за руку его взял покрепче, как когда-то во сне. Разве справедливо оставлять меня без брата? Если уж надо в армию, так вместе...

— Ну, я-то думал, что взял с собой мужчину, — недовольно сказал Лешка.

— Мы еще до вокзала не дошли, пока можно, — нашелся я. Помолчали. Лешка виновато глянул на меня.

— Привыкай, брат. Не все же тебе в младших ходить.

— Я и говорю, что мне в армию с тобой надо.

Опять Лешка стал смеяться. Думал, шучу.

— Это только кажется, что пройдет сколько-нибудь лет, пойдешь работать, ну, женишься, дети появятся — и станешь взрослым. Встречал я таких... Служит у нас один женатый, а хуже маленького. Все время ноет, ничего сам сделать не может. Жена к нему, мама чуть ли не каждый месяц приезжают. Понимаешь?

— Не очень.

Тут Лешка сказал, что он раньше мне завидовал. О младшем все заботятся, а старшего все время ругают. Если что случится — у мамы всегда Лешка виноват. Вот и мечтал мой брат поменяться со мной местами, чтобы старший брат придумывал игры, волновался за младшего, помогал бы во всем.

— Помнишь, как мы с Гришкой Афониним дрались?

Еще бы не помнить!

Гришка преградил нам путь, когда возвращались из булочной. Широкоплечий, похожий на боксера, с угрожающей ухмылкой. Его все боялись. Я спрятался за брата, он все равно даст этому страшиле. И Лешка сорвался с места, стал яростно дубасить Гришку. Тот растерялся от неожиданности, попятился, упал, а потом побежал, хотя за ним гнался я один, размахивая сеткой с буханкой хлеба.

— Я у тебя всегда — герой, — сказал Лешка. — А если хочешь знать, я этого Афонина боялся. Он часто ко мне привязывался: «Давай подеремся один на один». А как с ним драться, если мускулы у него как стальные. Навалится на тебя — и уже не вырвешься. Только Петька со Славкой и спасали. А тут он меня одного подкараулил. Если бы не ты... Стыдно перед тобой было, понимаешь? Это благодаря тебе я становился старше.

Вот это да! А мне казалось, что это я расту благодаря брату. Разве так за ним угонишься? Без младшего брата.

Мы шагали по городу — я и брат, похожий на доброго великана. Его рука лежала на моем плече, и от этого очень хорошо было жить на свете.

Воспоминания прервал резкий звонок. Рядом, не спеша, едет куда-то трамвай и весело трезвонит. Я бегу за ним и прыгаю на ступеньку. Теперь мы бежим вместе...

Народу в вагоне немного. Старушка в очках читает газету, две девчонки болтают у окна. Я сажусь напротив. Девочки замолкают. Бойкая, с распущенными волосами, склоняется к подруге, которая все время глаза прищуривает, и говорит, чтобы я слышал:

— Чего этот парень на нас уставился?

— Влюбился, наверное, — кокетничает подруга.

Они смеются. Я опускаю глаза и, кажется, краснею. Хочу размотать шарф на шее, но поздно.

— Простуженный, а туда же... Сейчас еще приставать начнет. Может, пересядем?

Я беспомощно смотрю на них. Что я им сделал? Вредины. Старушка поглядывает в мою сторону, улыбается.

— Оставь его в покое, Марина, — говорит девчонка с прищуром. — Мальчик сейчас заплачет.

Я выскакиваю на ходу, с трудом удерживаюсь на ногах. Дуры ненормальные. Чего привязались? Правда, особой злобы у меня нет — все-таки симпатичные.

Трамвай уносит их, и я смотрю вслед даже с некоторым сожалением.

Я оказался в новом районе, где стоят многоэтажные дома. Не то что наши. Деду предлагали в такой переехать, даже упрашивали, а он:

— Подождите немного. Умру скоро, тогда пусть мои переезжают.

Конечно, наш дом очень хороший. Но в новых, по-моему, интересней.

На тротуаре мальчишки играют в войну, бегают с палками-винтовками и «стреляют».

— Дяденька, не выдавай, — просит шустрый карпет и прячется за меня.

Продвигаемся к мальчишке, который растерянно оглядывается. А противник вдруг выскакивает перед самым носом и тархтит. «Убитый» с обидой смотрит на меня.

— Ничего не поделаешь, война! — развожу я руками.

Поскорее уйду от ребят, потому что очень хочется поиграть с ними, а надо взрослым становиться. Хорошо хоть эти пацанята за «дяденьку» признали. Я-то знаю, что нисколько не изменился, такой же, как в шесть лет, а приходится вести себя солидно. Иногда. Взрослые, наверное, несчастные люди. Мой брат, например, недавно смешное письмо прислал. Я его с собой ношу.

«Вовка, я часто о тебе думаю. Устанешь страшно, нервы на пределе, а вспомнишь, как мы кораблики по лужам пу-
скали, как ты к морю уходил, — хорошо так! Я не смеюсь —
мне такая мысль в голову не приходила.. Представляешь, до-
брался бы ты до моря, а там парусное судно тебя дожидается.
Я даже песню про это придумал. Ты уж не суди строго брата.
Сам понимаю, что поэта из меня не выйдет, но иногда слова
помимо воли складываются.

*Шагнул на палубу впервые капитан —
И улыбалась вся матросская братня.
Воскликнул боцман: «Братцы, пьян я иль не пьян?
Мальчишки сроду не водили корабля!»*

*«Ах, боцман, боцман, ночами я не спал,
Мечтал о море, о бурях, о тебе.
И вот теперь я капитаном стал
На вашем старом, славном корабле».*

*Дрожали снасти, гудели паруса,
Корабль как птица несся по волнам.
Перекрывая пространства голоса,
Мальчишка вызов бросал морским ветрам.*

*Но ветер шуток очень не любил —
Темнее ночи настиг их ураган.
И кораблю грозил уж явно оверкиль.
Мальчишка крикнул: «Братцы, по местам!»*

*Когда же буря измучила вконец,
Со стоном боцман на палубу упал,
Все не сдавался отчаянный юнец —
Ревел, но крепко в руках держал штурвал.*

*И улыбались седые моряки,
Шептал им боцман: «Братцы, пьян я иль не пьян?»
С тех пор мальчишки водят корабли.
Зовет с собой их самый смелый капитан.*

Вот какое письмо Лешка прислал. Говорит, чтобы я выросл, а сам песенки пишет. Я-то ничего, я понимаю. Мне эта песенка очень даже понравилась. Но... Просто смешно. Я прошу у брата совета, как взрослеть, у меня самого плохо получается. Он предлагает совершать поступки какие-то особые. Я один раз попробовал...

Вижу — мальчишка, третьеклассник, плачет. Горько так.

— Ты чего? — спрашиваю.

Он молчит, отворачивается обиженно. А слезы все текут.

С трудом выяснил, что у него парни солдатский ремень отобрали, подарок брата. Вот сволочи!

Я сразу про свой вспомнил, даже проверил, на месте ли. Стараюсь не расставаться с ним, даже на ночь под подушку кладу. Если бы у меня ремень отобрать попробовали, я бы!..

— Идем, — говорю решительно, будто в холодную воду бросаюсь.

Малыш ведет меня во двор, а там трое парней, чуть младше меня. Один толстый, с красными отвислыми щеками. Если до драки дойдет, еще неизвестно, чем это кончится.

— Кто? — строго спрашиваю малыша.

Тот молчит.

— А ну, верните ему ремень! — как можно смелее требую я.

Кудрявый, с хитрыми глазками, ехидно так заявляет:

— Какой ремень? Мы ничего не брали. Разве это мы?

Мой подзащитный ни слова, побелел весь. Толстяк похлопал его по плечу и многообещающе улыбнулся:

— Разберемся. Ты только покажи, кто тебя обидел.

Мальчуган развернулся и побежал. Что делать? Растерянно посмотрел на ухмыляющихся парней и бросился следом.

— Постой! Куда ты, подожди минуточку!

Еле догнал. Малыш стоит, смотрит исподлобья, дескать, что привязался, только хуже из-за тебя.

Я молча снял Лешкин ремень, повесил ему на плечо и ушел, не оглядываясь. Обидно до слез. Чувствовал себя побитым и беспомощным, как тогда, когда пробовал пробежать пять километров. Опять дыхания не хватило.

Кто-то окликает меня. Верчу головой — никого.

— Вовка, я тут, наверху.

Это Витька Котенко, из нашего класса. Мы его Котиком зовем. Его окошко высоко, на пятом этаже. Здорово! Котик лег животом на подоконник. Под глазом у него здоровенный синяк. Он кричит:

— Ты что в школу не ходишь? Болееешь?

— Да. А тебе хорошо там, наверху?

— Чего хорошего? — морщится Витька. — Мать на улицу не пускает. И не удерешь, высоко.

— Опять подрался?

Витька в ответ вздыхает. Солидно молчим. Вид у побитого одноклассника жалкий. Надо его развеселить.

— Котик-обормотик.

Витька удивленно смотрит на меня, а я невозмутимо продолжаю:

— Котик-бегемотик.

— Т-ты что... обзываешься?

— Котька-Мотька.

— А ты... ты... — Витька смотрит по сторонам. — Столб, вот кто!

Он хохочет, но у меня-то в рифму:

— Котик-самолетик.

— Вовка... морковка!

Витька радуется, что у него получилось. Только куда ему со мной тягаться. Мы с братом раньше часто так «ругались».

— Котик-живоглотик. Котик-полиглотик.

Вовка хочет ответить, но могучая рука втаскивает его за чуб в комнату. Сердитая мамаша закрывает окно.

Я начинаю понимать преимущество своего дома. Из любого окна можно выбраться на волю, поэтому угнетение невозможно. Пропадет Витька.

Ура, кажется, я нашел себя! Марина Владимировна, которая была у Лешки классным руководителем и хотела, чтобы я стал ее помощником, на перемене подошла ко мне.

— Володя, выручай. Не могу справиться со своими мальчишками. Не хотят книги по литературе читать. Представляешь, «Овод» им не интересен. Я уж не говорю про «Печорина» и «Онегина». Ты когда-то обещал помогать.

Я все помнил. Мне Марина Владимировна еще больше нравится. Она у нас преподавала литературу и так читала стихи, будто сама их написала. Еще она ввела новшество — чтение по очереди тех произведений, которые мы проходим. Мне достался «Вишневый сад» Чехова. Я не мог понять, почему Антон Павлович назвал пьесу комедией. Жизнь у хороших людей рушится, а тут — комедия. Когда начал читать и класс заливался от хохота — понял. Особенно ребята смеялись над Шарлоттой Ивановной в моем исполнении, когда она говорит невпопад на ломанном русском языке: «А моя собака орехи кушает». Марина Владимировна сказала странные слова: «У тебя, Володя, есть актерские способности». Значит, не зря я на клоуна в детстве тренировался.

Что такое актерские способности, я плохо представлял. Однажды библиотекарь решила с нами в четвертом классе «Петрушку-иностранца» Маршака поставить. Главной артисткой у нас после успеха на моем дне рождения была Нинка — ей роль Петрушки отдали. Долго не могли найти желающего сыграть Иностранца, потому что он купался в каком-то Обводном канале и у него брюки украли. Одним словом, нужно было на сцену в трусах выходить. Никто из мальчишек не соглашался. В конце концов Котик, ну, Витька Котенко, согласился: «А че такого?» Мне досталась роль отца Петрушки, потому что я точно изобра-

жал своего деда. Правда, сыграть ее, и возможно, с успехом, мне не удалось. В день спектакля не пришла Нинка, даже не помню, почему. Библиотекарь не знала, что делать. Тут я сказал, что знаю всего «Петрушку» наизусть. Спектакль, казалось, был спасен. Я бойко изображал Петрушку до тех пор, пока не забрался в большую картонную коробку с надписью «Мороженое». В темноте что-то со мной произошло — я забыл текст. После этого я с трудом, при громких подсказках библиотекарши, доиграл роль. Поэтому слова Марины Владимировны про актерские способности меня удивили. Еще необычной оказалось ее предложение. Учительница предложила мне поставить литературный спектакль с ее учениками. Я старше, с чувством юмора, ребятам со мной будет интересней, чем с учительницей.

— Ну, как, помощник?

Я не отказывался, но написал о своих сомнениях брату. Какой из меня воспитатель? Опять что-нибудь произойдет. Лешка всячески поддержал начинание и посоветовал не изображать из себя взрослого, а как можно больше все с ребятами обсуждать, на равных.

Для пробы, чтобы заинтересовать ребят, я решил с ними поставить басню «Волк и ягненок». Ягненком был я, а Волком самый маленький в классе Паша Саунин. Конечно, все умирали от смеха, когда я, чуть не вдвое выше его, дрожал от страха и заискивал: «От светлости его шагов я на сто пью... И гневаться напрасно он... изволит... Питья мутить ему никак я не могу» — «Поэтому я... лгу?! — наступал на меня, выпятив животик, Паша. — Негодный! Видана ль такая дерзость в свете!..»

Марина Владимировна смеялась не меньше других, а потом вытирала платком слезы, появившиеся от смеха.

— Очень хорошая идея. Можно поставить спектакль из басен, представив их современным образом.

Однако мы с ребятами уже загорелись идеей создать настоящий спектакль.

Самым забавным оказалось обсуждение, какую книгу выбрать для инсценировки.

— «Муму»! — предложил худой, болезненный парнишка под дружный хохот одноклассников.

— Почему «Муму»?

— Нужно сыграть ее по-новому, — неожиданно горячо продолжал паренек. — Несет Герасим собачку топить, а она и говорит: «Я тебе верно служила? Ты меня любишь? Тогда давай вместо меня барыню утопим, которая нас с тобой и весь трудовой народ обижает».

Некоторые ребята от хохота под парту полезли. Когда просмеялись, предложения посыпались одно за другим:

— «Евгения Онегина» поставим. Пусть они с Ленским вместо дуэли в шахматы играют и скажут: «Ну их, этих баб! Еще стреляться из-за них»... Почему из-за «баб»? Из-за любви! Что вы в этом понимаете. Давайте «Ромео и Джульетту» играть! Правда, девочки? Только чтобы они не умирали...

Марина Владимировна не вмешивалась, хотя ребята расшумелись. Кажется, она была радостно удивлена своими «нечитающими» учениками.

— А ты что предлагаешь?

Я не сразу понял, что это обращение ко мне. Интересовалась девочка с длинными косами. Все замолчали, как на уроке и повернулись в мою сторону. А я даже не думал... Вспомнил про «Трех мушкетеров» Дюма, которых во время болезни перечитывал.

— Только чтобы они в нашей школе появились. Здесь маленький Король учится. Кардинал — это директор школы...

— А Миледи — завуч! — засмеялся нахальный красавчик, на нашего Славку похожий. Это вылитый Атос.

— Точно. И над декорациями мучиться не надо...

Фантазия у ребят разыгралась — что надо. Я еле сдерживал, чтобы успевать записывать идеи.

Миледи я уговорил Нинку играть, а сам взялся за Кардинала. Все остальные роли неожиданно легко разошлись между ребятами. Паша Саунин, конечно же, получил маленького Короля, которого все угнетали, пока он не подружился со своими мушкетерами. Болезненного вида Сережа неожиданно стал Д`Артаньяном и оказался очень мужественным. По-моему, он стал открытием для девочек, которые до этого не обращали на него внимания, я видел, как они шушукались, поглядывая на отважного мушкетера. А Паша Саунин просто стал легендой в школе. Раньше его часто дразнили «Воров сын» из-за того, что его мама когда-то сидела в тюрьме. Он плакал и убегал под «жизнерадостный» смех толпы. После роли Волка Пашка выбирал самого здорового из обидчиков и бросался на него с кулаками. К нему теперь боялись приставать даже ребята из старших классов. От его напора, как говорит молва, хулиганы отходили со словами: «Да ну его... Псих какой-то». После наших «Трех мушкетеров», если рядом оказывались его или мои одноклассники, они вставали рядом с Пашкой.

Поскольку в зрителях ребят почти не осталось, на спектакль решили пригласить родителей и мой класс. Смех в спортивном зале, который был и местом общих сборов в школе, стоял такой, что уборщица тетя Валя несколько раз заглядывала, а потом со шваброй осталась на представлении и веселилась вместе со всеми, до слез.

Моя любимая сцена была в школьном буфете, где мушкетеры вместо бургундского вина заказывали:

— Три стакана кефира... Без сахара!

Слухи про наших «Мушкетеров» поползли по школе. Ко мне подходили делегации даже из старших классов с просьбой показать спектакль. Мы стали готовиться. Одно дело играть для себя, а тут — для всей школы. В разгар репетиций в зал заглянула завуч, мы ее «Кнопкой» прозвали за маленький рост и въедливость. А еще потому, что директора звали

Антон Руфимович. В кинотеатре такой фильм показывали — «Антон и Кнопка». Так вот, Кнопка вызвала в коридор Марину Владимировну. Та пошла, раскрасневшись как школьница. Артисты притихли, поэтому можно было расслышать:

— Говорят, вы учителей высмеиваете. И нас с Антоном Руфимовичем не пощадили. Разве это педагогично?

— А спектакль из-за этого отменять педагогично? Что про нас ученики подумают?

Ну, все, влип. Я же предупреждал, что со мной связываться нельзя. Да, взрослые получились очень смешными, но мы же не можем их придумывать. Я не могу сыграть другого старика, кроме деда. И мой кардинал прихрамывал, как директор школы, ходил маршем, приговаривая: «Мы, фронтовики, знаем, как королевством управлять. Не то что короли-молокососы». Еще он по-армейски все время ширинку проверял. Это мы на уборке картошки были, Антон Руфимович в перерыв подошел к нашей компании мальчишек, туалетов нигде не было. Директор помочился за деревом, вышел, проверяя, застегнута ли ширинка на штанах, и разговорился:

— Армейская привычка. Главное, чтобы ремень подтянут был, пилотка ровно на голове сидела и ширинка была застегнута. Я учителем быть не собирался. Токарем до войны был. После ранения мне предложили пойти на ускоренные курсы и директором назначили...

Миледи ходила с указкой, как Кнопка, всем замечания делала, особенно маленькому Королю:

— Руки выньте из карманов! Как нехорошо, Ваше Величество.

Король вынимал руки, и у него семечки сыпались.

— В угол, встаньте в угол! Какой позор для ученика королевской школы!

Марина Владимировна проявила неожиданную твердость. Спектакль состоялся. Завуч не пришла, а директор хохотал

вместе со всеми, бил своими большими ладонями то по коленям, то по лбу.

Принимая поздравления и благодарность от Марины Владимировны, я говорю:

— А у меня скоро день рождения... Вы что-то обещали, когда я стану помощником.

— Помню, помню. Обещаю банкет для всех в честь спектакля и твоего рождения.

Я сбегая от всех и иду домой, улыбаясь, как Лешка.

Дома вкусно пахнет. Мама на кухне поет.

— Ты уже вернулся, Володенька? А я блины пеку.

— Блины — это хорошо...

Чего мама так веселится? Подозрительно.

— Ты кого-нибудь в гости ждешь?

— Нет, — мама снова начинает петь.

— Чего тогда радуешься?

Она улыбается:

— Просто хорошо... Весна. Да ну тебя!..

Мне тоже хочется глупо улыбаться, но я сдерживаюсь.

Надо хотя бы перед мамой выглядеть солидным мужчиной.

— Давай скорей твои блины, есть хочется, — бурчу я.

— Подождешь.

Я со стоном убегаю от вкусного запаха.

Пусто в комнате... Сразу хочется, как всегда, чтобы Лешка скорее пришел. Никакие дела, даже самые важные, мне его не заменят. Снова чувствую себя маленьким-маленьким, как тогда, в шесть лет. Никуда от этого не деться. Даже страшно слегка, будто бродит рядом полузабытый «Он», который появился когда-то от стука в стенку. Я смеюсь и хочу стукнуть как следует кулаком, чтобы распрощаться с далеким страхом. Не успеваю. Дом вздрагивает от громких ударов в дверь.

— Вовочка, открой! Стучит кто-то, — кричит сверху дед.

Все как тогда... Не может быть, это же игра!

Мама выглядывает:

— Странно, стучат... Володя, ты что, не слышишь?

Я иду к двери.

Входит бородатый мужчина с хмурым лицом.

Я отшатываюсь.

Это «Он», который хотел однажды стащить меня с дерева, а потом преследовал в снах. «Хоть бы Лешка пришел», — как заклинание шепчу про себя. И спохватываюсь: чего бояться? Я уже большой.

— Не достучишься к вам. Полчаса барабаню, — сердито выговаривает бородач.

Мама пожимает плечом:

— У нас не заперто.

Мужчина еще больше злится:

— А я почему знаю?! Распишитесь. Я с почты.

Он уходит, оставив после себя гнетущую тишину. В маминих руках пакет. Она рассматривает его, нахмурившись.

— Вроде из части...

— От Лешки! — радуюсь я. — Он писал, что скоро демобилизуется.

Мама распечатывает пакет. В нем фотографии и листок. Руки у нее дрожат. Она опускается на стул.

— Мам, ты что? — бросаюсь я к ней.

— Читай. Я не могу.

Беру белый листок. Читаю вслух: «Дорогая Анна Ивановна! Ваш сын: Алексей Петрович Костров, трагически погиб при выполнении воинского долга. У моряков не бывает могил...»

Дальше читать не могу. В глазах туман. Фотографии вываливаются из пакета — и на всех улыбающийся Лешка.

— Это неправда, — говорю я. — Они врут! Я оглядываюсь, ища поддержку.

Дед сидит на лестнице, голова у него трясется.

Выскакиваю на улицу и бегу.

Куда? Не все ли равно.

На улице пусто и тихо, будто все уже знают, что Лешки нет. Нет? А как же я? В пространстве сразу образовалась темная пропасть.

Слезы слепят глаза. Хочется кричать.

Бегу, только мелькают мимо заборы. Это моя дистанция. Первый километр, второй. А пропасть преследует меня. Как тогда, когда я тонул. И когда чуть не упал со скал. Меня спасал брат, а теперь кто? Вдруг вспоминаю про маму и деда. Что же я наделал? Убежал, а как там они? Домой! Вот уже нет дыхания, а я продолжаю бежать. Я глубоко вздохнул, чтобы найти второе дыхание. Четвертый километр, пятый... Знакомое дерево, когда-то мы с Лешкой играли здесь. Вдвоем. И вот теперь его нет. Нет моего старшего брата. Пропать образовалась навсегда.

— Эй, дяденька!

Я не сразу понимаю, что обращаются ко мне. Малыш нелепо прыгает, пытаясь достать ветку на дереве. На ней застрял цветастый мешок, очевидно, со второй обувью.

— Дяденька, давай я тебе на плечи залезу, а то не достать.

Вздохнув, наклоняюсь. Мальчуган ловко карабкается на плечи. Легкий какой. Осторожно выпрямляюсь, придерживаю «наездника» рукой, чувствую, как бьется маленькое сердце. Теперь я ощущаю себя великаном, как мой брат. Малыш достает свой мешок, спрыгивает и, без слов благодарности, начинает его пинать.

— Что тебе мешок плохого сделал?

— Это не мешок. Это я с империализмом борюсь, — серьезно отвечает малыш.

Я иду своей дорогой. Недавно таким же смешным и маленьким был я. Страшно возвращаться в дом, где нет брата. А надо.

Теперь я — старший...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГРОМ СРАЖЕНИЙ

Крепко слепленный из снега снаряд, промчавшись сквозь густую круговерть снежинок, разбивается о фонарный столб...

Откуда он? Решил пошалить с нами неведомый фокусник, который щедро забрасывает землю снежными цветами? Кажется, что снежинки, простые и доверчивые, как улыбка, посылают только тебе. Только кажется, что они молчаливые — им отзывается невидимая струна в тебе, чувствуешь их мелодию, даже понимаешь чуть слышные слова. Вот сейчас они поют про принца из страны, где только лед, вьюга да северный ветер. Они приютили принца, когда он потерялся совсем маленьким. Вьюга укрывала снежным одеялом от холода, лед отражал ему солнечные лучи, и даже суровый ветер насвистывал нежные колыбельные. Мальчик подружился с ними, но все-таки он был человек, а они — стихии. Непонятная тоска однажды настигала его, когда он бегал наперегонки с ветром. Чем взрослее он становился, тем чаще грустил. Напрасно лед переливался цветными огнями, ветер звал к веселым играм. Только вьюга, казалось, все понимала. Однажды она взвилась вихрем — и снежинки превратились в прекрасную девушку с голубыми глазами и волосами.

...Наташа смеется. Снежинки испуганно сыплются с ее волос. Не голубых — темных, как зимний вечер. Локоны выбиваются из-под вязаной шапочки и пляшут от смеха. И глаза у Наташи не голубые, а коричневые с золотыми прожилками. Но не в этом дело. Если все вокруг легко превращается в сказку, значит, ты влюблен. Просто смешно!

Коварный снежок ударил в спину моей принцессы, второй чуть не сбил шапочку с ее головы...

Если ты идешь с девушкой и попадаешь под обстрел, значит, неподалеку притаился враг всех влюбленных —

мальчишка. Он со страхом и наслаждением ждет, когда взрослый парень закричит: «Я вот тебе!..» — и бросится в погоню.

Нет, дружок, не на того попал. Я потерплю, но потом месть будет неотвратима и ужасна.

Раз вокруг враги, я вынужден обнять Наташу, защитив собой от снарядов. Чувствуешь себя невесомым, как в вальсе, и не можешь разобраться: ты движешься — или планета кружится под ногами. Просто смешно.

— До завтра, Володя! — беспощадно возвращает на землю Наташин голос.

Ох, как не хочется выпускать ее из объятий — станет пусто, как у принца в моей снежной сказке.

Вслушиваюсь в звук легких шагов — и Наташа еще со мной. Насмешливо хлопает дверь. Вспыхивает в окне сигнальный огонек настольной лампы. Принцесса рядом. Я улыбаюсь, потому что чувствую, как тепло и весело ей. Взяла книжку, но строчки бессмысленно толпятся, потому что Наташа думает обо мне. Просто смешно — можно разговаривать с ней, как по видеотелефону. А кругом все спят, не понимая, какое чудо происходит рядом с ними. Все?

Я осторожно, с подветренной стороны, как полагается охотнику, подбираюсь к логову стрелка. Да тут настоящая снежная крепость: в большом сугробе вырыт лаз, прикрыт фанеркой. Я отодвигаю «щит», присаживаюсь перед входом и грозно объявляю:

— Ага, попался артиллерист! Ну-ка, где твои уши?

Мальчишка затаился в глубине. Резкий удар головой в живот — и я лечу в сторону. Неприятель бежит с поля сражения. На снегу остается шапка, козырек и ухо у которой еле держатся, из щели вылезла вата. Сразу видно, боевой шлем выдержал не одно сражение.

Чувствую по своей видеосвязи, как хохочет Наташка. А я-то из-за нее, можно сказать, жизнью рискую...

Я внимательно оглядываю окрестности. Противник притаился за кустами. Без шапки не уйдет.

— Эй, возьми свой шлем, простудишься.

Молчание. Что с ним делать? Заболеет еще. Просто смешно. Кладу шапку рядом с крепостью. Рядом вывожу на снегу: «До встречи!». Показываю Наташке язык и гордо удаляюсь.

Снежинки однажды сговорились: «Давайте все разом полетим на землю. Нас будет так много, что людям придется строить свои дома, прокладывая улицы под снегом. И наступит вечная зима».

...Сегодня родилась бы такая сказка, какой еще свет не видывал. Честное-пречестное. Но в опасной зоне нас снова встречает град снежков. Наташа укоризненно спрашивает:

— Долго это терпеть?

Я говорю как можно громче и приветливее:

— Не сердись. Он просто познакомиться хочет. Мне кажется, что это человек хороший.

В ответ получаю предательский снежок в спину.

Наташка сразу повеселела.

Снаряды летят один за другим. Подруга хватается за меня за руку и заставляет спастись позорным бегством.

— Боюсь тебя отпускать, — ехидничает она на прощание.
— Дорога очень опасная.

По такому случаю я прошу поцелуй, чтобы можно было спокойно умереть. И еще один...

К снежной крепости я подбираюсь с другой стороны, не торопясь. Главное — неожиданность. Напеваю про себя боевой марш: «Гром сражений в степях раздавался...» Это из пьесы, которую мы ставим в студенческом театре.

Может, стрелок уже удрал? Нет, дышит.

— Эй, достославный рыцарь, предлагаю перемирие.

— Не подходи, убью! — рычит обитатель крепости.

— Ну и убивай. Только ты мне все равно нравишься, — великодушно заявляю я и наклоняюсь, чтобы протиснуться в отверстие.

Твердый снежок врежется в щеку.

— Еще хочешь, да? — злорадствует мальчишка.

— Хочу.

Неприятель не заставляет долго ждать — снежок попадает прямо в глаз. Больно до слез.

— Ну, вот, теперь синяк будет, — растерянно говорю я.

— Ага! Лучше уходи.

— Ну и злой ты, брат... — вздыхаю я. — Снарядов-то много осталось?

Мальчишка и не думает таять от моего благородства.

— Тогда кидай.

Я даже не пробую защищаться. Снег забивается в ноздри, в уши. Пытаюсь убрать его — и вдруг слышу всхлипывания. Этого еще не хватает! Просто смешно.

С трудом протискиваюсь в дыру и извлекаю на свет сжавшегося в комок мальчишку. Он зарылся с головой в ворот потрепанного пальто и гудит что есть мочи. Я опускаюсь на корточки, не знаю, что делать. Нашелся, «охотник», довел ребенка до слез из-за каких-то снежков. Драная шапка у мальчугана съехала на бок. Я поправляю ее.

— Ну, перестань, перестань. Я тебя не обижу. Испугался, да?

Мальчишка мотает головой, не соглашаясь, сверкает на меня одним глазом и бурчит:

— Больно же тебе.

Я не сразу понимаю, о чем это он. Паренек смотрит на саднящуюся от снежков кожу лица.

— Пустяки, братишка.

Острое, как у зверька, лицо вылезает из воротника. Под глазами темные разводы, как у тяжелобольных стариков.

— Ты тоже мне вдарь как следует, — предлагает это чудо, глядя исподлобья и подставляя щеку.

— Ты что, сумасшедший? Просто смешно.

— Хоть уши надери, ты же хотел, — снова всхлипывает мальчишка, снимая шапку.

— Ты, братец, кончай, — вконец теряюсь я, натягиваю ушанку на его глупую голову. — За фашиста меня принимаешь?

Мальчишка недовольно хмурится.

— Пойду я тогда.

— Погоди... Зовут-то тебя как?

— Ну, Лешка...

Это как удар, похлеще снежка в лицо. Я был уверен, что это имя умерло в детстве, вместе с моим братом. Иногда кто-то на улице окликал: «Лешка!» Я оглядывался, по привычке искал знакомые глаза... Кругом были чужие. Я говорил себе: «Это не Лешка». А теперь вот он, другой ЛЕШКА, пристально смотрит на меня — и от этого взгляда не увернешься.

— Леша... — осторожно произношу знакомое имя. А ты знаешь, что в лесу водятся большие муравьи? Желтые такие...

Он кивает:

— Видел я их, сколько раз. Я всех муравьев в лесу знаю.

Мой брат тоже их хорошо знал. А я нет.

— И термитов знаешь?

Лешка подумал немного.

— Кого?

— Муравьев таких, еще здоровее, чем желтые. Они в Южной Америке живут. Дома строят... побольше твоей крепости. Хищники страшные. Попадешь к ним — заживо съедят.

Лешка испытующе смотрит на меня.

— А не врешь? Таких не бывает.
— Не врешь. Я всю жизнь мечтаю посмотреть на них. Один раз, маленьким, даже пробовал сбежать туда. Представляешь, весной по ручью за корабликом шел. В валенках. Только уж очень далеко эта Южная Америка.

Мы солидно молчим, поглядывая друг на друга. У Лешки на лице от слез остались грязные бороздки. Мне хочется сделать ему что-то хорошее. Отряхиваю его от снега. Он недовольно морщится и внимательно смотрит на меня.

— Ты теперь не бойся, ходи с этой... Ну, своей..., — солидно говорит Лешка. — Я стрелять по вас не буду.

— Ты кидай, только в воздух, как салют.

Я леплю снежок и запускаю его высоко-высоко. Он сверкнул в лунном свете — и не вернулся.

— Значит, мир... братишка? — протягиваю я руку.

Лешка высовывает из кармана промерзшую ладошку. Яжимаю ее осторожно.

— Варезки у тебя где? Дома забыл?

Лешка торопливо кивает.

— Теплее надо одеваться, нечего фасонить в таком пальто. Тем более пост у тебя важный.

Мальчишка охотно соглашается. А я ловлю себя на том, что говорю с мамиными нотками. Просто смешно.

— Замерзнешь. Беги домой.

Лешка ни с места. Я ухожу, помахивая рукой, а он все стоит, сгорбившись, как старичок.

Бреду по пустынной улице, настроенный сразу на три видеофона. Наташка читает своего Чехова, устроившись с ногами в кресле. Вот она хмурится и смотрит в окно, почувствовав, что кто-то заглянул к ней... Мама бесшумно ходит по комнате, недовольно поглядывая на будильник. Сколько пытаюсь убедить ее, что я уже взрослый, не надо дожидаться меня. Бесплезно... Лешка все стоит и смотрит мне в след. По-

чему он такой заброшенный? С трудом удерживаюсь, чтобы не повернуть назад. Что я себе навывдумывал. Пацаны всегда стараются надеть на улицу, что похуже — удобней валяться в снегу, кататься с горки. Это я просто хочу пожалеть его... или себя. Просто смешно.

...Если старший брат Лешка долго не приходил из школы, я не мог найти себе место. Нудная, как зубная боль, тоска гнала из дома. Она не проходила, пока не слышались веселые шаги. Тут нужно было спрятаться и неожиданно напасть на брата, чтобы отомстить за свои мучения. Однажды, сидя за поленицей, я услышал вместе с Лешкиными чужие шаги. Осторожно выглянул из-за дров — и увидел, как брат, привстав на цыпочки, чмокает в губы девчонку выше его ростом. Просто смешно. Закипающее чувство ревности и тревоги подсказало, что делать. Я слепил крепкий снежок и залепил в голову «невесте». А потом обкидал снежными снарядами растерявшегося брата, который позволял себе преспокойно гулять с девицами, когда я жить без него не мог.

Снежинки, пышные и величественные, водят вокруг меня хоровод. Вдруг они начинают желтеть и жалобно метаться из стороны в сторону. То ли от подслеповатых фонарей, то ли от того, что нет рядом моего большого, доброго брата. Вспоминая его, я снова чувствую себя мальчишкой, уткнувшимся мокрым лицом в пузатую подушку. Ей невдомек, что в тот день, когда не вернулся из армии брат, кончилось мое детство. До ужаса не хотелось в серый, скучный мир взрослых. Кажется, я так и не смирился с ним, остался все тем же Вовкой, только ростом вымахал с брата, поэтому никто не замечает, что мне двенадцать лет. Кроме мамы, конечно. Может, еще Наташи.

Из аллеи я выхожу на улицу, где громоздятся девятиэтажки, весело перемигиваясь окнами. Днем они стоят пе-

чальные, с пустыми глазницами окон. Когда загорается свет, дома становятся похожи на новогоднюю елку.

...Однажды в Новый год мама разрешила позвать моих школьных друзей. Лешка скрылся, а потом вышел в мамином халате с ватной бородой, на голову дедову ушанку нахлобучил. Малыши от неожиданности примолкли, не зная, как отнестись к этому существу. Лешка, наконец, сказал басом:

— Здр-равствуйте, дети. Я — Дедушка Мороз... Вы можете со мной поиграть.

Все бросились на Деда Мороза. Ох, и досталось ему от нас...

Лешка! Теперь на это имя отзываются два человека, удивленно поглядывая друг на друга. Мой большой Лешка в морской форме — и маленький, съездившийся в постели, смывший все свои слезы. Спокойной ночи вам, все хорошие Лешки, которые есть на свете.

— Здравствуй, укротитель детских сердец, — встречает меня на следующий день Наташка.

— Откуда ты знаешь? — удивляюсь я.

Она смеется:

— У тебя на физиономии все написано.

— Его зовут Лешка. Вот...

Наташа не заохала, не стала искать подходящие слова. Мы просто идем молча. Хорошо, когда рядом есть человек, с которым можно не только поговорить, но и помолчать.

Над притихшей улицей взмывают к звездам снежные снаряды. Я даже вижу, как они разрываются, осыпаясь сверкающей пылью. Это салютом нас приветствует человек по имени Лешка.

Как он? Поздно, а паренек, наверное, ждет в своем убежище...

Наташа чувствует, что я уже не с ней, смеясь, удерживает меня за руку. Я молча прошу прощения. Так нужно сегодня.

В крепости пусто. Я несколько раз окликаю Лешку, заглядываю внутрь... Радоваться надо, что мальчуган дома, в тепле, а мне немного обидно. Просто смешно.

Вдруг слышу смех. Лешка устроился на заборе среди торчащих палок так, будто удобней места и быть не может. Одну ногу поджал, обнял руками, голова на колене, шапка съехала на нос, виден только хитрый глаз. Лешка весело болтает ногой при моем приближении, стоптанный ботинок вот-вот свалится. Еще бы! Вместо шнура — проволока, и та размоталась.

— Хорошо тебе там? — спрашиваю я.

— Ага, — радуется Лешка. — Я выше тебя.

— А если я на забор залезу?

Лешка смеется.

— Не залезешь.

Конечно, такие ограды ставят лишь от малолетних разбойников. Он здесь все для нападения на несчастные парочки приспособил: ящик, чтобы прицельный огонь вести, снег утоптал для быстрых маневров.

— Ты здесь и живешь? Как снежный человек?

Лешка кивнул, но засомневался:

— Снежные в горах живут. Здоровые, как ты.

— Нет, я не из них. Мне даже в тулупе холодно. Как ты не мерзнешь в своем пальто? Наверное, ты из льда.

— Не-а.

— Тогда пошли по домам, пока не окоченели.

— Ну и уходи! — Лешка сердито отворачивается.

— Поздно ведь, — оправдываюсь я. — Мама тебя ждет.

Мальчишеская нога обреченно повисла. Я пробую затянуть проволоку-шнурок на ботинке, но она обрывается. Лешка резко подтягивает ногу и теряет равновесие. Я едва успеваю подхватить его. Он беспомощно висит на моих руках. Глаза мокрые, на носу мутная слезинка.

— Эй, ты чего? Обиделся?

Лешка мотает головой.

Я осторожно ставлю его на землю. Лешка вдруг доверчиво обхватывает меня руками, уткнувшись головой в тулуп. Ничего не понимаю. Просто смешно.

— Что же нам теперь делать? Ночевать в твоём снежном доме?

— Угу.

— А мамы пусть волнуются, в милицию звонят, да?

Лешка, помолчав, говорит:

— У меня все равно дома никого.

— Как это? Поздно с работы приходят?

— Совсем нет.

— Не понял...

Я присел, чтобы видеть лицо «снежного человечка», но он отводит глаза в сторону.

— У меня батя на Север улетел. На самолете. У него работа такая.

— А мать?

Лешка мельком глянул на меня, нахмурил белесые брови.

— Мамки нету... Тетка иногда заходит. А сегодня не придет.

Вот болван... Это я о себе. Давно можно было догадаться, что у него беда, и не лезть с вопросами.

— Ты есть, наверное, хочешь, — спохватился я. — Идем. Ко мне пойдем, ладно?

Я стараюсь открыть дверь осторожно, но мама все равно просыпается. Скрипит кровать, шаркают тапочки. Моя старенькая мама стоит в халате и наброшенной на плечи шали. Не избежать очередного выговора, если бы не мой спутник. Глазами прошу ее ни о чем не спрашивать.

— Это Лешка.

Морщинки на мамином лице дрогнули.

В школьной курточке с драными локтями Лешка еще меньше и беззащитней. Я спроваживаю его мыться и шепчу маме:

— Покорми его чем-нибудь. Он без родителей пока.

Лешка быстро появляется, с опаской поглядывая на нас.

На кухне тепло и уютно. Мама раскладывает бутерброды с колбасой, разливает чай и неторопливо рассказывает, как была маленькой, в школе ее старостой выбрали, и она стала мальчишек воспитывать. Это значит, что лупила их направо-ляво...

Лешка, не доев очередной бутерброд, прислоняется к моему плечу и засыпает, улыбаясь.

— Худущий-то какой, — вздыхает мама.

Я пересказываю историю, услышанную от мальчугана.

— Пусть у нас поживет, пока отец не вернется. Лешка все-таки, — Мамино лицо посерело. — Не надо. Не плачь.

— Глупенький, — улыбается она сквозь слезы. — Я заплачу, и легче станет.

Свинство, но я второй день не появляюсь у Наташи. Про университет и говорить нечего. Лешка говорит, что в его школе эпидемия гриппа, тетка совсем пропала. Так что его отмыть, одеть, подкормить надо. Все равно я ни о чем другом пока думать не могу. Мама говорит, что он без меня хныкать и капризничать начинает, как дошколенок. Даже в булочную приходится идти вместе.

— Вовка, ты? — останавливает нас парень в модном каракулевом пальто и меховой шапке-пилотке, раскрыв объятя.

Раз под глазом синяк, значит это мой школьный приятель Витька Котенко.

Степенно пожимаю руку — нечего обниматься посреди улицы. Тем более, что от Виктора за километр пахнет спиртным.

— Все воюешь? — спрашиваю я.

Виктор, блаженно улыбаясь, надвигает шапку на подбитый глаз. Обратив внимание на Лешку, радостно реагирует:

— Ой! Твой, что ли?

Лешка сердито отворачивается.

— Мой.

— Ну, ты даешь! — восхищается Витька. — Когда успел!

— Стараемся, — скромно реагирую я. — Ты, Виктор, заходи как-нибудь. Вдруг я смогу тебя на путь истинный направить.

— Ой, надо направить, обязательно зайду. Вот только премию прогуляю и зайду. Взяли вдруг и наградили.

— Да-а, ты все такой же.

— Какой? — заинтересовался Виктор, гордо выпятив грудь.

— Обормотик такой же.

— Чего? — удивленно смотрит приятель.

— Котик-бегемотик. Пока.

— Пока... — растерянно отзывается Виктор. И вдруг оживает. — Так я зайду... Вовка-морковка.

Он радостно смеется, что рифму подобрал, в детстве у него это плохо получалось. Уходит, помахивая пижонской шапкой.

Лешка кричит ему вслед:

— У, пьянчужка.

— Он добрый, — встаю я на защиту человека из своего детства. — Просто слабохарактерный. А ты что, сильно пьяных не любишь?

— Еще любить их... За что? — совсем не по-детски вздыхает Лешка.

Мама к нашему приходу сотворила Лешке рубашку из моей старой. Осталось только пуговицы пришить.

— Давай, я пришью, — мне тоже хочется сделать что-нибудь хорошее для своего подопечного.

За этим занятием и застает меня Наташа.

— Так, голубчики, — говорит она, кровожадно поглядывая на нас, — значит, вам хорошо, а на меня наплевать, да?

— Ой! — это я вгоняю иголку в палец.

Лешка растерянно смотрит то на меня, то на Наташу.

— Не бойся, Леша, я его не съем, — со вздохом говорит покинутая подруга, снимая пальто.

— Она меня не съест, — поспешно подтверждаю я.

Лешка опускает глаза и с независимым видом уходит на кухню.

Иголка почему-то норовит пролезть мимо дырок в пуговицах. Ну, вредина. Просто смешно.

— Тебе помочь? — милостиво предлагает Наташа.

— Я сам!.. Ты не сердись, что не заходил. Тут такие дела с Лешкой...

— Ладно уж.

Хорошо смотреть в ее понимающие глаза. Обнять ее хочется.

На кухне грохнула табуретка, мы вздрогнули от неожиданности.

— Что-то Лешка развоевался.

— Иди, иди.

Лешка сидит на краешке табуретки, нахохлившись.

— Эй, ты чего? — спрашиваю я. — Пойдем к нам.

— Не пойду.

— Вот те раз. Почему?

— Да ну... — брезгливо морщится Лешка. — У вас там любовь.

Меня разбирает такой смех, что без сил падаю на пол.

Прибегает Наташа. Мама подходит, мой лоб трогает. Я все равно не могу успокоиться.

— Не волнуйтесь, Анна Ивановна, — невозмутимо говорит Наташа. — Это с ним бывает.

Сердитый Лешка выскакивает в коридор. Настигаю его в дверях с пальто и шапкой в руках.

— Ты куда?

Лешка смотрит в пол. Поднимаю его голову, смотрю в обиженные глаза. Он отворачивается.

— Пойду я. Вдруг тетка пришла, волнуется.

— Ну, иди... — растерянно отвечаю я. Спыхватываюсь. — А обед? Мама старается только ради тебя.

— Потом! — кричит Лешка на ходу.

— Через час чтобы был!

Возвращаюсь к своим.

— Ушел? — тихо спрашивает Наташа.

Мама смотрит встревожено. А что я мог сделать? Силой не отпускать? Разве поймешь этого, в общем-то незнакомого мальчишку.

— Я сказал ему к обеду вернуться, — оправдываюсь я. — Боится, что тетка его потеряет.

Мы все делаем вид, что это объяснение нас успокаивает.

— Обед-то еще приготовить надо, — спыхватывается мама. — Вы ж, наверное, умираете от голода.

Она хлопчет на кухне. Наташа вызывается помогать. А мне что делать? Все меня бросили.

— Анна Ивановна, неужели этот тип вам не помогает? — ехидничает Наташа.

Мама есть мамы. И моя, недовольно помолчав, защищает:

— Почему не помогает? Вот пуговицы к рубашке для Леши сам пришивает...

Вспоминаю колючую, непослушную иголку.

— Ой, мам, я лучше что-нибудь другое сделаю.

Наташа смеется. Я пристраиваюсь рядом с ней чистить картошку. Картофелины скользят в руках, словно рыбешки.

Боевая подруга выговаривает негромко:

— Бессовестный! Все на маму свалил.

Я молчу. В самом деле, все хозяйство мама взяла на себя. Может, жалеет мое время. А может, когда мы остались без Лешки, я снова стал для нее маленьким, нуждающимся в заботе. По полчаса мама может выговаривать, почему не надел шарф, плохо застегнул пальто. Даже старается погладить по голове, как малыша. Просто смешно... В старом доме нужно было колоть дрова, расчищать дорожки от снега, отводить весенние ручьи. Я чувствовал себя значительным человеком. Теперь вот занимайся дамским делом! И Наталья еще и хихикает. Нет, о чем-то задумалась.

— Ты что?

— Деда твоего вспомнила. Как он про ваш старый дом говорил...

Наташа, как всегда в последнее время, мои мысли угадывает. Может, в самом деле, между нами особые волны существуют? Надо исследовать, открытие века получится.

— Он с ним как с живым разговаривал, советовался во всем, — подхватываю я.

Для меня старый Дом тоже был тайной силой, которая послушна только деду. Я их обоих побаивался. А когда дед начинал губами шевелить, будто меня нет рядом, совсем жуть брала. Представить страшно, как наш деревянный дом сносили. Это как уничтожить дерево или даже убить человека. Никто из нас не захотел при этом присутствовать. Это было как раз в тот день, когда умирал дед. Наверное, Дом стонал от боли и обиды и ждал, что мы вот-вот придем на помощь... Я тогда это не понимал, сердился на деда, что он не хочет в новую квартиру переезжать. Его долго уговаривали. Все дома снесли, только наш гордо стоял среди новостроек. Дед упрямо говорил: «Скоро умру, тогда снесите. Не долго уж...» Может так быть, чтобы дом и человек как бы срослись,

пустили корни друг в друга? Может, дед в самом деле из-за дома умер, не захотел жить без него? Страшно.

Нож в Наташиных руках перестал быть ловким и быстрым. Она спросила:

— Дед рассказывал, как построил дом?

— Нет.

— Удивительная история.

Оказывается, дед в молодости (до сих пор не могу это представить) был влюблен в девушку, дочь столяра с соседней улицы. Он, подающий надежды ученый, рассказывал тайны живого — каждой травинки, букашки. Она слушала, молчала... И вдруг стала гулять с другим, молодым столяром, учеником ее отца. Тот не умничал, а просто мял и целовал девушку... Дед взял в руки топор. Такая боль обжигала его, что он мог бы убить их, себя, начать крушить все вокруг. Но вместо этого стал строить дом. Один, почти без отдыха и сна. Все потом приходили любоваться строением, похожим на корабль, готовый отправиться в плавание.

— И девушка вернулась к нему? И стала моей бабушкой?

— Нет. Это ведь жизнь, а не сказка.

Мы помолчали. Я представляю деда, который рассказывает Наташе эту историю, и неожиданно говорю:

— А дальше дед наверняка сказал, как жаль, что он не встретил тебя лет шестьдесят назад.

Наташа краснеет.

— Откуда ты знаешь?

Чудачка! Разве можно влюбиться в кого-нибудь, если рядом она. Наверное, раз в двести лет удастся встретить человека, который так тебя понимает. Не то что та девица, которая отказалась принять от деда целый мир. Скорее всего, она так и не поняла, что потеряла.

— Вы что же, на год вперед решили картошки начистить?
— возвращает нас к жизни мама.

А Лешки все нет и нет...

Мы шагаем с Наташей по заветной улице, но никто не салютует нам снежками.

— Может, мне не приходиться пока? — жалобно спрашивает она.

— Это еще почему?

— Неужели ты не понимаешь? Он сейчас не хочет делить тебя ни с кем. Знаешь, как он на тебя смотрит? Как изголодавшийся зверек.

— Скажешь тоже, — недовольно бурчу я. — Поговорю с ним по-мужски, и все будет в порядке.

Где он бродит? На обратном пути я обошел все наши места. Возле крепости нашел пуговицу от пальто. Опять отлетела. Неловко позвал: «Ле-о-ша». В ответ молчание. Рядом дома светятся, а кажется, что кругом пустота. Только снег бесится.

Не могу уйти. Дома тепло, а мальчишка, может, мерзнет где-то. Зачем я его отпустил? Сейчас понимаю, что нехорошо получилось. Никуда он не собирался — и вдруг про тетку вспомнил. А я его не удержал. Мне-то хорошо было.

Так бьется сердце, словно оно не во мне вовсе. Будто где-то рядом сидит Лешка, сжавшись в комочек, а снег заносит его и заносит.

Чушь! Может, он давно вернулся, сидит с мамой и ждет меня. А?

Тусклые фонари молчат и отворачиваются в сторону. Им все равно. Я не могу больше сдерживать шаг, бегу.

— Лешка здесь?

Снег стучит в окно, как настоящий хулиган: «Ага, сбежал, трусил, бросил своего Лешечку».

Сижу в кресле и жду: вдруг раздастся звонок. То и дело подхожу к двери, кажется, кто-то дышит в коридоре. Мама просит, чтобы ложился спать, она услышит, ей не привыкать

ждать. Не могу. Наверное, я дремлю, потому что слышу Лешкин голос и бреду, стирая руками снежный туман, как капли с запотевшего стекла. Мелькнет на мгновение знакомый силуэт, Лешка глянет через плечо — и снова пропадает во мгле.

Я проснулся от страха. Дрожит левая нога. Пробую встать и не могу, нога как деревянная. Пересиливая боль,ковыляю в ванную. Надо собираться на занятия.

Может, Лешка просто бросил нас? Зашел, отогрелся и ушел? Там тетя, отец из полета вернулся, привез какой-нибудь подарок. Ему хорошо, вот и не приходит в голову, что люди волнуются.

В университетском коридоре меня настигает староста группы, Тосик Ледяшов. Он буравит меня глазами сквозь очки.

— Ты где пропадаешь? Хочешь, чтобы стипендии лишили? Уважительная причина есть?

Я теряюсь от этого натиска. Причина — это когда заболел или что-то в этом роде. А если встретился и исчез маленький человек, если беспокойно за него — это уважительная причина?

Сокрушенно вздыхаю:

— Знаешь, я, пожалуй, пойду...

— Куда? — опешил Тосик.

Я пожимаю плечами, обхожу его и врезаюсь в поток спешащих в аудитории студентов.

В самом деле, куда идти? Я даже дома не знаю, где Лешка живет. К тревоге примешивается легкая обида. Что ему совсем на меня наплевать? Шагаю к знакомому месту, сжимая в кармане потерянную Лешкой пуговицу.

В крепости пусто. Я брожу по дворам, возвращаюсь снова и снова сюда. Ни на что уже не надеюсь, а уйти не могу. Немного погрелся в подъезде соседнего дома, выхожу и вижу...

Он, Лешка. Пальто распахнуто, шапка съехала на бок, волосы перепутаны. За ним гонится ватага мальчишек. Шагаю Лешке навстречу, но он, сверкнув чужими глазами, пронесется мимо.

Я встаю на пути ребят, готовый к бою. Руки в карманах, глаза прищурены. Забыл на мгновение, что взрослый уже.

— А ну, стойте!

Мальчишки слушаются и, насупившись, поглядывают на меня.

— Что же вы... Раз, два... Шесть на одного. Как зверя гоните. Ребята возмущенно галдят:

— Да! Он сам задирается!.. Чуть что — сразу драться. Витька ему ничего не сделал, а он...

Они выталкивают вперед мальчишку лет восьми. Тот обиженно сопит:

— Как пнет. Вот сюда...

Он поворачивается задом. Ребята хихикают. Малыш, смутившись, скрывается за их спины.

Парнишка в аккуратной вязаной шапочке, с выбившейся светлой челкой, жалуется:

— Его лупишь, лупишь, а он все равно лезет.

Компания подхватывает:

— Мне вчера нос разбил... Мне чуть воротник не оторвал... У, сычихин сын!.. У него отец с матерью такие, вот и он!..

Это уже не мальчишки будто говорят, а толстые тети из дворовых «воспитательниц».

— Где он живет? — сердито спрашиваю я.

— Тама... Ну, вот, за углом, сорок третья квартира.

Морозец сильный, а я, как назло, варежки дома оставил. Руки замерзли, оттираю их снегом.

Сычихин сын... Нет же у него матери. Можно было спросить ребят, но страшновато. Как зло смотрел на меня Лешка. За что? Как теперь подступиться к нему...

Ох, как ломит руки. Засовываю их за пазуху. Отогреваются — и зайду. Почему-то хочется, чтобы подольше не согрелись. Надо идти. «Гром сражений в степях раздавался»...

Дверь приоткрыта. Звоню. Тишина. Звоню дольше. Никого... осторожно вхожу. Затхлый запах. Странная пустота. Кривой гвоздь в стене коридора. Дырявый тапок валяется. В комнате ободранные обои, сломанный стул, куча окурков. Прямо на полу, среди бутылок, в верхней одежде сидят мужчина и женщина. Вроде дремлют.

— Здравствуйте, — растерянно говорю я.

Женщина чуть приподнимает голову с растрепанными волосами. Глаза мутные, пустые. Мужчина разваливается, опираясь на локоть.

— Н-ну... Чего н-надо?..

— Алешу. Где он? — как можно спокойней говорю я, потому что черная ненависть закипает внутри.

— А... Шляется где-нибудь. Выпить есть?

Шарахнуть бы его бутылкой. Скорей иду прочь. Пытаюсь отдышаться на лестничной площадке. Противно, до тошноты.

Пожилая женщина приоткрывает дверь квартиры напротив и осуждающе смотрит сквозь щель.

— Такой молодой, а туда же...

— Что? — не сразу понял я. — Я случайно здесь. Мне нужен Алеша... Ну, знаете, худенький такой...

— Чего не знать-то? — вздыхает женщина. — Сыночек ихний. Наградил бог родителями.

Я не могу двинуться с места. Знаю, что такое бывает. Но тут... Ничего человеческого. Настоящие животные. Хуже, гораздо хуже. Братьев наших меньших я ни за что обидел. Не могу представить Лешку в этой квартире, среди грязи и пьяни. Если бы я знал!.. Где он? В мороз.

Стою на лестнице, как болван, не знаю, что делать. Соседка с сумкой проходит мимо. Возвращается с продуктами,

удивленно смотрит на меня. Лешки все нет... Уже полпятого, в университете репетиция, ждут меня. Нужно позвонить.

Выхожу из подъезда — в сторону метнулась знакомая фигурка. Значит, Лешка здесь бродит. Вот наказание мое! Ничего, из телефонной будки подъезд виден, не прозеваю. Компания мужчин, гогоча и гремя бутылками в авоське, заходит в дом. Лешка проскакивает следом.

— Гришка, это я, Володя... Скажи Галине Алексеевне, что не могу прийти сегодня. Ну, никак!.. Нет, не заболел, хуже!

Бегу обратно. Из квартиры доносится шум. Дверь распахивается, и вылетает Лешка. Без пальто, заплаканный. Он будто не видит меня. Кидается к двери, молотит кулачками.

Высовывается уже знакомый мужик, хрипит:

— Ты у меня п-постучи! Сказано — убирайся. Не до тебя, люди пришли.

Я подскакиваю к нему:

— Сволочи! Что вы делаете!

Мужчина недоуменно смотрит на меня. Вылезают еще рожи:

— Я вот ему сейчас...

Я бью по двери ногой, и она закрывается. В квартире начинается возня, наверное, не могут справиться с замком. Взять бы и сжечь их, как клещей. Всех разом!

Лешка дрожит — то ли от слез, то ли от холода. Я распахиваю тулуп, подхватываю мальчугана.

— Не надо, не плачь. Ты сюда больше не вернешься.

Говорю еще какие-то глупости. Лешка ткнулся головой в плечо. Так и несу его домой, словно котенка, за пазухой.

Потом долго не могу отогреть руки — поморозил. Но больно не от этого. Как может вынести такую обстановку маленький человек? Изо дня в день так жить...

Усталость навалилась тяжелым одеялом, но уснуть не могу. И Лешка ворочается на раскладушке.

— Ты чего? — спрашиваю негромко.

Лешка долго сопит, потом говорит:

— Думаешь, я все наврал, да? Ну, про отца. — Я молчу, и Лешка продолжает. — Это другой. Отец в самом деле летчик, только я не знаю, где он. А мамка — она раньше другая была. Красивая...

— Когда раньше?

— Ну, пока в тюрьму не попала.

Обзываю себя болваном, ослом. Но что делать, если Лешка как израненный. Чего не коснешься — больно.

— Не отпущу я тебя больше никуда, вот и все.

Лешка счастливо смеется.

— Ты чего? Спи.

— Не-а.

Лешка с грохотом двигает к дивану раскладушку.

И мне хочется улыбаться от того, что Лешка рядом. Со-
всем как в детстве с братом, когда наваливалась темнота, и он рассказывал сказки — не из книжки, он их сам придумывал. А я правде не верил так, как Лешкиным выдумкам.

— Хочешь, сказку расскажу? — предлагаю я.

— Ага, — охотно откликается маленький Лешка.

— И сразу спать, договорились?

Я почти забыл истории своего брата, остались отголоски, будто он, уходя от нас, взял сказки с собой. Одну я все-таки помню.

Я совсем маленьким был. Мама в театр с подругами ушла. Дед у себя притих. Нам с Лешкой велено было пораньше спать ложиться. Но брат решил, пока мамы нет, свой деревянный автомат доделать. На следующий день намечалась игра в войну. Оставалось только от меня отделаться.

— Вовка, марш в постель! — скомандовал мне брат, совсем как мама.

Только я тоже решил использовать мамино отсутствие с пользой — делал из кубиков крепость, чтобы защищать своих солдат от нападения врагов с ружьями и саблями.

Лешка подошел, посмотрел на укрепления. Они ему понравились, но все равно он взял меня за шиворот.

— Иди спать, другим людям тоже жить надо.

Я улегся, сердито засопел и стал рассматривать трещины на потолке.

— Вовка, черт косматый, закрой глаза, — взмолился брат.
— Мне автомат доделать надо.

Я нахально уставился на Лешку. Он вздохнул.

— Ну, хочешь, сказку расскажу? Уснешь?

— Попробую, — уклончиво ответил я.

Лешка присел на край кровати и начал так:

— Значит... Жили-были эти...

— Дед да баба, — подсказал я.

— Вовсе нет, — оскорбился брат. — Человек жил по имени... Санька. Вот! И был у него брат. Маленький, но ужасно вредный. Он мешал старшему брату оружие делать...

Я насторожился.

Лешка посмотрел на крепость из кубиков, за окно, где темень без единой звезды, прищурился и продолжил:

— Сидели они однажды вечером в комнате. За окном сердито выл ветер...

Вдруг слышит Санька — сигнал трубы. Негромко так. Подбежал он к окну и видит: белогвардейский отряд окружил мальчишку. Тот стоит в свете факелов, чуть наклонив голову, и сердито смотрит на врагов. Беляки наставили на него ружья, но мальчишка все равно поднес к губам трубу и стал звать на помощь красногвардейские части, потому что его отряд погибал.

«Убьют же», — испугался Санька, схватил недоделанное оружие, выбежал на улицу и крикнул:

— Сдавайтесь, гады, у меня автомат!

А беляки засмеялись:

— Какой же это автомат? Самая обыкновенная палка!

Пули молнией сверкнули — и трубач упал. Не успели наши прийти на помощь. Один Санька пришел, но что он мог поделать, если вместо оружия у него недоделанная деревяшка? Тарарахнуть ею по голове беляка? Да всех не перетарарахаешь...

А младший брат сидел в теплой комнате и строил игрушечную крепость.

...Лешка замолчал и отвернулся. Я растерянно посмотрел на него, потом залез под одеяло и пробурчал:

— Ладно, делай свой автомат.

Лешка притащил с кухни большой нож и принялся за дело.

Я честно хотел заснуть, но тут страшная мысль прожгла меня. Я вылез из-под одеяла.

— Леш... А если беляки придут, когда тебя дома не будет? Я ведь автоматы не умею делать.

Нож замер у брата в руках. Он посмотрел на меня серьезно и сказал:

— Ладно, смотри...

Я вытянул шею и следил, как обыкновенная доска превращается в грозное оружие. Потом сполз с кровати и, закутавшись в одеяло, сел поближе, чтобы учиться оружейному делу. Рассерженные стружки летели во все стороны, нож яростно врезался в дерево, будто говорил:

— Ну, погодите, беляки! Вы еще заплатите за трубача!

Может быть, это я говорил сквозь сон, прикорнув на плечо брата. Он тоже уснул в куче стружек, обнявшись с почти готовым автоматом. Нам снилось, что где-то рядом победно звучит труба.

Я закончил храбрую сказку. Тишина. Может, Лешка заснул уже? Вдруг он подает голос:

— А это по правде было?

— Конечно. По сказочной правде.

— А...

— Брат у меня на самом деле хороший и храбрый был.

Его звали как тебя.

— Где он теперь?

— Спи... Погиб. Он моряком был, на подводной лодке.

— В войну?

— Нет... Погибают не только в войну. Всякое случается.

Спи.

Я дотрагиваюсь до Лешкиных волос. Он хватает руку и не отпускает. Так и засыпает. Совсем как я с братом в детстве. Только теперь я — старший.

Утром мама не может меня разбудить.

— Ты что, опять на занятия не идешь?

— Угу, — бурчу я.

Мама, нахмурившись, отходит.

Дома молчаливо. Только Лешка позвякивает на кухне посудой после завтрака. Говорит, что теперь всегда будет ее мыть.

Мама занимается шитьем.

— Ну, мам!..

— Дед так радовался, что ты на биологический пошел, так радовался...

Мама достает носовой платок.

— Я же не бросаю, я на вечернее перейду, — пытаюсь успокоить маму и себя. — Работать буду. Думаешь, хорошо это — с копейки на копейку перебиваемся. Ты вон шьешь все время, глаза портишь.. Да и о Лешке подумать надо. Не бросать же его.

Мама вытирает слезы.

— Да... Только надо правильно как-то сделать. Разрешение у кого-то получить. Человек — не вещь, просто так не подберешь.

За разговором мы не замечаем, что шум на кухне давно стих. Заглядываю туда.

Лешка долго и пронзительно смотрит, потом кидается ко мне, обхватив руками.

— Я все буду делать. Я пол могу мыть, стирать. Я суп могу варить. Я уже пробовал. Не прогоняйте меня.

Ну, вот, сплошные потрясения с утра.

— Никто тебя не прогоняет, глупая головушка, с чего ты взял?

Лешка улыбается сквозь слезы. И мама тоже плачет. Лешка кидается к ней.

— Я не хочу уходить.

Мама гладит глупую головушку.

— Успокойся, маленький, успокойся. Все будет хорошо.

— Да ну вас!

Махнув рукой, ухожу в маленькую комнату. Смотрю в окно, как ветер качает обледенелые деревья. Они покорно сгибаются, вот-вот надломятся.

Мне теперь легче, раз решил, как быть с университетом. В самом деле, зачем мне, здоровому мужику, сидеть на маминых приработках? Сразу дышать легче. Пусть так и будет.

Днем заваливаются Нинка Пономарева и Гриша — из нашего студенческого театра. С интересом разглядывают Лешку, а он их.

— Галина Алексеевна очень просит сегодня на прогон прийти, — спохватывается и тараторит Нинка. — У нас премьера срывается...

— Слушай, нехорошо это, что тебя приходится упрашивать, — басит Гриша.

— Ох, братцы, дела серьезные, — вздыхаю я.

Нинка стреляет глазами на Лешку. Ее так и распирает от любопытства.

— Что сказать Галине Алексеевне?

— Что ж, надо идти. Пойдем? — сердито сдвинув брови, спрашиваю Лешку.

— Пойдем, — великодушно соглашается он.

Гриша с Ниной, переглядываясь, уходят.

— А что это — прогон? — осторожно спрашивает Лешка.

— Не знаешь? Ну, сегодня увидишь. Только...

Я критически осматриваю его наряд: драный свитер, стоптанные ботинки. Пальто мы лишились.

Мама молча достает последние деньги из шкатулки.

Я пытаюсь успокоить:

— Я заработаю, не волнуйся.

— Дорогие мои, времени остается мало. Как вас собирать в сессию, я знаю. Давайте сыграем сегодня так, будто это уже спектакль, — объясняет Галина Алексеевна поставленным голосом.

Она из тех женщин, которых возраст не старит. Интересно наблюдать за ней во время репетиции. Галина Алексеевна проживает каждую роль, каждую сцену. Можно смотреть на нее и играть, как по нотам.

Мы идем сквозь зрительный зал с песней. Проходя мимо притихшего Лешки, успеваю подмигнуть ему.

*Тысячу лет над несчастной землею
Солнышко в небе живет.
Вечное счастье достанется с бою,
Слово скажи, пулемет!..*

Во время спектакля будут кинокадры из времен Гражданской войны. Так мы и войдем в боевой девятнадцатый год.

Пьесу Михаила Светлова «Двадцать лет спустя» я читал в трамвае, забившись в угол. Раза три или четыре маршрут проехал, пока не дочитал. Охрип, проговаривая про себя каждое слово, будто кричал во весь голос. Быстро исчезло ощущение, что все это прошлое. Я бы не удивился, если бы увидел за окнами город времен Гражданской. Оказывается, ребята девятнадцатого года такие же, как мы, спустя пятьдесят лет. Так же говорят, шутят, дружат. Опасность и враги другие, но мужество остается мужеством, а трусость трусостью. И терять близких тоже приходится.

Галина Алексеевна хотела, чтобы я играл комсомольского поэта Костю. Но я попросил этого не делать. По пьесе пришлось бы опять терять брата. Лучше умереть самому. И я стал весельчаком Направо, близнецом талантливого Налево. Снова завидовал брату. Лешка ведь у меня тоже был поэт, не то что я. Вспомнил, как с отчаяния попробовал стать «шутком гороховым», как окрестила меня за бездумное веселье мама. От зависти к брату я, наверное, сыграл первую в своей жизни роль, корча рожи и разыгрывая всех. А потом ставил смешные спектакли с подшефными малышами. Вот и доигрался до того, что теперь без театра не могу. И роль у меня хорошая: даже в последние минуты жизни можно шутить.

Пора. Скоро прозвучат выстрелы.

— Ну-с... Я к вам еще вернусь! — весело ухожу я. Насовсем.

Пробираюсь потихоньку в темный зал. Сажусь незаметно недалеко от Лешки. Он ворочается, поглядывает на Галину Алексеевну, не решается спросить. Наша руководительница с виду очень строгая. Наконец, Лешка не выдерживает и шепчет:

— Скажите, а Володя ведь не совсем умер? Может, его просто сильно ранили? Давайте, пусть он оживет.

— Молодой человек, это Гражданская война, а не игра во дворе, — с беспощадной суровостью говорит Галина Алексеевна.

— Это Гражданская война, Костя, — вторит ей со сцены совершенно серьезно несерьезный Моисей.

Лешка сидит, надувшись.

После репетиции я спрашиваю его:

— Ну как, понравилось?

Он мотает головой:

— Что хорошего, почти все умирают. И как-то глупо, не как герои.

— Знаешь, это только в плохих фильмах люди встают в эффектную позу, чтобы умереть. А смерть вообще нелепа. Ну, ни капельки не красивая. И Светлов, который написал пьесу, наверное, хорошо это знал.

Вспомнилось, как пришла к нам весть о смерти Лешки с сердитым почтальоном. Он злился, что долго не открывали. И не подозревал, какую беду принес.

Какая величественность в том, что брат и его товарищи задыхались, замурованные в подводной лодке? Нет в смерти ничего героического. Героическое — это жизнь. Особенно когда до последней минуты думаешь не о себе — о людях, не спасаешь свою шкуру любой ценой. Рассуждаю об этом с Лешкой, и понимаю, почему так близка пьеса Светлова не двадцать, а много-много лет спустя.

— Все равно я бы этих беляков перехитрил, — не сдается Лешка.

Он шагает в новом пальто так гордо, будто на нем королевская мантия. И удивляется, что прохожие не замирают почтительно перед ним.

Я старательно сдерживаю улыбку, но Лешка все равно замечает. Он сердито поднимает воротник и прячется за ним. Теперь он не король, а нахохлившийся воробушек.

— Эй, выгляни на минутку. Мне с тобой посоветоваться надо... давай заглянем вот в этот приятный дом.

Лешка с интересом выглядывает.

— Зачем?

— Понимаешь, тут одна симпатичная девушка живет. Ты ее знаешь...

Мой спутник прячется обратно в воротник и притормаживает.

Я пытаюсь заглянуть ему в лицо, но вредный тип не дается.

— Скажи, что она тебе плохого сделала? — жалобно спрашиваю я. Пальто с ногами не отвечает. — Знаешь, какая она хорошая!

— Ну, вот и иди сам к ней, целуйся, — бурчит Лешка.

— Что?!

Конечно, он маленький и вообще... Разве ему объяснишь. Все равно обидно. Обидней, чем снежный ком в лицо. Тогда я ему чужой был.

Лешка осторожно высовывает один глаз.

— У меня дед был просто замечательный, — хмуро говорю я. — Когда он заболел, Наташа на практике была. В медицинском институте так полагается. Практика закончилась, а Наташа к деду почти каждый день приходила. Еще месяц, до самой его смерти. Дед как ее видел — сразу оживлялся, разговорчивым становился. А со мной почти все время молчал. Наташа теперь лучше меня историю нашей семьи знает. Дед даже улыбаться снова стал, чего с ним много-много лет не было. Говорил, что Наташа на его дочку похожа, которая санитаркой на фронт ушла и не вернулась. Дед умер, и все равно улыбался. Значит, в последние минуты о Наташе думал...

Лешка смотрит на меня, да еще рот открыл.

— Закрой рот, простудишься, — заботливо предупреждаю я. — Ну, что делать будем? Не могу я без нее, понимаешь?

— Ладно, пош ти. Только я туда не пойду, на улице подожду.

Встречаться со строгими Наташиными родителями я всегда побаиваюсь, чувствую себя как нашкодивший мальчишка. Поэтому мы стоим в подъезде, у окна. Наташа стара-

тельно дует на стекло. От ее дыхания просвет становится все больше. В него вмещается одинокая фигура на улице, которая кружится, изображая самолет.

Я сообщаю Наташе о решении пойти работать.

— Куда? — интересуется она.

— Может, санитаром на «Скорую», а ты будешь меня каждый день вызывать.

— Вот дурачок, — ласково смеется она.

Лешка из самолета превращается в отважного воина и отбивается от сотни врагов.

— Это чудо не замерзнет?

— Да, пора... — соглашаюсь я. — Неужели нельзя вас примирить? Ты ведь такая умная, придумай что-нибудь, а.

— Не подлизывайся. Ладно, завтра приду укрощать твое чудовище.

Окрыленный, выскакиваю из подъезда, запикиваю опешившего Лешку в сугроб. Он делает вид, что умер.. Приходится взваливать его на плечо и тащить.

На столе очень вкусно. Наташа мой любимый торт по маминому рецепту сделала — выложенную из сдобных палочек поленицу. Я несколько раз делаю попытку отломить хоть одно маковое полешко, но Наташа зорко следит за мной.

— Не трогай! Подожди Алешу.

Он, чертенок, где-то запропастился. Ушел на час — и с концами.

Наташа хмурится, думает, что парень опять из-за нее пропал.

Мама молчать не может, выговаривает мне:

— Говорила, не надо отпускать.

— Что я его на привязи держать буду, как собачку?

Мама осуждающе вздыхает.

Мы вздрагиваем от звонка, я бросаюсь к двери. Перед нами чучело, какое в огороде для устрашения выставляют.

Воротник пальто почти оторван, пуговиц нет. Лицо скрывается в лохмотьях, но по всем признакам это все-таки Лешка.

Мама охает. Мне тоже хочется, но я грозно спрашиваю:

— Это что такое?

Лешка сопит и не отвечает. Разворачиваю его... Ну и красавец! Под глазом набухает синяк, царапина от носа до подбородка, волосы всклоочены.

— Тебя спрашивают, — допытываюсь я дрогнувшим голосом.

Наташа отодвигает меня и пробует снять с Лешки растерзанное пальто. Он вскрикивает.

— Что, больно? Терпи уж, боец. Представь, что ты на фронте. Раненые в войну и не то терпели.

Лешка глянул на нее опухшим глазом с некоторым уважением. Во всяком случае, не сопротивляется и не пищит, когда его раздевают.

— Йод, бинт есть? — командует Наташа.

Лешка и так худющий, а без рубашки — кожа да кости. Ребра сильно выпирают. Наташа удивленно смотрит на него.

Я спрашиваю:

— Ты чего?

— Потом.

Наташа обрабатывает ободранного Лешку йодом. Я морщусь, а мальчуган сжал губы, молчит, хоть на глазах набухают слезы.

— Ты поменьше мажь, — не выдерживаю я.

Наташа говорит насмешливо:

— Все вы, мужчины, такие. Только с виду храбрые. А вот Леша молодец.

— Тебе бы так, — ворчу я.

Замазанный, перебинтованный и залепленный лейкопластырем, Лешка живописен. Мы не выдерживаем и смеемся. Он сердится, потом пытается улыбнуться, но кривится от

боли. Здорово постарался кто-то, о чем не терпится узнать. Но Наташа права — пусть отойдет немного.

Мама просит:

— Садитесь за стол. Я чай уже третий раз подогреваю.

Леша удивленно смотрит на торт.

— Это фто?

Я облизываюсь:

— Страшная вкуснятина. Наташа испекла.

— День рождения у кого-то? — допытывается Лешка.

— Нет, просто угостить вас решила, — смеется Наташа.

— Просто так не бывает, — продолжает недоверчиво

Лешка.

Наташа усаживает его за стол.

— Ешь скорее. Если Володя за торт примется, никому не достанется.

Раненый с интересом посматривает на меня. Я, в подтверждение, начинаю поедать одну за другой вкусные палочки. Лешка, распробовав торт, не отстаёт от меня. Поленица быстро исчезает.

Лешка с сожалением вздыхает:

— Вкусно.

Наташа смеется:

— Можешь теперь всем рассказывать, что поленницу съел. Торт так называется.

— Если мы с тобой не будем ее обижать, она еще сделает, — подхватываю я.

Наташа недовольно воспитывает:

— Никто меня не обижает. А если попробует, Алеша за меня заступится.

Леша мгновение думает, но события сегодняшнего дня берут верх. Он согласно кивает.

— Ты же инвалид, — поддразниваю я. — Какой из тебя защитник?

Лешка без слов пытается бодать меня головой.

Мама растроганно смотрит на нас:

— Хорошо-то как. Все вместе. Чай пьем...

Я пытаюсь не поддаться ее настроению, а то расплачется, бурчу:

— Что хорошего? Твоего сына бьют, а ты улыбаешься. Ну, Лешечка, от тебя такого не ожидал.

Лешка настораживается.

— Мир, мир! — обнимает нас Наташа. — Хорошие вы наши защитники.

Нам в самом деле становится хорошо, но тревога не покидает. Что опять стряслось с парнем?

Когда провожаю Наташу, она говорит:

— У Леши рахит, в запущенной форме.

Этого только не хватало...

— А как исправить?

— До трех лет надо было это делать. Сейчас поздно.

Выйти от тоски хочется. Страшнее всего, когда сталкиваешься с бедой — и сделать ничего не можешь. Только приговариваю, вспоминая Лешкину семейку:

— Гады. Ох, гады.

Возвращаюсь домой, поглядываю на Лешку, а он все молчит. Я не выдерживаю:

— Ты погибели моей хочешь? Что случилось?

— Ну, подрался...

— С кем? За что?

— А чего они... Схватили, тащить начали. Я все равно туда не пойду.

Из отрывочных высказываний сквозь всхлипывания вырисовывается вот что. Лешка давно живет в детском доме, только часто сбегает оттуда. Не нравится. Детдомовские ребята встретили его и силой с собой утащить хотели. Еле отбился.

— Зачем это им?
— Их стоять заставляют.
— Как?
— Всегда так, если кто убежит. Приходится стоять все свободное время. Ну, когда уроков нет. А тому, когда вернется, жрать не дают... Мамка с... этим, хоть когда уснут, так не дерутся. А воспитательница всегда злая.

У Лешки уже слезы градом. Он рассказывает, что в детском доме его все лупят, особенно старшие ребята — чтобы слушался и работу за них делал. Вечером велят еду из кухни таскать. А не сделаешь — так дадут, что потом сесть не можешь.

Я с трудом успокаиваю его сказкой.

...Солнце осторожно заглянуло в комнату. От этого у деревянного стула проснулось сердце, стали оживать затвердевшие сосуды. Он потянулся к свету, и из сучков стали расти ветки. Скоро на них зазеленели листья.

И полированная мебель задохнулась в тоске.

Это бала самая короткая сказка в моей жизни, потому что Лешка неожиданно уснул.

Честно говоря, я не поверил Лешке. Такую он картину расписал, что жуть берет. Я решаю на следующий день идти в детдом. Лешка наотрез отказывается:

— Лучше умру!

Детский дом оказался школой-интернатом № 2.

Иду по коридору в кабинет директора. Все облезлое, оббитое. Возле столовой валяются остатки пищи, запах такой, что мутить начинает. Убыстряю шаг, стараясь не дышать. Чуть не умер. В конце коридора учительница, молоденькая совсем, с ямочками на розовых щечках, сердито разговаривает с остриженным наголо малышом. Тот испуганно моргает, следит за ее руками. Девушка хватается мальчугана за ухо

и начинает крутить. Малыш не кричит, только втягивает голову в плечи и морщится от боли.

— Что вы делаете! — мне кажется, что кричу, но вырываются какие-то хрипы. Дыхание перехватило. Дикость какая.

Учительница, не отпуская ухо, спрашивает с вызовом:

— А вы кто такой?

Я рывкаю:

— Из уголовного розыска!

Девушка бледнеет, отпускает мальчишку и начинает пятиться, потом стремительно исчезает за ближайшей дверью.

Малыш держится за ухо и беззвучно плачет.

— Очень больно?

Он кивает.

— Что же ты поддаешься?

Малыш смотрит на меня округленными глазами.

— Ты хоть разговаривать умеешь? Или у тебя язык тоже оторвали?

— Нет, — чуть слышно выдавливает малыш и на всякий случай показывает, что язык на месте.

— Ну и хорошо. В следующий раз кричи изо всех сил, что детей бить нельзя. Понял?

Мальчик кивает и отходит к столовой. Вокруг него сразу образуется горстка ребят, начинают расспрашивать. А я шагаю к двери, за которой скрылась мучительница в облике ангела. Она у директора, видеть ее не могу.

Мрачноватый, маленького роста директор деловито пожимает мне руку.

— Значит, из милиции? Что случилось? Опять наши что-нибудь натворили?

— Да, нет... Вы понимаете, иду я, а она у вот такого малыша ухо крутит.

— Понимаю, понимаю. Разберемся. Накажем. Что, заявление было?

— Какое заявление? Куда?
— В отделение.
— Да не из милиции я.
— Откуда тогда?
— Ну, какая разница, просто человек. Студент. Дело не во мне.
— Нет уж, давайте разберемся, — настаивает сурово директор. — Посторонний человек, а расхаживаете по режимному учреждению, выдаете себя за законного защитника порядка, государственного человека.

Я начинаю оправдываться, что пришел из-за Лешки, рассказываю, что слышал от него про порядки в «режимном учреждении».

— Так, так, — директор постукивает пальцами по столу.
— А вы кто ему будете?

Я пожимаю плечами.

— По сути дела никто. Просто познакомились.

— Странно у вас, молодой человек, получается. Посторонний, а в дела воспитания вмешиваетесь. Потом заявляете, что из милиции.

Директор смотрит строго, и я опять начинаю оправдываться:

— Так случайно же... Она ухо крутит и еще спрашивает, кто я. Все равно бить детей нельзя.

— Что вы знаете? — почти басом говорит дородная женщина, выросшая у меня за спиной. — Вы бы поработали здесь. У нас особый контингент — ворье, хулиганы. Они другого языка не понимают.

Молоденькая учительница приходит в себя и кивает, надменно поджав губки.

— То-то они и бегут от вас, — не выдерживаю я. — Им и так по жизни плохо, а еще вы... Педагоги называетесь.

Пожилая женщина скорбно басит:

— Поработайте с наше. Тогда и поговорим.

— С кем вы собираетесь говорить, Анна Серафимовна?

— вмешивается невозмутимый директор. — Мы еще выясним, что это за личность...

Вот тип. Стараясь тоже быть хладнокровным, я называю фамилию, адрес и в конце добавляю:

— Алешу я вам больше не отдам.

— Как это? — басовито воркует Анна Серафимовна и объясняет, что им доверило ребенка государство.

— Вот именно, — многозначительно замечаю я.

— Молчать! — срывается на крик директор и бьет ладонью по столу. На лице у него проступают красные пятна.

Не могу, когда на меня орут. Я делаю шаг и ударяю кулаком по столу. Говорят, если в такую минуту сдерживаешься, очень много нервной энергии скапливается. Вредно.

Директор испуганно отскакивает от меня.

— Эх, вы, — бросаю я и ухожу.

— Бандит! — несется мне в след.

В коридоре много чумазных ребят, в замусоленных рубашках и штанах, платьях, коротко или наголо постриженных. Бегают, смеются — а мне кажется, только делают вид, на самом деле им невесело. У каждого в душе своя рана, как у Лешки.

Иду по улице, но их голоса продолжают звучать, вспоминается мальчик с покрасневшим ухом, скорбное лицо... как ее, Анны Серафимовны, ее слова: «У нас особый контингент — ворье, хулиганы. Они другого языка не понимают».

Наверное, они обманывают, хитрят и что похуже делают. Но эту грязь они несут из дома, этому их учит жизнь. Что же, теперь узаконить их привычки, не пытаться их изменить, создать другую жизнь? «С кем вы собираетесь говорить?», — слышу в ответ от директора. В самом деле, что я про все это знаю? Может, в самом деле, с этими ребятами иначе нельзя? Нет, нет! Думать так — значит взять и ударить Лешку. У меня пот от волнения появляется. Бить их, обделенных добром, — как до этого можно опуститься.

Я за всю свою жизнь не видел столько грязи, несправедливости, сколько свалилось на одиннадцатилетнего мальчишку. У взрослых неустроенная жизнь, а страдают за это дети. Они не могут оторваться, поменять пап и мам, воспитателей. Несправедливо.

Смотрю на прохожих — улыбаются, оживленно разговаривают. А какими вы будете, когда придете домой, к своим детям? Будете вымещать на них обиды за все свои неудачи?

Честное слово, еще немного — я вскочу на скамейку и закричу на всю улицу, выскажу все, что думаю о взрослых. Так мальчишкой я ораторствовал на спор с девчонками. Но сейчас на скамейке сидит Наташа. Когда она рядом, кричать не хочется. Хочется положить голову на плечо и разреваться от беспомощности. Нельзя. Мальчишкой приучаешься сдерживать себя, как бы ни подступали к горлу слезы. Поэтому я с жаром выпаливаю все, что только что увидел и передумал. Наташа слушает внимательно, но, мне кажется, немного не все-рвез, как маленького. Она касается ладонью моего разгоряченного лица, будто хочет снять с меня всю тяжесть. Я чувствую себя беспомощным, как в детстве, когда однажды застрял на скалах и чуть не погиб, если бы рядом не оказался брат, Лешка. Мне казалось, что стоит только повзрослеть — и будет легко преодолевать любые трудности. Нет, нисколько не легче. Наоборот, вершины все круче и опасней, того и гляди сорвешься.

Поздно уже, а Лешка не спит. Смотрит и смотрит на меня, будто все еще боится потерять. Я сразу становлюсь взрослым. Просто смешно.

— Закрой глаза немедленно, — как можно строже говорю я.

Горюшко мое непослушно мотает головой. Требуется сказка. Где я ее возьму? Завтра же наберу в библиотеке сказок, какие только есть. А сейчас что делать?

Лешка нетерпеливо ворочается, и раскладушка отзывается недовольным скрипом. Вот наказание! Придется придумывать.

— Представляешь, зимой в лесу расцвел розовый куст.

— Как это?

— А вот так...

Появился на колючих ветках бутон, белый, как снег. Цветку было холодно, и он подрагивал лепестками. Запорошенные снегом ели встрепенулись, услышав жалобный писк.

«Что такое?» — возмутилась высокая солидная елка и строго посмотрела на цветок.

Бутон покраснел от смущения. «Простите, я ненарочно. Мне показалось, что кто-то позвал меня. Я выглянул — и вот...»

«Ах, эти невыносимые цветы, — поморщилась пузатая елка, которую зимой мучила мигрень. — Что-нибудь да придумают. Только задремала».

«Кто тебя может звать, врунишка! Кому ты нужен!» — сердито буркнула еще одна, низкорослая елка и замахнулась на розу своей веткой.

Цветок и так чувствовал себя неуверенно в холодном, незнакомом мире. От такого приема он совсем сник. Росинки-слезы покатались по лепесткам, превращаясь в ледяные бусинки. Но никто его не жалел.

«Так тебе и надо! Никому ты не нужен», — шипели деревья.

В этот момент цветок готов был умереть от разрыва сердца, но снова услышал, что его зовут, приподнял голову — и увидел, как в огромных валенках, утопая в снегу, пробирается к нему мальчишка.

Елки недовольно отпрянули в сторону, а низкорослая хлестнула мальчишку по улыбочивому лицу. Тот, не обращая внимания, подошел к кусту, осторожно сорвал цветок и положил за пазуху. Бутон спокойно вздохнул и задремал, прижавшись к теплой груди.

...Лешка долго молчит, наконец, подает голос:

— И все?

— Все.

— А зачем парню цветок?

— Не знаю. Нужен был. Может, у девочки, с которой он дружит, день рождения.

— А зачем на день рождения цветок? Лучше ничего не было?

— Цветы зимой в лесу не растут. А раз он принес зимнюю розу, значит человек этому мальчишке очень дорог.

— Тогда другое дело, — соглашается Лешка. И сразу засыпает.

«Гром сражений в степях раздавался», — напеваю я про себя песню из спектакля, сердито расхаживая по комнате.

Это надо же! Никому до Лешки не было дела, а теперь...

Первыми пожаловали мамаша и папаша. Я их даже не узнал: в трезвом состоянии люди как люди. Они стали требовать, чтобы вернул «ихнего ребенка». Его государству доверили, «шоб человеком рос». Вот какие заботливые!

Видимо, в интернате решили действовать. Зачем только я им адрес оставил?

На шум стали соседи по лестничной площадке выглядывать. Непрошеным гостям этого только и надо было.

— Что же это, среди бела дня детей воруют, — стала голосить мамаша с запудренным синяком под глазом.

Я терпел. Честное слово, говорил тихо и вежливо, пока «папаша» не стал в квартиру ломиться и кричать:

— Где этот с-стервец! А ну иди сюда. Ш-шкуру спущу!

Вот тогда... Мама уверяет, будто я поднял его за шиворот на метр и швырнул так, что он мог бы не встать. Не знаю. По-моему, просто спустил с лестницы. Женщина, притихнув, сама последовала за сожителем.

Мама очень сердилась, говорит, они теперь в милицию пойдут — хуже будет.

А что делать?

Следом пришла женщина с рыхлым лицом, похожая на продавщицу. И руки у нее мясистые, бесформенные. Вот-вот скажет: «Сколько свесить?» В отличие от родителей, держалась она вежливо, спокойно.

— Я из интерната. За тобой, Леша.

Я оглянулся — и не узнал парня. Он стоял, обреченно опустив голову. Совсем как игрушечный человечек с натянутыми ниточками ног-рук, когда вдруг нажмешь дно — и он обмякнет.

Я взял Лешку за плечи. Он коротко взглянул на меня с отчаянной мольбой. Его безнадежный страх, как холод, передавался мне. Пришлось сказать себе: «Ты-то взрослый, должен что-то сделать».

— Мы бы хотели оставить Алексея у нас, — как можно уверенней сказал я.

Женщина усмехнулась, продолжила устало и снисходительно:

— Это невозможно. У мальчика есть родители, мы тоже отвечаем за него. Он слоняется, а весь коллектив... за него переживает. Мне уже выговор объявили. Собирались в милицию обращаться. Он должен немедленно вернуться, если не хотите неприятностей.

Она направилась к выходу, ожидая, что Лешка последует за ней. И он бы послушно пошел, уберу я руки с плеч.

Женщина остановилась у двери, сказала тихо:

— Зачем вам это? Никуда ему от нас не деться. Укратит что-нибудь, и вы сами будете просить забрать его обратно. Уж сколько раз так было. Они только пакостить умеют.

Лешка согнулся, как от удара. Слезы беззвучно закапали.

— Зачем вы так? — подала голос мама.

Она стояла поникшая, как Лешка, всем видом говоря: плохо это, но что поделаешь.

Женщина решительно взяла Лешку за руку, но я не отпустил рук. Лицо непрошеной гостьи изменилось, она поджала губы и уничтожающе посмотрела на маму.

— Скажите своему сынку, чтоб... Чтоб прекратил.

Она зло дернула Лешку. Пришлось выпустить его из рук, не рвать же мальчишку на части. Я встал перед дверью и сказал твердо:

— Это не вещь, не чемодан, чтобы таскать его, не спросив согласия. И хватать его, оскорблять никто не давал права. Вы старше, но мне стыдно за вас.

Женщина на мгновение растерялась. Лешка оказался на свободе. Я шагнул к нему, надежно заслонив собой.

— Ах, ты... Ты за это ответишь, щенок.

Это было самое приличное, что вырвалось у нее. Нутро «продавщицы», у которой пытаются взять без спроса товар, взяло свое. Рассвирепевшая воспитательница не могла сразу открыть дверь, поэтому пришлось выслушать весь запас ее ругательств. Потом мне пришлось брать в охапку побелевшую маму и голосившего Лешку, так что пожалеть самого себя было некогда. Чувство было такое, будто вывалили в грязи, очень хотелось «вымыться» как следует. Стал успокаивать обоих, как маленьких, и с тревогой ждать: кто следующий. Не пора ли занимать круговую оборону, вооружившись за неимением пулемета... подушками, что ли?

Следующим появляется лейтенант милиции. Молодой совсем, почти мой ровесник. Носом шмыгает, видно простудился. Несмотря на это, настроен строго.

— Кто тут гражданин Костров? Что же вы... С виду человек образованный, а хулиганите? — Он достал из сумки листы. — Выдаете себя за работника милиции... Грозите физической расправой... Физически расправляетесь путем спуска-

ния с лестницы... Силой препятствуете возвращению ребенка в школу-интернат. Нехорошо получается.

Уверенность милиционера выводит из себя. Что же это такое? Все так сложно, а он уже знает, кто прав. Не человек, а функция, раз при исполнении.

— Здравствуйте. Извините, но мы не в участке, вы в дом пришли. Можно головной убор снять, поздороваться. Я гражданин Костров, но не преступник. Может, стоит сначала разобратся, что случилось? Или у вас так не положено?

Мама укоризненно смотрит на меня.

— Володя, ну, зачем ты?..

Лейтенант покраснел.

— Здравствуйте. Почему, не положено? Давайте разбираться. Участковый Варежкин.

Шапку он снял, смущенно пригладил ежик волос. Хочет пройти в комнату, видит лужу от ботинок и совсем теряется. Еще немного, и он станет разуваться. Милиционер в носках — это уж слишком.

— Лешка, ну-ка дай тряпку! — командую я.

Недовольный Лешка выползает из-под стола, исподлобья смотрит на лейтенанта, приносит тряпку и снова лезет в укрытие.

— Серьезный молодой человек, — неожиданно улыбается участковый. — Это и есть похищенный?

— Он самый.

Коротко стриженный, улыбчивый Варежкин уже не выглядит грозно. Теперь можно говорить спокойно. Я выкладываю все про родителей Лешки, про порядки в интернате.

Лейтенант молчит. И непонятно по выражению лица, о чем он думает.

— А вы кто мальчику будете? Родственники?

— Да нет... В том-то и дело, что вроде никто. Просто на улице встретились.

Лейтенант смотрит удивленно. И я опять готов взорваться. Почему это всех удивляет, а родители-изверги ни-сколько?

— Ну и дела, — чешет стриженный затылок Варезкин. — Тут в самом деле разбираться надо.

Он объясняет, что раз мать не лишена родительских прав, забрать у нее ребенка никто не имеет права. Это может сделать только суд. Иначе... У каждого ведь свое представление о справедливости, поэтому нужно руководствоваться только законом. Если оформлять дело в суд — это нескоро, значит, все равно в интернате жить придется. Потом, так просто ребенка не отдадут. Для опеки документы нужны, решение комиссии по делам несовершеннолетних. Вдруг какой-нибудь рецидивист захочет себе помощника заполучить.

— Он не рецидивист, — спешит заверить мама.

Я начисто сражен этим обилием законов. Все вроде бы ради защиты ребенка, но ему от этого не легче.

— Значит, снова к пьяным родителям на истязание, к воспитателям, которые детей ненавидят? И вам будет спокойно от выполненного долга? — говорю я.

— Порядок есть порядок.

Лейтенант старается не смотреть на меня, вертит в руках шапку.

— Что же это за порядок, если от него человеку плохо.

— Никуда я не пойду! — слышится отчаянный вопль из-под стола. — Хоть режьте, не пойду!

Лейтенант хмыкает, решительно выпрямляется.

— Вот что! Раз они пишут, то и вы пишите. Про все, что рассказали. И вы, мамаша, тоже пишите. А... — милиционер заглядывает в бумаги, — гражданина Вострецова, скажем, я не застал в квартире. Его и в самом деле что-то не видно.

Когда с формальностями покончено, лейтенант протягивает руку:

— Надолго не прощаюсь. Ох, чувствую, придется нам частенько видаться. Меня Василием зовут.

Я крепко пожимаю его ладонь.

Ночью снятся высоченные скалы, покрытые снегом. Я пытаюсь прыгать по острым вершинам, но не могу. Ветер сбивает с ног. Глаза слипаются, никак их не открыть. Но злые, ухмыляющиеся лица внизу вижу отчетливо. И Лешкины родители, и воспитательницы во главе с директором интерната ждут, когда я упаду, размахивают какими-то бумажками. Оказывается, я снова маленький, как в детстве. Ветер швыряет меня вниз, но в последний миг удается зацепиться за корень старого деревца. Он вот-вот вылезет — и... От ужаса хочется кричать, но горло сдавило. Неужели конец? Леша, верный мой брат, где же ты? Он появляется, но грустно говорит: «Я же умер». Значит, все... Какая-то сила начинает меня трясти. Не надо!

— Володя, Володенька, ты что?

— А?

Я открываю глаза и вижу маму. Голову сверлит от боли так, что выть хочется. Мама приносит склянки с запахом мяты и еще какой-то дряни. Приходится пить.

— Это ты понервничал, — приговаривает мама. — Сейчас все пройдет.

Лучше лекарств мамина рука на лбу. Я вспоминаю, как в детстве любил ее колыбельную: про две дырочки в носу, нежных крокодилов и тигров, с которыми можно в жмурки поиграть.

— Спой, а, — жалобно прошу я.

— Неужели ты помнишь?

Эта колыбельная затаенно жила во мне, хоть мама пела ее, когда я спал в кроватке для малышей, с высокими ограждениями. Спустя несколько лет я обнаружил сие ложе ржавым в сарае и засмеялся: не мог поверить, что когда-то по-

мещался в нем. Прутья прогнулись — это я, когда стало тесно, потянулся. Меня переложили к брату, и колыбельная смолкла. Она часто звучала внутри меня, хотелось слышать ее, как хочется воды при жажде, но сначала я боялся, что брат будет смеяться, а потом вырос.

Негромко звучит молодой мамин голос, и жажда проходит. Как хорошо. Я снова засыпаю.

Снег серой пеленой окутывает улицы, дома. И так тоскливо, а тут серость. Зато здание школы, к которому я подхожу, по-весеннему зеленое, радостное. Обучение на английском языке — новшество в нашем городе, может быть, поэтому и строили школу по-другому. Невысокая, два этажа, она напоминает бублик с дыркой-площадкой посередине. Чтобы найти вход, приходится обойти почти все здание. Только я собираюсь взяться за ручку, как дверь сама распаивается. Выскакивает что-то, напоминающее мальчишку, — и в сугроб. Барахтается, фырчит... В самом деле, мальчишка. Глаза круглые и беззаботные, как у лопоухого щенка. Волосы и лицо — в снегу, даже ресницы. Впрямь жизнерадостный щенок, превратившийся в человечка, трясет мордочкой, освобождаясь от снежной пыли, счастливо улыбается.

— Что это ты делаешь?

— А что? У нас перемена.

— А-а, — понимающе говорю я.

Мальчуган отряхивает пиджак, важно поправляет пионерский галстук — и превращается в обычного школьника. Только счастливая улыбка не исчезает. Хорошо, когда рядом радостный человек, в последнее время мне этого не хватает.

Входим в здание вместе. Не хочется сразу расставаться.

— Слушай, у вас здесь все по-английски написано, не разобрать. Может, проводишь к директору?

Мальчишка охотно соглашается:

— Идем. Мне туда же.

Перед кабинетом нет секретарского стола, дверь приоткрыта. Я пытаюсь пропустить веселого знакомого вперед, но он с неожиданно изысканной вежливостью уступает мне дорогу. Мы бы долго препирались, но появляется директор, Вадим Николаевич. Он старается быть грозным:

— Заходите, заходите, голубчики. Устроили тут базар.

Я чувствую себя провинившимся учеником.

Вадим Николаевич часто бывал у деда, и я запомнил его веселым, вечно подтрунивающим над всеми. Он играл со мной, как мальчишка, часто покидая ради этого взрослую компанию. Сейчас это солидный человек, глаза сквозь толстые очки видят тебя насквозь. Даже лысина, чуть прикрытая остатком волос, вызывает уважение. Правда, мой проводник почему-то не робеет, держится, я бы даже сказал, нахально. Так и хочется дать ему подзатыльник.

— Что тебе, Кругликов? — обреченно вздыхает Вадим Николаевич.

— Можно я к вам потом зайду? А то сейчас... посторонние. Вот дает!

— Хорошо, хорошо, Антоша. Беги, ты опоздаешь на урок.

— Ага! — еще больше улыбается Кругликов и уносится вприпрыжку.

— Вот, детки! — усмехается Вадим Николаевич. — Скажет теперь, что задержался у директора.

— Он говорил, что дело очень важное, — пробую заступиться я.

— Да нет, — машет рукой директор. — Он просто не успел придумать, что сказать. Если к концу урока придумает, снова придет.

— Зачем?

— Натура такая. Привязчивый, как щенок. Чем-то я ему приглянулся, — знакомо улыбается директор.

Он снова становится похожим на того «мальчишеского взрослого», который не стеснялся играть со мной. Оказывается, он просто умело маскируется под солидного директора. Теперь понятно, почему у Кругликова нет никакого трепета в директорском кабинете. Наверное, его никто не боится.

— С чем пришел? — усаживая меня на стул, спрашивает Вадим Николаевич. — Просто так не заглянул бы...

Я виновато вздыхаю и рассказываю про приключения вокруг Лешки. Снова становится серо, холодно.

Вадим Николаевич слушает удивленно, потом на лбу появляется суровая складка, которая превращает его в старика. Он пытается стереть ее ладонью.

— Бедный мальчуган... Что ты собираешься делать?

— Пришел за советом. Хочу его у себя оставить.

— Это не так-то просто, — печально качает головой Вадим Николаевич.

— Знаю уже, — бурчу я. Рассказываю про недавние визиты. — Никому не нужен был, а тут... В школу вот надо устраивать. Возьмете?

— Я, пожалуй, не имею права не взять, — хитро улыбается Вадим Николаевич. — Закон о всеобуче. Только в какой класс его определять? Он, наверное, учебку давно забросил, а у нас школа английская. Пришлось на хитрость идти, чтобы экспериментальную программу разрешили.

Я вспоминаю, как Лешка недавно взял с полки книжку деда про животных Севера и стал читать по слогам, как первоклассник. Это сейчас не самое трудное. Подтяну.

Снег, снег за окном. Я вспоминаю безуютную школу-интернат. Сколько их, таких Лешек, как мой, ищут сейчас, где бы согреться? Сотни? Тысячи? Сотни тысяч? Своего я не брошу. А как быть с остальными?

В ответ на мои горестные размышления, Вадим Николаевич внимательно смотрит на меня, потом решительно поднимается.

— Пойдем.

В детстве, когда выгоняли с урока, коридор казался мне тихим, как кладовка для наказания. Сейчас он живой: из приоткрытых дверей доносятся звуки позабытой школьной жизни, можно приобщиться к истинам физики, истории, ботаники. Школьная симфония.

Вадим Николаевич приоткрывает одну из дверей, вроде бы самую обыкновенную, — и я оказываюсь на улице старинного города. Вдоль стен резные двери и ставни. Посреди стоит улыбающийся молодой парень в фартуке — прямо Данила-мастер из сказов Бажова.

— У вас тут театр? — спрашиваю я.

— Не угадал, кабинет труда для малышей. Вернее, Город мастеров. А это его хозяин — Сережа. Я его у шефов с предприяття выкрал, — хвастает Вадим Николаевич. — Золотые руки.

— Ну, при чем тут я, — смущается Данила, то есть, Сережа-мастер. — Это все старшекласники делали.

Директор расплывается в улыбке.

— Сережа — умница. Шефы могли бы в два счета все это сделать. А он настоял, чтобы старшие ребята на уроках труда для малышей постарались.

Директор с удовольствием открывает дверцы, за которыми скрываются в стойках и ящичках наборы всевозможных инструментов. За самыми большими дверцами — выдвигающиеся верстачки на колесиках. Хочется самому взять инструменты в руки и сделать что-нибудь необыкновенное.

— Представляешь, какое удовольствие для малышей. Их отсюда не вытащишь. Мы еще звания введем вместо отметок: каждый может стать Мастером на все руки. Уметь починить и смастерить все самое необходимое.

— Да, а то парни нынче пошли... Даже протекающий кран исправить не могут, — добавляет улыбающийся Сережа.

Директор жалуется, что со старшеклассниками тоже проблемы. Руководители предприятий пока не решаются открыть в школе свои филиалы, серьезные заказы размещать. А как хорошо, если бы при школе были свои цеха, магазины, аптека, швейная и обувная мастерские.

— Ну, ничего, дождем. Правда, Сережа?

Тот широко улыбается.

Школьный коридор после Города мастеров кажется тусклым. Чуть проходим — слышится стук мяча. Заглядываем в спортзал, где ребята играют в баскетбол. Часть мальчиков занимается на силовых тренажерах. Учитель — молодой парень.

— Да, пока не хватает места для дифференцированной физкультуры, — жалуется Вадим Николаевич. — Павел просто замучил. Я его в нашем дворе приглядел. Смотрю, с ребятами то в футбол играет, то какие-то состязания придумывает. Навожу справки — он будущий учитель, на третьем курсе учится. Уговорил ректора, чтобы парню свободное расписание дали. На свою голову. Павел меня донимает, почти как Кругликов. Мало ему спортивного зала — бассейн, тренажерный зал подавай. С тренажерами его еще школьный врач поддерживает, ребята на них все перемены пропадают, очередь стоит. Павлу хоть полшколы под физкультуру отдай — все мало. А на меня учителя физики и химии обижаются. У них идея сделать игровую комнату со всякими приборами для опытов, чтобы ребят завлечь. Это помимо научных лабораторий. Мы мало людей ценим. Учителя преображаются, если им создать условия для работы. Они на такое способны! Географ и биолог долгое время в штыки все принимали, а теперь сговорились, что уроки надо объединить и проводить как путешествия. Сейчас видеопроектор и другую проекционную аппаратуру для них добываю.

Я слушаю и завидую. Почему у меня в детстве этого не было? Серая безрадостная школа. Конечно, не Лешкин ин-

тернат. Два детских дома в одном городе, а будто разные вселенные. Я вспоминаю пустые лица ребят и взрослых, смиренные мальчишки, которому крутит ухо девушка, чья-то будущая мама. Снова вижу Лешкину мать в пьяном угаре на полу. Эти воспоминания — как заноза в сердце. Ноет, ноет.

— Мне сегодня стыдно стало, — вдруг говорит Вадим Николаевич, снимая очки. Лицо его сразу беспомощным становится. — У меня особые условия, горком партии поддерживает. Мог бы в интернате с брошенными ребятами этим заниматься, но пошел по более легкому пути. Честное слово, завтра же напросился бы в интернат. Но не могу на полпути эту школу бросить. Рано еще, сами не справятся. Она для города — как испытательный полигон. Призывами любить детей в образовании ничего не изменишь, надо пример показать. Мое заведение школой будущего называют, а я не соглашусь. Это школа настоящего, в чем мы безнадежно отстали. Это боль моя. Мы не можем пока изменить семью, улицу. Так пусть хоть в школе ребятам будет хорошо. Это их защита.

А интернат — это «школа» прошлого, да еще какого махрового!

Вадим Николаевич дотрагивается до моего плеча. Очки уже на месте, но глаза все равно как у мальчишки. Что он задумал?

— Мне пока в одном не повезло. Важного человека не хватает — пионервожатого. Есть девочка, старательная, исполнительная. А надо, чтобы от инициативы пионеров школа ходила. Вчера на педсовете председательницу совета дружины спрашиваю: что сами ребята хотят? Она молчит, на вожатую поглядывает. Та краснеет. Давай ко мне, а? Ты в армии служил, мальчишек понимаешь. В университете я все улажу...

Лешка выбегает на мороз в рубашке с красным галстуком и с пионерским барабаном. Дробь пререзает тишину школь-

ного двора. Первым, конечно, выбегает Антоша Кругликов, за ним — вся дружина. «Что случилось?» — «Мы должны дать друг другу клятву не оставлять товарища в беде, что бы ни случилось. Кто ее нарушит, тот не пионер и вообще не человек. Так себе, пустое место».

Это я уже представляю себя вожатым. Зачем отряды в классе? Пусть будут там, где твои товарищи, интересное дело: во дворе, в кружке, даже на квартире. Ну, держись, Вадим Николаевич! Сам ведь хотел, чтобы школа гудела. Мы не только кабинеты займем, но и чердаки, подвалы.

Я оглядываюсь по сторонам — вроде никого — и прыгаю в сугроб. Надо охладиться. Теперь я понимаю лопоухого Антошку, который здесь недавно барахтался. Отряхиваюсь от снега и бегу вприпрыжку как маленький. Редкие прохожие испуганно поглядывают: сумасшедшего из больницы выпустили! Что делать, если я не могу быть спокойным и благонамеренным? Обстоятельства, как мозаика, неожиданно сложились так, что на смену безысходности приходит новая жизнь. Я прощально машу рукой проезжающей мимо «скорой помощи», санитаром которой теперь не буду. И внезапно понимаю, чем привлекательно предложение Вадима Николаевича. Это возможность быть не учителем, пусть даже хорошим, нет, а вернуться в детство, прожить его по-новому, в роли старшего брата.

Забегаю в магазин: Лешке сумка и всякая всячина для школы понадобится. Жаль, денег маловато. Хорошо бы парню нормальный костюм справить. Приятно делать подарки — сам чувствуешь себя счастливым. Давно хочу маме плед купить, чтобы не зябла. Я приглядел отличный — закутаешься, и никакие сквозняки не страшны. Но это две мои стипендии. Скорей бы с работой все уладилось.

Дверь в квартиру я открываю осторожно, чтобы сюрприз Лешке устроить. Тихо. Опять удрал? Вздрагиваю от грохота

в комнате деда — я туда не решаюсь заходить после его смерти. Бросив покупки, захожу в кабинет. Милый Лешечка проверяет содержимое ящиков, один рухнул на пол, посыпались мелкие сувениры с научных симпозиумов.

Увидев меня, Лешка сжимается, а на лице знакомый звериный оскал — вот-вот укусит. Потом он опускает глаза и начинает всхлипывать. Этого еще не хватало!

— Чем реветь, лучше бы помог, — неожиданно для себя говорю я и начинаю собирать вещи в ящик.

Лешка затихает и начинает наводить порядок.

Смутно на душе. Вроде бы, ничего страшного. Ну, захотелось человеку обследовать запретную комнату. Все равно неприятный осадок.

— Я просто посмотреть хотел, — хмуро бурчит Лешка и настороженно посматривает исподлобья.

Я не знаю, что сказать, поэтому старательно прилаживаю ящик, подбираю довоенные значки, завалившиеся под кровать. Дед терпеть не мог современной мебели и потребовал перевезти из старого дома эту железную рухлядь с набалдашниками и досками вместо сетки.

Лешка направляется к двери, обреченно опустив плечи.

— Постой, — резко говорю я. Лешка замирает. — Иди сюда.

Во мне раздвоение. Хочется утешить это чудо, а голос звучит строго, как у воспитателей. Я сажаю Лешку на кровать рядом с собой.

— Здесь мой дед жил... Понимаешь?

Я чувствую себя таким же беспомощным мальчишкой, как маленький Лешка. Вспоминаю, как в старом доме со страхом пробирался к деду на второй этаж, заглядывал в непонятный мир книг, тишины. Дед почти не разговаривал с нами, все думал о чем-то. Иногда он подолгу смотрел на большой женский фотопортрет, который, как и раньше, ви-

сит в комнате. Это моя тетя, погибшая на войне. Моя первая дама сердца, которую я в детстве клялся расколдовать, вызволить из заточения. Дед был прав: она и впрямь похожа на Наташу, только волосы светлее и убраны в косу по-взрослому.

Мы пытались воссоздать в квартире комнату деда как в старом доме, но он все равно не смирился с переездом. Конечно, жаль Дом, но выхода не было. Все старые постройки снесли, рядом с нами с утра до темноты ревели экскаваторы, а мы все пыхтели печной трубой. Я сердился на деда, потому что хотел, как мои одноклассники, жить в современном доме с газом, горячей водой и другими чудесами двадцатого века. Я тогда не знал и не понимал, почему дед не хотел покидать дом. Сам председатель горисполкома приезжал уговаривать, предлагал хоть четырехкомнатную квартиру. Дед уперся: «Дайте помереть спокойно. Недолго осталось». Потом махнул рукой, дескать, делайте, что хотите. И совсем замолчал. Как переехали, он сидел в кресле, почти ничего не ел. Через несколько дней он заболел. Будто в укор нам, вырвавшим его из родной почвы....

...Я не сразу чувствую, что Лешка усиленно трясет меня. Возвращаюсь к действительности, как после долгого сна, который трудно отличить от яви. Наверное, в такой задумчивости находился дед, когда перебирал события своей долгой жизни и не замечал нас.

Лешка испуганно смотрит на меня, не понимая, что происходит.

— Хочешь, я покажу тебе, где раньше жил.

Парень сейчас на все согласен.

Я веду его знакомым переулком. Вот старый, с облупленной краской на стенах, двухэтажный магазин. Вот серенькая школа. Она теперь кажется ниже ростом. А дальше начинаются тесно прижатые друг к другу многоэтажки, похожие друг на друга, как игрушечные кубики.

Я рассказываю Лешке про наш деревянный дом, похожий на парусное судно, и готовлюсь к встрече с детством. Это должно быть рядом. Где-то тополь, который я сам посадил и рос с ним наперегонки. Водосточная канава, которая весной бурлила и уносила наши самодельные кораблики к Синему Морю. Однажды я даже отправился вслед за щепкой-парусником по лужам в валенках, хотя солнце растопило снег.

Только все следы моего детства теперь заасфальтированы. Будто не было моего брата, наших приключений. Ничего. Еще больше начинаю понимать, каково было деду. Жутко, когда тебя вырывают с корнем, а землю трамбуют асфальтом.

Прихожу в себя от того, что Лешка дергает меня за руку и говорит с укором:

— Ты опять?.. Мне страшно.

Я замечаю, что мы с ним сидим на скамейке у чужих домов. Сколько мне сейчас лет? Двадцать? Пятьдесят? Двести?

Страшный грохот окончательно приводит в себя. Пацанята тащат за проволоку большую кастрюлю, по очереди пытаются устроиться в ней, но тут же вылетают. Наконец, туда впихивают мальчика лет трех и волокут по тротуару, расчищенному от снега. Ошеломленный неожиданным путешествием, малыш с трудом удерживает равновесие и готов заплакать.

Бдительные жительницы двора оглашают окрестности криками:

— Прекратите сейчас же!.. Ишь, что удумали... Вот сейчас ухи надеру!

Ребята разбегаются, бросив кастрюлю посреди цивилизованного мира, где не укрыться от непрошенных взоров.

Нам все-таки было легче. Наш мир оберегала высокая трава, деревья, многочисленные постройки и заборы. Было у меня детство, было! И еще какое.

Я смеюсь, и Лешка за компанию.

— Ты чего? — спрашиваю я.

— А ты?

Снова смеемся.

Мы возвращаемся. Лешка крепко держит мою руку.

— Ты больше не сердишься?

— За что?

— Ну... Сам знаешь.

Он все еще опасается за последствия своих раскопок у деда.

— Не сержусь. Только запомни, что ты у нас на равных.

Не надо ничего исподтишка делать.

Лешка останавливается на мгновение, постигая смысл моих слов. Потом смешно подпрыгивает и несется вперед.

Поскальзывается и падает. Лежит.

— Леша, ты чего?

Склоняюсь над ним. Открывается хитрый глаз.

— Ну и шуточки у тебя! — сержусь я.

Лешка снова виснет на моей руке, тихо шепчет:

— Я думал, что ты меня прогонишь.

— Вот дурачок.

Лешка ласково трется щекой о руку, как котенок. В самом деле, совсем еще глупенький. Просто смешно.

Дома ждет Наташа. Она старается быть веселой, подушками с Лешкой начинает кидаться, а глаза печальные. Никогда ее такой не видел.

Мама зовет меня на кухню, говорит строго:

— Ты почему на Наташе не женишься?

— Чего-о?

А, правда, почему?

В пионерском лагере я как-то влюбился в девочку, Веру Потапову. Это выражалось в том, что каждый вечер я танцевал только с ней. Она меня тоже любила, иначе вряд ли

смогла бы вытерпеть неуклюжие прыжки вокруг нее. Труднее всего давался вальс. Я запутывался в собственных ногах, стараясь угнаться за партнершей. Вера спокойно подсказывала, как надо двигаться. Поскольку никто больше не смел подходить к ней, тренировок было более чем достаточно. Кстати, теперь я единственный из всех в спектакле «Двадцать лет спустя» умею танцевать вальс, обучал даже девчонок.

Обычно в детской компании принято смеяться над влюбленными. Удивительно, но в моем случае этого не было. Наоборот, ребята гордились нашей парой. Отчетливо, как сейчас, помню: ночью, лежа в кроватях, рассказываем страшные истории, потом вспоминаем разные случаи из своей жизни. Неожиданно шумливый, громоздкий Пашка говорит:

— Ребя, а Верка с Вовкой поженятся, вот увидите, поженятся!

И все согласились с ним. Я тоже начал верить в это, хоть ни разу не поцеловал Веру, несмотря на наблюдения за любовными похождениями старшего брата.

Почти полгода мы потом переписывались с возлюбленной, хоть жили не очень далеко друг от друга. Я даже с конвертом в руках отыскал ее дом, посидел у подъезда в надежде, что она выйдет. Увы, скоро кипучая жизнь развела нас в разные стороны.

Я смеюсь, вспоминая свою историю с первой «женитьбой», а мама сердится:

— Владимир, я ведь серьезно. Наташа совсем извелась, бедная. Понять не может, почему ты тянешь.

— Почему извелась?

Она ведь знает, что я ее люблю, что нам хорошо вместе. Впервые коснувшись ее руки, ее волос, я без слов дал клятву верности.

Мама укоризненно качает головой:

— Эх, ты. Все вы, мужчины, одинаковы.

Молчаливо пьем чай. Я стараюсь не смотреть на Наташу, боюсь ее тревожных золотистых глаз. Не выдерживаю и шепчу ей на ухо:

— Пошли гулять.

Наташа тут же соглашается.

У двери вспоминаю, что Леша, негодник, не заснет без меня. Подзываю его:

— Чтобы во всем слушался маму. Пораньше спать ложись. Завтра в новую школу, понял?

У Лешки глаза увлажняются, не хочет оставаться без меня, но он согласно кивает. Я с надеждой смотрю на маму.

— Ну-ка, поди ко мне, золотце, — командует она, и Лешка послушно плетется. — Давай, посмотрим, что с твоим школьным костюмом сделать можно.

Фу, наконец-то мы с Наташей одни. А говорить не о чем. Между нами натянутая тишина. Наташа отворачивается и, я чувствую, плачет как самая обыкновенная девчонка. Впервые за все время нашего знакомства. Я утешаю ее как маленькую. Уткнувшись мне в плечо, Наташа признается:

— Я весь день реветь хотела, но держалась. Жду конца лекций, думаю, выйду, а там ты, как раньше. Понимаю, что не можешь прийти, а все равно жду, жду... Не бросай меня. Пожалуйста.

Я обнимаю Наташу так крепко, что чувствую, как бьется ее сердце.

— Ну, что ты, что ты, перестань. Я тоже не могу без тебя. Знаешь, очень хочется, чтобы наша свадьба была в Новый год. Здорово, правда? Это будет самый волшебный день нашей жизни.

Наташа смотрит на меня и смеется сквозь слезы. Мы идем, обнявшись, по бесконечности ночи и говорим слова, которые теперь не имеют никакого значения. Лишь бы не расставаться. Наташа уходит, а я продолжаю чувствовать ее

доверчивую близость. И кружусь, кружусь в вальсе, увлекая за собой снежинки.

По привычке останавливаюсь возле снежной крепости. Стены обвалились без хозяина. Это уже не укрытие для грозы всех влюбленных, а большой сугроб, похожий на спящего зверя. Я чувствую себя волшебником. Вот махну рукой — и погаснут уличные фонари. Ух ты, в самом деле, гаснут. Захочу — эти чисто вымытые звездочки зазвонят как елочные шары. Пусть от этого звона у всех исчезнут тревоги, разгладятся морщины на лбу и появятся улыбки от славных снов. Нет, пусть только детям и хорошим людям спокойно спится. Те, у кого совесть не чиста, просыпайтесь и мучайтесь, пока не решите утром начать жить иначе.

Весь мир, послушный мне, кружится волчком, увлекая за собой планеты, галактики. Здравствуй, новый день.

Я лежу и дремлю в траве — густой и высокой, как в детстве. Кто-то рядом. Не может быть — мой брат, Лешка. Лет четырнадцати, совсем мальчишка. Я — старше его. Лешка улыбается, поглядывая на меня. А над нами — россыпи звезд. Кажется, до них можно дотронуться. Еще бы, мы на крыше многоэтажки. Трава проросла сквозь нее. Так высоко, что голова кружится, и страшно пошевелиться, можно свалиться с крыши. Я схватился за ствол дерева. Это же мой тополь — выше дома! Теперь я в безопасности.

Кажется, я прилег на минутку, а мама уже будит. Какое утро, если темно? То ли дело просыпаться от солнечных лучей, ласково касающихся твоего лица. Все-таки надо вставать. Включаю настольную лампу — и комната становится зеленой, как аквариум. Все, еще разочек потянусь и встану.

Подхожу к раскладушке и вижу, что Лешкины ресницы мокрые, а губы перекошены от боли. Я осторожно бужу его.

Лешка резко поднимается и загораживается рукой.

— Не надо, не надо, не бейте, — всхлипывает он сквозь сон и долго приходит в себя.

Оказывается, ему приснилось, что отчим притащил его за шиворот в интернат, ребята и взрослые обступили его, угрожающе размахивая руками. Окончательно уверившись, что он в безопасности, Лешка улыбается и пробует скрыться под одеяло. Э, нет, братец, с сегодняшнего дня будем зарядку делать, объявим борьбу всяческим рахитам. Не зря Наташа витаминами раздобыла и список продуктов, которыми надо хлопца подкармливать. Передаю его в руки мамы — и он становится неузнаваемым. Лоб и уши, в прямом смысле слова, сияют от чистоты, волосы зачесаны даже слишком аккуратно. Я пытаюсь их взлохматить, но Лешка сердито приглаживается. Самое прекрасное — это школьная курточка — лучше новой, аккуратные заплатки выглядят как украшение. Брюки отутюжены. В общем, не человек, а картинка для первого сентябрьского журнала. Чего-то не хватает... Да, пионерский галстук, как я забыл.

Лешка хмуро говорит:

— Меня исключили. За то, что из интерната бегаю. Клаша, ну, воспитатель, галстук забрала.

Насколько я помню, учительница в таких делах ни при чем. Интересуюсь у Лешки, собирался ли отряд, знала ли об этом пионервожатая.

— А это кто?

Объясняю, что есть такой человек у пионеров, старший товарищ. Лешка авторитетно заявляет, что в интернате такие давно не водятся, только воспитательницы.

— Тогда это исключение не считается.

Я достаю наш с братом Лешкой переходящий галстук. Он поношенный, с заштопанными дырочками, но я в свое время не хотел менять его на новый. Мне его брат, когда принимали

в пионеры, снял с себя и повязал. Теперь пусть он перейдет к маленькому Лешке.

В школе меня встречает Вадим Николаевич:

— Ты как родитель первоклассника, который хочет с ребенком за парту сесть. Он, наверное, человек самостоятельный.

— Но я же почти работник школы.

— Тем более, подожди здесь.

Вадим Николаевич приглашает Лешку с собой. Тот растерянно оглядывается.

— Ничего не поделаешь, братишка. Смелей.

Вадим Николаевич возвращается и смотрит на меня с улыбкой.

— Не волнуйся, у него все будет нормально. Я знаю. А вот нам с тобой надо потрудиться. Я уже с ректором разговаривал.

Оказывается, это страшная волокита — устраиваться на работу. Справок куча, в горком комсомола, в горОНО на утверждение идти. Лучше бы за интернатом смотрели, а пионеры без них проживут. Сразу настроение портится.

Чтобы убить время до конца школьных уроков, иду в университет. И тут нет покоя. Строгий староста не может удержаться от ворчания:

— Явился! Зачетная неделя началась, а ты... Горе с вами.

Как образцовый студент, я даже иду в столовую, где все вперемежку с учебником глотают еду. Стрелки часов все равно движутся еле-еле, как замороженные. Сил больше нет! Лешка, поди, уже сбежал с уроков.

Вот он, красавец, наконец, выходит из школы. Да не один, с Антошкой Кругликовым — любителем сугробов и кабинета директора.

Мы солидно здороваемся и идем все вместе. Слышу, как Антошка шепотом спрашивает:

— Это твой брат?

Лешка с гордостью кивает.

Кругликов не может размеренно шагать с нами, поэтому объявляет Лешке:

— Ну, я туда. Ты завтра опять со мной садись.

— Ага.

Кругликов скачет по улице. Лешка, в отличие от него, такой серьезный, что я не могу удержаться и пытаюсь опустить его задравшийся вверх нос. Братик сердится:

— Ну, что ты! На нас же смотрят.

Я хохочу, а Лешка с трудом, но сдерживается.

У нашего дома что-то произошло. Мальчишки толпятся возле подъезда, шумят. Один — без шапки, несмотря на мороз. Большущая голова поникла, даже глаз не видно. Ребята подают советы:

— Иди домой, Макс, скажи родителям, что ты не причем... Ага, будут родители разбираться, раз взрослый говорит... Надо стекла ему выбить, вот что.

Круглолицый, большеротый Макс с ужасом смотрит на приятелей.

— Что это тут у вас? — интересуюсь я.

Ребята охотно рассказывают, что играли у дома. Вдруг выскочил дядька и стал орать. Все разбежались, а Макс остался. Мужик стукнул его по спине и шапку отобрал, велел с родителями прийти. Макс не играл даже, просто мимо шел.

Наполненный до краев гневом, я иду с Максом в квартиру, которую указали мальчишки. Возле двери во мне появляется неприятный холодок, как в детстве в минуту опасности. Только отступать нельзя — несколько наблюдателей приставляются неподалеку в готовности удрать, если что не так.

Я ожидал увидеть здорового детину, а на звонок выходит тщедушный пожилой человек, лицо в веснушках, памятый какой-то.

— За что Вы ударили мальчика?

Мужчина растерянно смотрит на мокрое от слез лицо Макса, нервно подергивается.

— Погорячился. Головная боль с самого утра, а они шумят под самым окном. Мочи нет.

— А это и не он! — смелеют ребята. — В школе не шуми, дома не шуми, теперь и на улице нельзя!

Мужчина молча уходит и возвращается с шапкой, сует ее неловко Максиму со словами:

— Ты уж не сердись.

Макс кивает, не поднимая головы, и натягивает шапку. Мужчина виновато смотрит на него:

— Надо было, конечно, словами сказать. Не выдержал, нехорошо. Целыми днями кричат, будто заняться нечем, сил нет.

Почему, почему так? Если сейчас остановить мгновение и посмотреть, сколько Максов, Лешек, Марин плачут от несправедливости. Страшная картина, хуже фильма ужасов.

Мне кажется, что жизнь, в самом деле, останавливается, как в игре «замри». Я беру в руки микрофон, взбираюсь на скамейку и говорю в напряженной тишине... А что я говорю? Это в детстве на спор легко находить слова. Сейчас я не знаю, как остановить поднятую на ребенка руку, удержать злые слова.

— Ты третий раз зеваешь, рубить должен, — прерывает мои размышления Лешка.

Мы с ним в шашки играем. Брюки со стрелкой, которые приводят нашего школьника в трепет, аккуратно висят на спинке стула. Их обладатель, взгромоздившись голыми коленками на сидение, подобно полководцу, обзревает поле сражения. Куда подевался настороженный взгляд? Честное слово, совсем симпатичный парень, любая девчонка влюбится.

Интересно, как бы повел себя мой старший брат, появившись он сейчас здесь? Протянул бы свою ручищу: «Леша». —

«Леша», — услышал бы он в ответ. Брат глянул бы на нас с мамой и уважительно пожал ладошку.

Стоп! Если бы не память о брате, может, я бы спокойно прошел мимо Лешки, как не замечал до этого сотни мальчишек. Гонимый всеми, он так бы и отсиживался в сугробе? Ведь прошел бы?

Все, кого я заставил до этого замереть, усталились на меня в ожидании ответа. Фу, как противно. Почему же я раньше ничего не замечал?

— Не замечал?

Это было во время моей трамвайной поездки с пьесой Светлова. От чтения меня оторвала странная семейка. Красивый, осанистый мужчина, несмотря на седину в волосах, нес чемодан и большую сумку. Молодая женщина вцепилась в его локоть и будто не замечала мальчугана лет шести, который забегал вперед, чтобы поймать ее взгляд. Взрослые сели рядом, забыв о ребенке. Он повертелся возле них и сел на свободное место рядом со мной, беспокойно поглядывая то на мать, то в окошко. Малышу было скучно. Он заглянул в мою книжку. Я улыбнулся ему и подмигнул. Малыш сначала удивился, а потом обрадовался и тоже подмигнул.

— А двумя глазами можешь? — спросил я.

Мальчуган старался, ничего не получалось, и он заулыбался еще больше. Развеселить его удалось ненадолго, его как магнитом потянуло к матери. На место малыша тут же устроился человек с газетой.

Женщина оглянулась на мальчика и сердито шепнула:

— Ты зачем пришел? Я ведь просила...

Мальчик смотрел на нее и беспокойно улыбался. Мужчина сидел как каменный, не обращая внимания на эту сцену. Старушка с хозяйственной сумкой заворчала на красавца:

— Хоть бы посадил ребенка. Сначала разводят детей, а потом...

Мужчина вспыхнул, уничтожающе глянул на свою даму и устремился к выходу. Малыш тут же пристроился к матери. Та, замерев от ужаса, смотрела вслед мужчине. На остановке этот тип вышел. Женщина, подхватив громоздкие вещи, бросилась за ним. Мальчик едва успел выскочить за матерью, стал помогать ей нести сумку. Мужчина шел прочь решительно и гордо.

Трамвай уносил меня в другую сторону, хотя очень хотел выскочить и набить морду этому самцу.

Что теперь с тем малышом? Может быть, пополнил «трудный контингент» интерната, и ему тоже крутят ухо? А мальчику на свете никто не нужен, кроме мамы. До сих пор меня не оставляет чувство вины перед ним.

Лешка сердито швыряет шашки, они падают на пол.

— Это что такое? — удивляюсь я.

У парня в глазах накипают слезы.

— Ты только о ней и думаешь.

— Нет. О тебе.

И обо всех мальчишках и девчонках, мимо которых мы проходим, сторонясь чужой беды.

А что делать?

Долгий звонок в дверь. Сердитый мужчина выговаривает:

— Почему сразу не открываете? Распишитесь.

Это уже было. Да, когда пришло в дом известие о гибели брата. Что теперь? Повестка в комиссию по делам несовершеннолетних. Завтра. У меня же спектакль...

Как странно. Стужа гражданской войны, нетопленный камин старинного дома, а нам тепло в комсомольском клубе. Рядом друзья, брат — поэт, да еще влюбленный... Просто смешно. Я веселюсь и смешу остальных. Хорошую я себе роль выбрал.

По-моему, человек не может жить без брата. Вот у Якова, нашего вожака по спектаклю, перебит нерв правой руки, и она висит на повязке, как мертвая. Без брата — как без руки.

Я побаиваюсь открытого занавеса. В темноте зала не видны сотни глаз, но они смотрят на тебя, и от этого не сразу удастся отстраниться. Однако сценическая жизнь захватывает — та, которая сражение. Кругом белогвардейцы, опасность, а мне не хочется, чтобы глаза у друзей были грустные. Совсем как в детстве, когда Лешке попадало от мамы. Я не мог видеть лицо брата без улыбки, поэтому кривлялся, делал всякие глупости, лишь бы прогнать из дома неприятную тишину. Мама беззлобно называла меня «шутком гороховым», и это была моя первая роль.

Вот и сейчас мне хочется быть веселым. Мы кружимся в танце.

*Гром сражений в степенях раздавался.
Грохотала команда «вперед!»
И под звуки осеннего вальса
Проходил девятнадцатый год.*

Этого только не хватало. Пропал Яков. Ну, не по спектаклю, на самом деле. Его выход, а за сценой никого...

— Что делать? — шепчет Женька Литвинюк, который играет самого младшего и безалаберного парнишку Сашку.

— Да-а!.. — громко говорю я. — Что-то Якова долго нет. Куда он запропастился? Небось, свидание с кем-нибудь, а мы тут волнуемся... Сашка, люстру протер? Какого черта? Тащи лестницу, люстру протирать будем.

Не по роли притихший Женька-Сашка притаскивает лестницу для установки декораций. На нее можно залезать с двух сторон, что мы с Сашкой и делаем. Протираем люстру тряпкой. Я ожидаю смех в зале, но там тишина. Никогда не

слышал такой тишины, слышно биение сердца. Не поймешь — это у меня или Женьки. Все, пропал спектакль. Сейчас протрем люстру, а дальше что делать? Убрать всю сцену?

Появляется запыхавшийся Яков.

— Еще не репетируют? Я не опоздал?

— Нет, нет... — ехидно отвечает Сашка.

Я хочу запустить в паразита тряпкой — и как замороженный смотрю на раненую руку Якова. По спектаклю это должна быть правая рука, а на повязке болтается левая. Этого только не хватало. Женька прыскает в кулак — и моя тряпка летит в него, хотя мне самому с трудом удастся сдерживать смех. Быстро слезаю с лестницы и загораживаю Якова от зрителей.

Он шепчет сердито:

— Ты что, очумел?

— Руку, руку перемени.

Я уже не могу сдерживать хохот. Ничего, мне по роли можно. Ведь никто еще не знает, что я ухожу умирать.

— Ну-с, я к вам еще вернусь.

Странно стоять за сценой и слышать, как говорят, что тебя убили.

— Когда умирает великий человек, его именем называют улицу, город. А он... Он был самым обыкновенным человеком. Но мне хочется назвать его именем каждый переулочек. Потому что...

Так говорит мой брат по роли. Но оживает последний день, когда мы были вместе с братом в лесу среди желтых листьев. Фотографии улыбающегося Лешки рассыпались по полу, как опавшая листва. Откуда-то с самого дна памяти поднимается желтая, мертвящая тоска. Она, как холодный огонь, начинает медленно и неотвратно пожирать фотографии. И улыбка исчезающего брата искажается в муке. Больно, будто сжигают меня. Не надо...

Кто придумал, что смерть бывает героическая? Светлов прав: она всегда нелепа и несправедлива. Жизнь еще можно считать героической, но смерть... За что погибли наши ровесники в девятнадцатом? За «двадцать лет спустя», когда новое поколение будет жить в светлом будущем. Прошло дважды по двадцать и больше, но сражений что-то не убавляется. С винтовкой в руках сражаться легче, чем сейчас. Как бы не опоздать на комиссию по делам несовершеннолетних. Это все из-за Якова, вернее, исполнителя его роли Димки Потапова, который затянул выход. Надо еще Лешку предупредить. Я подсаживаюсь к нему в темном зале. Лешка вздрагивает от неожиданности. Лицо мокрое. Разглядев меня, шепчет на ухо:

- Ты больше не умирай, ладно.
 - Не буду, не буду. Послушай, это очень важно. Дождись после спектакля маму с Наташей, скажи, что встретимся дома.
 - А ты?
 - Мне на комиссию. Решающее сражение.
 - Я с тобой!
 - Леша...
- Гримировочная заперта, а надо срочно переодеться.
- Напрасно рвешься, — мрачно комментирует Потапов.
- Ключ внутри, а кто-то захлопнул дверь. Я из-за этого на выход опоздал.
- Димка, слушай, передай мою одежду маме. Я побежал.
 - Куда? А как же бурные продолжительные аплодисменты?
 - Мне в горисполком. Судьба пацана решается, ты же знаешь, — кричу уже на ходу.

Снег в лицо. Я бегу и решаю остановиться только недалеко от горисполкома. Надо отдышаться. Резкий удар сзади — я с трудом устоял. Машинально разворачиваюсь и хватаю нападавшего. В руках оказывается худощавая фигурка,

и я невольно разжимаю пальцы. На меня прыгает целая орава пацанов, валит с ног, пинают ботинками как мешок какой-нибудь. Я даже не чувствую, больно ли. Мне нужно встать. Мне нельзя опаздывать. Я стою, прижавшись к стене, обезопасив тыл. Вокруг оскаленные, с мутными от злобы глаза подростков. Теперь они подойти не решаются, привыкли нападать сзади.

— За что? — с трудом выговариваю я разбитыми губами.

— Будешь, мразь, наш интернат трогать, еще не то будет, — цедит здоровый, как бычок, парень. — Мы твою мать с девкой поймает и...

Темная волна ненависти добавляет сил, я смог подскочить и врезаться подлецу. Кто следующий? Подростки разбегаются.

Что теперь делать? Как я в таком виде появлюсь на комиссии? Смотрю на разбитый циферблат часов — опоздал. Тут до меня доходит, что кто-то на это и рассчитывал, подстроил эту бойню. Я должен идти.

— Костров! Владимир Николаевич Костров? — выкрикивает в открытую дверь строгая женщина с бородавкой на подбородке. Люди в приемной испуганно расступаются, увидев меня. Дрожит от негодования бородавка у строгой дамы, она брезгливо отпрянула, когда я прохожу мимо.

В кабинете за длинным столом много людей, но я сейчас вижу только одного, со злой складкой на лбу, блеклыми глазами. Это директор интерната. Что, не ждал?

— Гражданин, почему Вы в таком виде? — спрашивает женщина с усталым лицом.

— Это Вы у этого гражданина спросите, — киваю я в сторону директора.

— Как Вы смеете! — директор от меня поворачивается к сидящим за столом. — У нас трудный контингент. Я предупреждал. Я не могу за них отвечать.

— А откуда Вы знаете, что речь идет о вашем трудном контингенте? — слышу я знакомый голос лейтенанта Варезкина.

— Ведь Владимир Николаевич нам еще ничего не объяснил.

Директор побледнел.

— Это провокация!

— Да, так и есть, — соглашаюсь я. — Кто-то очень не хотел, чтобы я пришел сюда.

— Товарищи, товарищи, что-то я вас не понимаю, — строго говорит седая женщина, видимо, главная здесь.

Кажется, я сейчас упаду. Такая слабость. Просто смешно.

— Вам плохо? — спрашивает женщина.

— Можно, я сяду?

— Конечно, конечно.

Рядом оказался Вадим Николаевич. Заботливо, как маленькому, он вытирает платком кровь с лица, усаживает меня на стул.

— Что тут понимать? — встает раскрасневшийся Варезкин. — Если вы помните, полгода назад в интернате взбунтовались старшие ребята. Весь персонал бежал во главе с директором. Воспитанники стали крушить все, что попадалось на пути: стекла, стулья, телевизоры, даже стены. Милиции с трудом удалось унять их. Администрация тогда во всем обвинила трудный контингент, и никто не стал разбираться в причинах. Сейчас, кажется, они нашли способ направить их энергию в другое русло.

— Я бы попросил! — опять возмутился директор. — У вас нет доказательств. Это самосуд.

— Да, в возбуждении уголовного дела нам отказывают, — продолжает лейтенант, — хотя есть доказательства о рукоприкладстве воспитателей и других нарушениях в интернате. Материал направили сюда...

— Неужели дети способны напасть на взрослого человека? — удивленно поднимает брови солидный мужчина, ви-

димо, хозяйственный руководитель. — Что творится... Куда мы так дойдем?

Вадим Николаевич тяжело вздыхает:

— Дети живут по тем же законам, какие применяют к ним взрослые, к сожалению. Не разбирая, кто прав, кто виноват.

Я взглядом говорю ему «спасибо». Теперь начинаю понимать, что меня хотели не просто остановить, запугать. Целили в мою веру в этих пацанов, в то, что они нуждаются в понимании и защите. Нелегко будет расстаться с ненавистью, которая поселилась во мне.

— Товарищи, товарищи, — стучит карандашом по столу седая начальница, — мы ведь не для этого собрались. Документы по интернату обязательно изучим, организуем компетентную комиссию и рассмотрим вопрос на следующем заседании. А сейчас надо решать вопрос по Зябликову Алексею Сергеевичу.

— А что тут решать? — удивительно спокойно говорю я. — Он живет у нас, у него теперь есть дом, где его не обижают, ходит в нормальную школу. И я его никому не отдам.

В зале повисает тишина, как сегодня у нас на спектакле, когда потерялся Яков. Все смотрят на меня: кто растерянно, кто с любопытством, кто недобро. Наверное, я сделал что-то не так.

— Это какой Зябликов? Которого вместе с матерью два месяца назад разбирали? — нарушает молчание хозяйственник.

— Да, за бродяжничество и мелкое воровство, — подтверждает дама с бородавкой.

Мужчина сочувственно смотрит на меня:

— Да, это фрукт.

Дама с бородавкой ворошит листки.

— Вот, родители требуют вернуть ребенка обратно в се-

мью. Есть заявление и от интерната. Жалобы на грубость и невыдержанность гражданина Кострова.

— У вас есть и другие документы, — подает голос лейтенант. — Акты обследования невыносимых жилищных условий в квартире Зябликовых, показания соседей, что его выгоняют из дома, где постоянные пьянки и дебош, «отцы» меняются чуть ли не каждый месяц. Мать надо лишать родительских прав. Куда парню идти? В интернат, про который все знают, хотя это почему-то к делу не относится.

— Что Вы так защищаете Кострова? — раздражается дама.

— А разве милиция существует не для защиты граждан? Вроде бы и Вы, как ответственный секретарь комиссии, должны защищать интересы несовершеннолетних.

— Но не такими же способами, — вздергивает недовольно бородавкой секретарь. — Так всех интернатских детей по домам разберут.

— Хорошо бы, — задумчиво вздыхает Вадим Николаевич.

Директор интерната недовольно откликается:

— Вам в обычных школах хорошо рассуждать, отвели уроки — и до свидания. А кто к нам пойдет в такие условия, на такую зарплату? Я не могу воспитателей с педагогическим образованием набрать, беру, кого попало. Учителя разбегаются. Ну, выгоните вы меня, а кого найдете на мое место-то? Может, Вы, Вадим Николаевич, пойдете?

— Я пойду, — вдруг решительно подымаюсь я.

Честное слово, сам от себя не ожидал. Но ведь иначе теперь нельзя. Просто смешно. Простите меня, Вадим Николаевич.

Директор смотрит на меня как на ненормального.

— Что-о? Кем же, интересно? Директором, конечно?

— Хорошо бы. Только не разрешат. Вообще-то хоть кем. Сторожем, няней... Пионервожатым.

— Ну, с вами не соскучишься, — хмыкает хозяйственник.
— Вы бы, Игорь Михайлович, лучше взяли шефство над интернатом, вместо того, чтобы веселиться, — делает замечание седая руководительница. — Такая богатая организация.

— Ну и возьму! Хотя Вы уже всех на меня навесили.

За дверью слышится шум. Ответственная секретарша устремляется туда и возвращается с округлившимися глазами.

— Надежда Леонидовна, это кошмар какой-то...

Это и вправду как сон, только не кошмарный, а хороший. В дверях появляются мои комсомольцы девятнадцатого года — в буденовках и шинелях. С ними и Наташа, и Лешка, и Антошка из школы. Даже сосед, с которым мы недавно ругались, а потом он напросился на спектакль.

— Кажется, нас берут штурмом, — радостно всплескивает руками хозяйственник. — Это все из-за него, из-за Кострова.

Седая женщина укоризненно качает головой.

— Интересно, Владимир Николаевич, как Вам за столь короткое время удалось взбудоражить весь город. С виду еще совсем молодой человек...

— Неужели удалось?

— Товарищи, что делать будем?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КРИБЛЕ- КРАБЛЕ- БУМС

«Крибле-крабле-бумс»... — говорю я чуть слышно.

Затихает снежная поэмка, ярче разгораются фонари-звезды. У самых беспокойных интернатовских пацанов с лиц исчезает жесткость борьбы за существование, они снова дети, которым снятся сказочные сны. Я могу спокойно выйти на улицу.

«Крибле-крабле-бумс. Все идет отлично».

Волшебное заклинание из пьесы Евгения Шварца «Снежная королева» я теперь часто нашептываю, гуляя ночью. Я — Сказочник.

Сказки, которые недавно придумывал для Лешки, я теперь рассказываю перед сном в интернатской спальне.

Дело в том, что после знаменательного заседания комиссии по делам несовершеннолетних с участием «комсомольцев девятнадцатого года» (ну и здорово было), мой директор Вадим Николаевич возглавил учебный комплекс. В него вошли и английская школа, и интернат. Я стал вожатым сводной пионерской дружины. Звучит! По совместительству — «ночным воспитателем на полставки», чтобы не бросать Лешку в ожидании разрешения на опеку. Или штатным Сказочником, чтобы ребята из группы Лешки не сходили с ума по ночам.

Я сажусь на скрипучую кровать, пацаны привычно затихают, ожидая историю. Я извлекаю их из кладовой памяти, спрашивая у Лешки разрешение — ведь они наполовину принадлежат ему. Когда наступает тишина, я чувствую себя могущественным магом.

— Однажды в лесу среди зимы расцвел розовый куст. Дремлющие деревья недовольно встрепенулись от его радостного смеха...

— Это по правде? — поинтересовался Сергеич. Так звали Сережу Панина, еще его дразнили «Пушкиным» из-за непослушных кудряшек волос.

— По сказочной правде, — важно пояснил Лешка.

Он сложно относится к тому, что я теперь принадлежу всем. Пришлось во время одной из вечерних прогулок провести разъяснительную беседу.

— Леша, что ты страдаешь, ведь все хорошо? Хорошо, да? — тормозил я его.

— Я хочу быть с тобой, а не в интернате.

— Будешь. Зато сколько у нас друзей появилось! Разве это плохо?

— Хорошо, но с тобой лучше, — продолжал он хныкать.

Я засунул Лешку в сугроб, а он даже не сопротивлялся. Пришлось устроиться рядом.

— Не канючь. Пойми, мир тем богаче, чем больше людей, которые относятся к тебе дружески. А ты к ним. Давай вспоминать, сколько их у тебя.

Лешка сразу назвал меня и Антошку. Подумав — мою маму, через вздох — Наташу.

— И все? А Вадим Николаевич, а ребята из драмкружка? Да и в интернате теперь кое-кто найдется. Не такое уж маленькое у тебя богатство. Главное не растерять его.

Лешка призадумался, потом прижался к моей руке.

— А ты можешь сказки только для меня рассказывать, как раньше? Ну, хотя бы иногда?

После этого разговора Лешка вроде бы стал мной гордиться как своим достоянием. Иногда подсказывал забытые мной подробности сказочных историй.

Когда их запас закончился, я растерялся. Это произошло неожиданно. Все затихли, даже Борис из компании Толяна, «грозы интерната и окрестностей». А я ничего не мог вспомнить. Из мага я превратился в самозванца, которого сейчас разоблачат и прогонят. В эту минуту я увидел улыбчивого Андрюшку Склярова. Из-за улыбки до ушей, даже когда обижают, его прозвали «клоуном». Он стеснялся своей удиви-

тельной особенности, хотя, к счастью, ничего не мог поделать. Я решил придумать историю про него.

— Когда на свет появился этот мальчик, никто не услышал привычного детского крика. Ребенок радостно улыбался...

— Как «Клоун»? — заржал Борис.

Наверняка он сам из-за своей «прически» (волосы чуть пробивались жесткой щеткой на стриженной голове) был объектом насмешек в своей компании, а тут самоутверждался.

— Тише ты! — прикрикнули на него.

Боря удивился и утих.

Я продолжил:

— «Мальчик-улыбка... Солнечный мальчик»... — слышались вокруг почтительные возгласы... Правда, ребята смеялись над Солнечным мальчиком, неохотно брали в свои игры. Они не любили, когда кто-то отличался от всех. Однажды мальчик не выдержал — и ушел. Стал бродить один среди лесов и полей, которые щедро дарили ему свои ягоды и сладкие растения, укрывали ночью от злых призраков. Родники начинали бить прямо под ногами, если он останавливался в поисках воды, чтобы напиться. Зайцы и белки не убегали от него, принимая за своего, прыгали вокруг, приглашая поиграть. И никто не насмехался над его улыбкой, которая стала еще радостнее. Солнечному мальчику было хорошо, и он не хотел возвращаться. Однако в селение пришло Черное Горе. Даже далеко в лесу был слышен многоголосый плач, от которого люди теряли жизненные силы и умирали, а солнце спряталось во мраке. Солнечный мальчик вернулся в селение. Только он показался на улице, Горе не выдержало его улыбки — и исчезло. Навсегда. Люди, которым казалось, что они разучились радоваться, снова стали смеяться. Смех разгонял хмурые облака. И ночь приходила совсем ненадолго, только чтобы люди могли немного отдохнуть и полю-

боваться на звезды. Для радости тоже должно быть свое время.

Рядом с Андрюшкой началось обсуждение истории. Вдруг сказка ему поможет. Я подождал немного, потом напомнил про уговор. Он был такой: я рассказываю историю, а когда заканчиваю — все без шума укладываются спать.

Лешка взял меня за руку, но потом отдернул и оглянулся по сторонам. Вдохнул. Я мысленно погладил его по голове. Лешка улыбнулся и закрыл глаза. Я дождался, когда заснут самые беспокойные, и тихонько вышел, уговорив кровать не скрипеть. Надо заглянуть домой..

Мама дремала в дедовском кресле, ожидая меня. Я пытался тихонько проскользнуть мимо нее, но это невозможно.

— Как всегда, на посту, — вздохнул я.

Мама улыбнулась и пошла ставить чайник на газовую плиту.

Я заглянул в комнату деда, открыл энциклопедию Брема, которая завораживала в детстве. Знакомый пыльный запах. Рисунки дышали жизнью, казалось, вот-вот все эти животные оживут и вырвутся на свободу из книжных страниц. Я почувствовал себя Кощеем Бессмертным, который чахнет над сокровищами, любитесь ими в одиночку.

— Мам, а если часть книг отдать в интернатскую библиотеку? Ты не расстроишься?

Вдруг эти книги заманят кого-нибудь в свои миры, как в детстве меня.

Потрепанный мишка — подарок Нины Пономаревой на мой детский день рождения. Тогда он казался огромным. Надо попросить маму заштопать дырку, в которую вылез клочок ваты. Пожалуй, отдам его малышам в игровую комнату.

В выцветшей школьной тетрадке хранятся стихи брата Лешки. Самое дорогое для меня воспоминание. Так хочется

снова стать маленьким и сесть рядом с ним в ожидании, когда он обратит на меня внимание, улыбнется и скажет:

— Хочешь, почитаю, что написал?..

С детством я распрощался, когда брата не стало. Думал, что навсегда, а теперь детские воспоминания и ощущения шумят во мне, как безграничное море. Появится время, я перенесу их в тетрадку. В память о нашей с братом дружбе. Я даже название придумал: «В валенках по весне». Никто, кроме нас, не бродил в детстве по лужам в валенках, отправляя в путь кораблик из щепки с берестяным парусом.

На следующий день Борис по привычке обратился к Андриюшке:

— Эй, Клоун...

Тот улыбался, как всегда, хоть и грустно.

Бориса одернул забияка Руслан, с ним боялись связываться, несмотря на малый рост:

— Ладно тебе... На себя посмотри.

Послышался смешок. Борис вжал в плечи стриженую голову.

Удивительно, но если бы я просто поговорил с ребятами о том, что нехорошо издеваться над человеком за его улыбку, ничего бы не изменилось, даже хуже стало. Ребята стали немного меняться вместе с моими сказками, особенно когда от них зависело, как будут развиваться события. Правда, правда. Так случилось, когда я решил придумать историю про еще одного интернатского изгоя.

— Жил-был маленький, крепкий, как гриб-боровичок, мальчик...

— «Пузырь»! — под дружный хохот сказал Борис. Наконец-то он снова был в привычной стихии.

— Да, так дразнили его в племени. И только старый вождь молчал, покачивая головой. Он не мог по пустякам

вмешиваться в события, хоть и знал, какая тайна связана с этим мальчиком. Знал, что есть такие дети, которые сначала бывают небольшого роста и вроде как полненькие, а на самом деле они просто накапливают силы, чтобы в нужный момент стать высокими и сильными...

Коленька по прозвищу «Пузырь» так боялся своей полноты и насмешек, что почти перестал есть. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы Наташа не объяснила мне, а я — Коле, что его полнота — вовсе не патология. Просто он так устроен, а в конце подросткового возраста, скорее всего, вытянется и станет вполне нормальной комплекции.

Смех стих, ребята ждали, что же будет.

— ...Однажды весной люди проснулись утром и увидели, что река бурно разлилась от быстро растаявшего снега далеко в горах. Вода подступила к самым домам. На другом берегу осталась маленькая девочка с коровой. Брод исчез, поэтому девочка не могла вернуться и отчаянно плакала. Лодок в селении не было, потому что река раньше была мелководная. Жители не знали, что делать. Мать с отцом бежали по берегу и голосили еще громче своего ребенка. Вождь велел тащить к берегу бревно, обвязать его веревками с двух сторон. На одном конце привязали камень и пытались перебросить на другой берег, но не тут-то было. Река стала слишком широкой. Надо было кому-то плыть к девочке. Никто не решился. Что делать?.. Кого пошлем на это опасное дело? — спрашиваю я ребят.

— «Пузыря», что ли? — неуверенно спросил Петя, «великий путешественник». Он периодически уходит бродить из интерната, несмотря на наказания воспитателей и побои старших ребят.

— Ага, «Пузырь» не утонет, — слышался смехок Бориса, но никто не поддержал его.

Я продолжил:

— Мальчик, которого дразнили «Пузырем», решил, что надо плыть ему, может, он не утонет. А если утонет, то это лучше, чем жить с постоянными насмешками. И поплыл.

— Ну, Пу... Колька дает, — слышалось на этот раз.

— Тихо ты!..

— Страшно залезать в злую темную воду, но Пузырь вошел с веревкой в зубах. Он поплыл наискосок, как советовал Вождь, чтобы течение не унесло в сторону от нужного места. Мутная вода пыталась унести за собой, но мальчик не сдавался, упорно продвигался вперед. В какой-то момент он почувствовал себя взрослым и сильным, поэтому добрался до берега. С трудом открыл до боли сжатые зубы, освободил веревку и подтянул бревно. Посадил на него девочку, сам сел сзади, а корову обмотал веревкой вокруг шеи. Жители радостно подбадривали его с другого берега, а потом стали тянуть бревно обратно. Когда Пузырь со спасенной девочкой и коровой вступил на берег, все обступили его и одобрительно похлопывали. Он не сразу заметил, что вернулся совсем другим человеком — рослым, стройным. Прежние насмешники теперь едва доставали ему до плеча.

— Я точно вырасту? — улучив момент, спросил Коленка.

— Конечно, — заверил я. — Только ешь нормально и занимайся физкультурой.

Наташины медицинские консультации помогли спасти еще одного страдальца, которого все звали «Ссанек». К его имени пацаны добавили «с», так как он писался по ночам. Наташа посоветовала будить парнишку в четыре утра, пока он не привыкнет вставать сам. Это теперь была наша с ним тайна. Он стал просто Саньком.

Сколько бед и страданий у этих ребят из-за того, что никто не следит за их здоровьем, пока что-нибудь не случится! Наташа договорилась, чтобы сотрудники и старшекурсники мединститута провели глобальное обследование «интернат-

ских». Чтобы не было дискриминации, проверили и «англичан».

— Ой, что творится... — прокомментировала результаты Наташа.

Оказалось, вундеркинды вызвали еще больше тревог у врачей. Букет заболеваний у них не меньше и сложнее. Прав был Януш Корчак: если дети раздражительны, не сдержаны, ленятся и плохо общаются с одноклассниками — это, прежде всего, проблемы и особенности их организма или скрытые болезни. Вадим Николаевич задумался, как укрепить медицинский персонал, объединиться с участковыми врачами. Постоянно наблюдать за здоровьем детей проще и эффективней, чем ждать, когда болезни дадут знать о себе.

После этой истории Наташа стала ближе не только мне, но и была признана членом нашего педагогического сообщества. Так Вадим Николаевич называл ядро учителей-единомышленников. Верили в его «эксперименты» пока не все. Наташе отвели в интернате комнатку под медпункт. Я воспринял это как лишнее место для встреч, но скоро почувствовал себя лишним. К ней то и дело заглядывали ребята, чаще всего пацаны, и Наташа безжалостно выгоняла меня. Медпункт стал не менее популярен, чем мои истории.

Сказки помогли мне завоевать авторитет у ребят из интерната. Правда, правда. Совсем недавно на спортивной площадке Лешкин класс гонял футбольный мяч. Крику было больше, чем игры. Мяч улетел мимо ворот от ноги защитника Руслана.

— Угловой, угловой! — радостно закричал Борис.

— Нет углового! — сказал Лешка, который стоял на воротах. Надеюсь, просто не заметил.

— Угловой! — продолжал настаивать Борис.

Руслан, ниже всех ростом, попер на него с выпяченной грудью, истерично крича:

— Ты че, не слышал? Совсем оборзел? Сейчас упадешь и не встанешь!

На моих глазах Борис стал меньше ростом. Руслан протянул к нему руки, готовясь душить.

— Падать не надо, — решил вмешаться я. — В прачечной два дня ремонт машин. Придется ходить в грязной одежде.

Руслан оглянулся на меня и расплылся в улыбке, покровительственно похлопал Бориса по плечу:

— Да, ладно, я пошутил. Угловой так угловой.

Если бы не сказки, наверное, он бы не уступил.

Из-за Руслана и других ребят мне пришлось самому обращаться в медпункт. Я вбежал без стука, а там сидит малек и важно распивает чай из блюдечка, раздувая щеки, видимо, подражая бабушке.

— У меня прием, — с укором сказала Наташа.

— Ладно, займу очередь, — пробурчал я. Вышел и сел на скамейку у двери.

Посетитель скоро вышел. Видимо, ему неловко стало, что здоровый дядька ждет, когда он чаю напьется.

— Ну, что случилось? — спросила Наташа, когда я вошел.

— Я подлец. Или дурак...

— Ну, это неизлечимо.

— Я не шучу. Помнишь, я подглядел в твоей тетрадке методику «Разговор с волшебником»? Попробовал сейчас во время самоподготовки. Сказал ребятам, чтобы они написали самое заветное желание, которое может исполнить только волшебник. Они мне поверили и написали такое... Совсем не про мир во все мире и наступление коммунизма.

— Ты хочешь показать?

— Да ты что! Этого никто не должен видеть и знать.

Я мельком взглянул на две и чуть с ума не сошел. Наш улыбчивый Андрюшка написал, что ему надоело быть уродом, он хочет стать красивым. А Руслан, ну, психованный такой, он

попросил оживить маму и чтобы отец перестал бить его так сильно. Дальше я не стал читать, разорвал на мелкие кусочки и сжег. Сказал, что так надо, чтобы исполнились.

— Что здесь такого? Думаешь, ко мне приходят с простудами и болями в животе?

— Так это сами приходят. А тут я вынудил. У меня нет на это права, если я не могу им помочь. Как они могут жить с такой болью?

Раскалывалась голова, и таблетка не помогла. Наташа поставила укол. Оживая, я сказал:

— Вычеркни из тетрадки эту методику. И преподавателям скажи, что она вредная.

Я не сразу смог смотреть в глаза ребятам, боялся увидеть в них вопрос: «Когда ты исполнишь наши желания»? Лучше рассказывать сказки.

Во сне мне явился мальчик. Он сидел, прислонившись спиной к стене на улице, абсолютно голый, и играл на свирели. Рядом лежала бейсболка для подаяний. Я поднял его — а на спине раны от побоев, очень глубокие, с кровью. Я закутал его в свое пальто и повел в интернат... Вот так-то.

— Пятнадцать человек на сундук мертвеца... Йо-хо-хо и бутылка рому, — пропел я, когда мои парни замерли в ожидании сказок. — Откуда это? Как, вы не знаете о приключениях мальчика Джима на пиратском Острове сокровищ?

Я открыл как бы случайно оказавшуюся книгу Стивенса и стал читать.

На самом деле это была хитрость, чтобы передохнуть от сочинительства сказок. Придумывать их стало непросто, так как все хотели в них попасть. «Остров сокровищ» готовы были слушать до утра. На следующий день как бы случайно заглянули Кэт и Тэт — так звали подружек Катю и Таню, ко-

торые не отличались образцовым поведением. За ними пришли другие девочки из соседней палаты и старшие ребята — их ухажеры. Не прогонять же их, тем более вели себя они смирно. Правда была опасность, что вечерние читки придется переносить в актовЫй зал. В почтительной тишине я прочитал «Одиссею капитана Блада», «Геккельбери Финна», «Последний дюйм». Думал, что «Маленький принц» сократит нашу аудиторию. Не тут-то было! Слушали с вниманием и сочувствием. Гроза интерната Толян, который бил меня когда-то, угрюмо спросил: «Он же не умер по-настоящему?» А какая тишина стояла, когда я читал «Ромео и Джульетту». В самый разгар зашла комиссия во главе с грозной Анной Серафимовной проверять отбой. Увидев ребят со слезами на глазах, она сначала замерла от удивления, а потом, несмотря на свою могучую фигуру, на цыпочках ретировалась, не сказав ни слова. Девочки плакали, не скрывая слез, даже Кэт и Тэт, которые повадками ничем не отличались от парней. Мальчишки были сдержанней, но и их проняло. Чтобы немного утешить ребят, я рассказал про то, как в школьные годы мои подшефные малыши хотели переделать Шекспира, чтобы Ромео и Джульетта не умирали.

— А давайте мы тоже переделаем, — предложила тихоня Вера.

Эта странная девочка с большими глазами и нетипичной для интерната длинной косой, появилась недавно. Ее родители развелись, в новой маминОй семье родился ребенок, и девочка-подросток стала обузой. Говорят, она сама пришла в инспекцию по делам несовершеннолетних и попросилась в интернат.

Вера была объектом насмешек, особенно у девчонок, кто-то даже по привычке хихикнул сейчас, но поддержки не было.

— Кто с кем у нас будет враждовать? — деловито спросил стриженный Боря.

- Разве некому? — неожиданно и ехидно проявился Лешка.
- Вера попросила, чуть не плача:
- Давайте думать, как их спасти.
- Давайте, только завтра, — пришлось вмешаться мне,
- а то раньше меня уволят за нарушение режима.

Следующим вечером вместо чтения мы придумывали «Сцены из жизни Ромео и Джульетты, не написанные Шекспиром».

Ехидная реплика Лешки насчет вражды была неслучайной. Школу и интернат мы объединили, уговорили горком комсомола разрешить создать сводную пионерскую дружину. Однако две части ее с недоверием относились друг к другу, и я не знал, как быть. Провести пионерский сбор о дружбе? Наверное, бесполезно. Даже Вадим Николаевич разводил руками, как бы говоря: думай сам.

Я устроил игру «Ворованный флаг», в которой участвовали две смешанные команды по 20 человек от интерната и школы. Одну возглавлял Толян, другую четырнадцатилетний Сережа Кухмистров, очень популярный среди «англичан». Каждая команда должна была организовать оборону своего флага и проникновение за флагом противника, который охранял часовой. Если с тебя срывали нашитые на куртках погоны, ты убит.

С погодой повезло. Был небольшой морозец, без ветра. Лес без больших сугробов. Игра началась. Толян повел своих в лобовую атаку. Сережа, верно оценив противника, оставил усиленную защиту, а нападающих разбил на две группы. Одна с шумом изображала нападение с правого фланга, оттянув туда все силы. В это время небольшая группа проникла с левого фланга и захватила практически беззащитный флаг. Когда трое ребят висели на Толяне, пытаясь дотянуться до погон, раздался радостный крик:

— Флаг наш!

Сережа примчался с флагом на плечах. Толян возвысился над ним. Сережа хоть и был явно слабее, не дрогнул, даже когда Толян замахнулся как бы для удара. Он спокойно смотрел в злые глаза противника.

— Эй-ей, Анатолий, надо уметь не только выигрывать, но и достойно проигрывать, — прикрикнул я.

— Еще встретимся, — прошипел Толян и пошел прочь.

За ним последовали всего пять человек. Может быть ушло бы больше, если бы не гречневая каша в походном котле, которую привезли из воинской части. Ребята перемешались, уплетая вкусную еду и вспоминая эпизоды игры.

Я надел белый халат поверх куртки и стал расхваливать кашу, придумывая прибаутки. Одна была даже удачная:

— Каша — радость наша, а радости много не бывает.

За добавкой подходили и домашние, и интернатские. Потом я не раз слышал в обеих столовых, когда выстраивалась очередь за добавкой:

— Каша — радость наша, а радости много не бывает.

Итак, всеобщей дружбы не получилось. Интернатские пацаны с Толяном решили организовать «разборку» — назначили время, чтобы померяться силами. «Англичане» во главе с Сережей Кухмистровым, вроде бы интеллигентным мальчиком, стали собирать свою боевую группу. Это как-то прознал Вадим Николаевич.

— У тебя под носом вот-вот начнется война, а ты спишь. Где их логово?

Толяна с компанией настигли в несанкционированной «курилке» между основным зданием интерната и баней. Борис чуть не проглотил бычок от ужаса при виде директора. Толян не дрогнул.

— Хоть бы поздоровались, — проворчал я.

— Здравсьте, — процедил сквозь зубы Толян.

Пацаны нестройно сказали что-то в этом же роде.

— Хотите жить как прежде? — непривычно строго стал наступать Вадим Николаевич. — Ну, устройте драку. Ну, заберут у нас интернат. А ты уверен, Анатолий, что ребята скажут тебе «спасибо»? Все только-только по-человечески жить начали.

Только-только — это чистые белые простыни вместо серых, одежда по выбору самих ребят из хорошего магазина, нормальная стрижка (раньше до 14 лет стригли наголо, остальных — очень коротко), обеды и ужины как из ресторана. Директор завода Игорь Михайлович сдержал обещание взять шефство над интернатом. Преподаватели из кулинарного техникума прикрепили приличного шеф-повара, а девочки-студентки две недели приходили обучать ребят накрывать на стол, пользоваться ножом и вилкой. До этого на столах были только перекрученные и почерневшие алюминиевые ложки.

Толян растерялся.

— Толя, ты помнишь, как тебя пытались перевести в спецучилище? — продолжил я психологическую атаку. — Кто тебя отстоял?

Это был Вадим Николаевич. Он не хотел начинать директорство с репрессий. Просил меня обратить внимание на парня, с лидерами легче договариваться, чем с тихими саботажниками, «пакостниками», как называли их в интернате воспитатели. Такие были в достаточном количестве, не только Борис.

Вадим Николаевич оказался прав. Толян сориентировался быстро.

— Ладно, пусть живут... — с усмешкой сказал он своим. Чтобы не уронить его авторитет, я предложил:

— Давайте сходку отменять не будем, но обсудим на ней «кодекс чести», который устраивал бы всех. Вы сформули-

руйте свои правила поведения, а я попрошу англичан... то есть, ребят из английской школы, предложить свои.

Интерес к шекспировской истории пригодился. «Разборку» я предложил «враждующим сторонам» провести во время спектакля. Толяна уговорили стать задирой-Тибальтом. Лидер англичан, не по-детски красивый Сережа, стал Ромео, а Джульеттой — Вера. Других кандидатур в женской части интерната просто не было. Девчонки гораздо легче справились бы с «пацанскими» ролями.

Лешка отказался участвовать в спектакле, несмотря на мои уговоры. С одной стороны, он должен был быть на стороне интерната, но друзья у него были среди англичан. Он не захотел выбирать.

Городить декорации в спектакле-импровизации было глупо. Я позаимствовал у Шварца черту, которая в пьесе «Снежная королева» делила королевство на две половины. В нашей истории это были «интернат» и «английская школа», о чем уведомлял указатель. Для ребят пересечение границы было продолжением игры. Кто попадался, был ранен. Два ранения — убит. Во время игры на половине интернатовских появлялась Джульетта-Вера с книжкой в руках. Ромео-Сережа замирал за чертой. У нашего Ромео мужественность благодаря ладно скроенной фигуре, достоинству сочеталась с еще детской хрупкостью. Доверчивая улыбка делала его беззащитным. Он шел навстречу Джульетте, забыв про границу. Если бы не бдительность весельчака Меркуцио-Антошки, быть бы ему убитым. Тогда Ромео «прорезает» окно через границу. Его сделали на уроках труда со скамейкой-подоконником на колесиках. Ромео вывозил окно, они с Джульеттой садились на подоконник с двух сторон с книжками Шекспира в руках и читали любовную сцену из пьесы. Изображать любовь было бы глупо, а так получилось очень естественно и трогательно.

Чтобы ключевая сцена переговоров-дуэли не сорвалась, мне пришлось стать Герцогом — гарантом мира и сценических правил. Антошка-Меркуцио был секундантом дуэли между двумя компаниями.

— Твой удар, Тибальт. Что тебе не нравится в нас?

— Много о себе воображаете.

— Так, вносим в «Кодекс чести» правило: «Не воображать и не задаваться», — констатировал я.

— Твой выпад, Ромео.

— Силой ничего не докажешь. На всякую силу есть другая сила, от которой пострадают все.

— Принимаем...

— Что скажешь, Толян, то есть Тибальт?

Интернатские растерялись, собрались кучкой. После переговоров Толян презрительно сказал:

— Вы подлизываетесь к учителям.

В стане англичан поднялся ропот.

— Это неправда, — спокойно парировал Сережа под недовольный гул на сцене и в зале. — Учителя дружат с нами, не в пример вашим воспитателям. И это не стыдно.

— «Дружить с учителями не стыдно», — подхватываю я.
— Принимается?

Одним словом, «Ромео и Джульетта» возродились в наших краях вовремя. Спектакль, если и не примирил два «семейства», то установил диалог. И даже больше. Наши Ромео и Джульетта, похоже, слишком искренне стали симпатизировать друг другу.

— Поцелуй же ее, — в финале стал уговаривать Антон-Меркуцио не по сценарию, — а то это сделаю я.

Сережа осторожно поцеловал Джульетту при полной тишине в зале. Ни одного смешка.

Что-то будет...

Благодаря спектаклю произошло еще одно событие.

Я пригласил на «Ромео и Джульетту» Галину Алексеевну, руководителя нашего студенческого театра, и всех студийцев.

Вечером вместе с подругой жизни Наташей мы провожали Галину Алексеевну до дома. Она шла, как всегда, с прямой спиной, гордо держа голову, и отказывалась от моей поддержки, пока чуть не упала на ледяном тротуаре. И я шел как супер-солидный мужчина — под руку с двумя дамами. Я ждал оценки спектакля. Наконец, Галина Алексеевна заговорила:

— Я очень хотела поставить «Снежную королеву» Шварца, но там есть детские роли. Когда детей играют взрослые, даже студенты, — это пошло. Сегодня я поняла, что была права. Ваши дети так убедительны даже в более сложной постановке. Как это Вам удалось?

— Опыт. Актерский — с шести лет, режиссерский — с пятнадцати, — отшутился я.

В самом деле, во мне жил шут, которым я был в детстве, когда старался рассмешить всех в доме. И вожатый, которым я стал в «трудном» классе, влюбившись в учительницу Марину Владимировну. «Трудном», пока мы не стали играть спектакли.

— Вы талантливый человек, Володя. Я никому это не говорю, чтобы не ошибиться, но Вам не боюсь. Как Вы отнесетесь к тому, что я предложу вместе поработать над «Снежной королевой»? Все равно я побаиваюсь ваших ребят.

Я помолчал для солидности, сдерживая радость. Взял дыхание, чтобы, как научила нас когда-то Галина Алексеевна, справиться с волнением.

— Это моя мечта с тех пор, как я прочитал пьесу. Очень хочется не просто поставить сказку, а с ее помощью поговорить с ребятами о ледяных сердцах, о равнодушии. В жизни это так часто встречается. И трудно исправимо.

— Да, конечно, — с жаром подхватила Галина Алексеевна. — И не забыть о горячих сердцах. Особенно детских.

Именно дети должны стать главными героями. Очень хорошо, что у Шварца ребята не лишены недостатков, они меняются на наших глазах. Если бы не встреча с Гердой, они стали бы такими, как их родители.

— Точно! Я также думал. Взрослые — это выросшие испорченные дети. Маленькая разбойница может стать Большой, принцесса — капризной и коварной, как ее папаша Король. Взрослые и одеты могут быть как дети, только в костюмы больших размеров. Представляете, Король в коротких штанишках на лямках, который жить не может без мороженого и ради него готов на все.

— Интересно...

— Да, но зло у Шварца какое-то карикатурное. Советник — злой, противный старикашка, а лучше, чтобы он был молодой, красивее, чем Сказочник, опасный соперник. Он — выросший Кей, лучший воспитанник Снежной королевы. У них со Сказочником тогда будет настоящий поединок. Я бы взялся за Советника, — без всякой скромности сказал я.

— И Ваше «ледяное сердце» завоеует зрителей. Вы слишком обаятельны, — засмеялась Галина Алексеевна. — Где мы возьмем другого Сказочника? Хотя сделать Советника ровесником, преуспевающим студентом-бизнесменом — это интересно. Не люблю я возрастные гримы, парики на молодых людях.

Во мне уже поселился Сказочник. Нелепый, тоже ребенок большого роста. Он придумал сказку в общих чертах: «начало да кое-что из середины, так что чем кончатся наши приключения, я и сам не знаю». Сказка зажила по своим законам, вырвавшись из его власти. Фантазия становится реальностью. Декорации двигаются сами собой, а не по взмаху его руки. Герои действуют по своим законам. А тут еще Снежная королева и Советник. В пьесе не зря Сказочник признается: «Ах, я этого вовсе не ожидал...».

— Володя, это так сложно, — неуверенно прокомментировала мои фантазии Галина Алексеевна. — У нас все-таки не профессиональный театр, где оборудованная сцена, цеха для декораций и бутафории.

— Зато у нас есть интеллектуалы и умельцы — учителя. Вам обязательно надо побывать в нашей школе.

Галина Алексеевна остановилась, тяжело дыша.

— Давайте постоим немного. Сердце не справляется.

Теперь мы были друг против друга. Галина Алексеевна внимательно посмотрела на меня.

— Вы не родственник Ивана Тимофеевича Кострова?

— Это мой дед, — растерялся я.

— Как Вы похожи на него в молодости. Он тоже был Сказочник.

Наташа «ойкнула» от неожиданности и закрыла лицо руками.

— Что с Вами, девочка?

Я рассказал, как Наташа подружилась с моим дедом, vychаживала его. Галина Алексеевна попросила разрешения закурить.

— Умер. Как жаль. Я жила рядом с Вашим дедом, еще молодым человеком, когда дочь столяра разбила ему сердце. Я была маленькой, поэтому решила, что как вырасту, обязательно выйду за него замуж. Но... Уехала учиться на ткачиху, потом театральное училище. Война, фронтовые бригады. Там романтические мечты окончательно умерли. Не верьте в героические рассказы про войну. Война — это ужасно. И не переставайте мечтать, Володя, ни при каких обстоятельствах. Правда, Наташа? Вы будете хорошей парой.

Мы двинулись в путь. Помолчав, она снова заговорила о спектакле. Вернее, о Шварце и театре, где рождались его пьесы. Галина Алексеевна, оказывается, была знакома с Николаем Акимовым, создателем и руководителем театра Коме-

дии в Ленинграде. Театра-храма. Даже уборщица в туалете рассказывала Галине Алексеевне, как Николай Павлович перед спектаклем проверяет порядок: есть ли мыло, щетка для чистки обуви. А Евгений Шварц одно время был в театре за влитом, так Акимов хотел поддержать талантливого драматурга. Он пробивал и ставил его пьесы. «Дракон» с обличением диктаторов в сталинское время — это необъяснимо смело. Акимов показывал Галине Алексеевне письма Шварца, вскоре после его смерти в январе 1958 года. Она даже выписала некоторые строки и помнила их наизусть, потому что собиралась читать со сцены. Из письма Н. П. Акимову, 1938 год: «Драматургия, как всегда, отстаёт от жизни. Драматурги пишут сугубо условные, комнатные пьесы. А правда, истинный реализм за пределами комнаты».

— Даже если это сказка, в ней должно быть дыхание боя. Как у Светлова, — не выдержал я.

— Дыхание жизни, — поправила Галина Алексеевна. — Сколько можно воевать? Вот строки ещё одного письма Акимову во время войны, в 1944 года, когда Шварц работал над своей главной пьесой «Дракон»: «В преодолении трудностей — секрет успеха». Он имел в виду трудности режиссера в работе с пьесой.

— Давайте повесим отрывки из писем Шварца перед спектаклем.

— Это хорошо! — согласилась Галина Алексеевна.

А я вдруг подумал, что она — мост, соединяющий нас с Великим Прошлым. Нет, неправильно. Это параллельное существование иной культуры, которая без проводников может не открыться. Как мне повезло!

Оставшись с Наташей, я спросил виновато:

— Ты меня осуждаешь? И так редко видимся, а тут ещё «Снежная королева».

— Привыкаю к женской доле.

Ее коричневые глаза с золотистыми прожилками смеялись.

Мне, как мальчишке, вдруг захотелось допрыгнуть до высокой ветки на дереве. Я прыгнул — и она осыпала нас снегом. Пришлось спасаться бегством.

Проводив Наташу, я не смог сразу пойти домой, хотя меня, как всегда, ждала мама. На улице не было ни души, поэтому я смело мог проговорить монологи Сказочника, не боясь, что меня примут за сумасшедшего.

«Крибле-крабле-бумс. Все идет отлично». Я стал Сказочником не только в жизни. Мне кажется, что на сцене действительность еще реальней. Эта вроде бы придуманная жизнь способна изменить людей. Наверное, потому что, сидя в зале, мы делегируем артистам свои надежды, мечты, которые рушатся или вырастают, как Розовый куст в сказке про Кея и Герду.

О, с помощью сказки можно многое. Взять хотя бы Януша Корчака. Он рассказывал детям сказки, пока их во время войны везли в концентрационный лагерь в Трешлинка. Фашисты предлагали Корчаку, знаменитому на весь мир педагогу, свободу, но он отказался оставить детей. И всю дорогу рассказывал истории о будущей счастливой жизни — до последнего момента. Он избавил их от страха смерти, хоть и погиб вместе с ними в газовой камере. Может быть, они даже умирали с улыбкой, потому что не ждали ничего плохого.

В палате было очень тихо, когда я рассказывал про автора книжки «Король Матиуш». Это история про мальчика, который волей обстоятельств стал настоящим Королем и пытался изменить мир в пользу детей. Конечно, все закончилось печально — соседние короли пошли на него войной, победили и приговорили к смертной казни. Девочки плакали навзрыд. Даже Борис не выдержал, заплакал. Эстонец-Максим сидел

прямо, вспоминал что-то свое, и на глазах его блеснули слезы. Совсем малышом его нашли на вокзале, на вопросы он не отвечал, испуганно оглядывая всех. «Значит, эстонец», — пошутил один из милиционеров. Так и прицепилось это прозвище.

Хорошо, что не пришлось самому придумывать счастливое продолжение. Оказывается, Януш Корчак спас своего героя. Наверняка по требованию ребят. У Вадима Николаевича нашлась вторая часть «Короля Матиуша», правда, на украинском языке. Половины знакомых слов хватило, чтобы узнать о жизни маленького Короля на необитаемом острове и пересказать.. Мне и ребятам стало легче.

Кстати, Антошка, прознав про истории, которые я читаю и рассказываю, стал отпрашиваться на ночевки в интернат. Оказалось, он растет без отца. Есть ли счастливые люди на свете? Кроме меня и Наташи, конечно.

Вадим Николаевич, в нарушение правил об испытательном сроке, решил исполнить мою мечту и договорился о регистрации нашего брака на 31 декабря. Как мы хотели.

Вот так. Читаю ребятам книги, а думаю о Наташе... Грусть неожиданно проявляется реальной сказкой про мой с дедом, мамой и старшим братом Дом.

— Оказывается, человек приручает не только кошек, собак, птиц, но и вещи. Прислушайтесь к своей кровати, и вы поймете, что она не просто скрипит, а пытается поведать вам про всех, кто укладывается на нее. Не всегда ей везет с хозяевами. Среди них встречаются те, кто не просто качается на ее пружинах, но и прыгает на них изо всех сил, испытывая на прочность. А это испытание не из приятных, особенно если кровать уже в возрасте. Да-да, многие вещи мечтают, чтобы их приручили, но не все люди умеют общаться даже с котенком. Он только делает вид, что ему достаточно поиграть бумажкой, привязанной к веревочке. На самом деле кошки по-

нимают все, только высказать это не могут... Вы не поверите, но даже Дом способен общаться с человеком. Я все детство провел в таком Доме, который построил и приручил мой дед. Дом умел разговаривать с помощью скрипящих дверей и окон, ворчать и ухать. Маленьким я понимал, что он живой, а когда повзрослел — разучился... Иначе я бы никогда не согласился поменять его на безголосую и бесчувственную квартиру в новой многоэтажке... В Японии когда-то стариков уносили в гору и оставляли там умирать. Наверное, они так же печально и безропотно провожали своих детей, как Дом нас. Мы только вышли за дверь — сразу к нему ринулись строители на тракторе. «Подождите!» — взмолилась мама. Никто из нас не хотел быть свидетелем убийства.

Когда собирали вещи, я тайком засунул в чемодан форточку без стекол, которая болталась на оторвавшихся гвоздях. И храню ее до сих пор, как живого свидетеля своего детства. Его территория заасфальтирована, но сохраняется во мне и время от времени подает свои голоса.

Ребята научились слушать и вроде бы сострадать. Это тонкая грань, когда от своих несчастий не озлобляешься, а становишься добрей. Вот Руслан. Он, оказывается, попал в интернет из-за жалоб соседей на жуткие крики. Отец избивал его жестоко за каждую провинность. Нет, он не был алкоголиком, просто озлобился на сына после смерти жены — матери Руслана. Поневоле станешь психом. Мальчик теперь старается быть сдержанней, заступает за изгоев.

Еще одно открытие: они, как зачарованные, слушают не только мои истории, но и музыку! Это для меня стало неожиданностью. Я принес свой проигрыватель на самоподготовку, чтобы самому не скучно было, думал, что пацаны поднимут бунт. А им понравилось. Особенно «Кармен-сюита» Щедрина-Бизе, загадочные музыкальные картинки Равеля и Чюрлениса. Внимательней всех слушает Петька-путешественник.

Положит голову на руки и замирает. Я сначала подумал, что спит. Нет, глаза открыты и в них те миры, которые, наверное, он надеется найти, когда уходит из интерната. Илья по прозвищу «Кривой», у него один глаз отличается от другого, рисует под музыку непонятные каракули. Я принес ему альбом Чюрлениса. Он так смотрел, будто впитывал картины в себя. Илья попросил фломастеры и стал рисовать странные города, с гербами в правом углу.

Мне интересней в интернате, чем в английской школе. Я вижу, как на глазах меняются, распрямляются ребята. «Не по дням, а по часам», как в сказке.

Недавно, проходя мимо комнаты самоподготовки старших ребят, я услышал почти звериный стон. Приоткрываю дверь. В углу прямо на полу сидит Толян, скорчившись, закрыв голову огромными кулаками, которые наводят страх на интернат и его окрестности. Заметил меня, но не изменил позы. Вдруг у него вырвалось:

- Бежать надо отсюда, бежать. Всю жизнь мне положили... Что со мной?
- Это у тебя сердце оттаивает.
- Чего? — Толя скривился, как от лимона.
- Помнишь, как бывает, когда приходишь с мороза, руки отогреваются и ноют в тепле.
- И надолго это?
- Не знаю. Но это хорошо.
- Чего хорошего?

Вскоре в пустом коридоре встречаю знакомую компанию во главе с Толяном, которая избивала меня когда-то. Умом понимаю, что мне ничего не грозит, но липкий страх все равно поднимается изнутри. Неужели опять? За что?

Толян говорит, отворачивая глаза:

- Ты... Вы... Ну, это, зря мы тогда тебя... Вас. Он краснеет.

Представляю, что значит для него решиться на извинение. Жалко, не вижу его глаз. В Толяне просыпается человек.

— Спасибо, — неожиданно говорю я в ответ.

— За что? — удивлен Толян.

— Не каждый может признать, что был не прав. Для этого тоже нужно мужество. Спасибо, ребята.

Они мнутя, не зная, что теперь делать. Я улыбнулся им и пошел.

Вскоре состоялся совместный педсовет, на котором мы с Галиной Алексеевной рассказывали о наших замыслах. После успеха «Ромео и Джульетты» в серьезности театротерапии не сомневались даже воспитатели из интерната. Во всяком случае, не выступали против. Анна Серафимовна, правда, вздохнула:

— Скоро мы все вместо уроков будем спектакли играть.

— У Вас есть возражения? — спросил Вадим Николаевич.

— Нет, это я так... Ворчу.

Экскурсия по английской школе вдохновила Галину Алексеевну. Она согласилась сама читать пьесу на «техсовете». Так мы прозвали учителей, которые решили помочь нам с декорациями и трюками. Я только вставлял реплики:

— Розовый куст. Он цветущий, музыкальный. В последнем действии поникший, но потом должен снова расцвести... Разбивающееся окно. Влетает снег. Силуэт Снежной королевы — и вот она в комнате... По команде Сказочника меняются декорации. Стены расширяются, обычная комната превращается в зал во Дворце.

После читки — молчание.

— Ну, что? Какие предложения? — робко спросил я.

— Ничего сложного. Вот смотрите... — в ход пошел лист ватмана. — Декорации можно сделать на колесиках, как у са-

моката. Это арки дворца. Драпируем и сдвигаем — получается тесная комната или пещера разбойников. Раздвигаем и снимаем ткань — дворец. Развернули — это дворец Снежной королевы.

— А Розовый куст?

— Самое простое. Помните игрушку — фигурка на ниточках. Нажимаешь — и бутоны обмякли... Снежинки можно сделать из елочной гирлянды.

— Они же движутся!

— Так. Значит, прикрепляем на удочку. Окно — из полосок, чтобы Снежная королева проникала. Даем контровой свет — ее силуэт виден в «окне»...

Галина Алексеевна с интересом посматривала на нашу «мозговую атаку» — и вдруг сказала:

— Все, я пошла. Ничего не понимаю, но уверена — будет хорошо.

Возникло необычное содружество. На уроках труда под руководством учителя Сережи старшеклассники сооружали декорации. Ему очень нравилось заниматься с парнями из интерната, он там хорошие мастерские оборудовал. Ребята даже освоили заводские заказы, чтобы не быть полными иждивенцами и на карманные расходы заработать. Учителя физики и химии вместе с энтузиастами, а среди них тоже появились интернатовские, изобретали спецэффекты.

Физик Михалыч во время войны был лучшим подрывником. Его ценили за изобретательность. После ранения в ногу его отправили на ускоренные курсы учителей — и в школу. Так спасали недоучившееся из-за войны поколение, чтобы оно не стало «потерянным».

Михалыч однажды разоткровенничался со мной:

— Приходишь в класс, и на тебя глядят три с лишним десятка глаз... А ты сам-то знаешь чуть больше них. На фронте и то легче было. Пришлось садиться за книжки. Голова как

чугунная, по три раза читаю одно и то же, с трудом к смыслу пробиваюсь...

Недавно старшеклассники спросили его:

— А когда мы теорию относительности будем проходить?

— В программе ее нет, — ответил Михалыч и, увидев в глазах мальчишек разочарование, добавил: — Но проходить будем. Факультативно.

Засел за Эйнштейна. Правда, осваивал по популярным книжкам Гарднера, Соколовского. Зато в экспериментальной физике Михалыч был ас. Военная специальность пригодилась.

В мастерских домоводства придумывали и шили костюмы. Пришлось, конечно, подключить мою маму, тем более, что Вадим Николаевич выделил ей ставку на это время как руководителю кружка кройки и шитья. Так что теперь ей не нужно было работать на чужих людей. Старая швейная машинка «Зингер» с ножным управлением снова застрекотала.

Начали распределять роли. Хотелось занять как можно больше ребят, особенно из интерната. Желающих стать разбойниками — хоть отбавляй. Как шутила Галина Алексеевна, интернатским даже гримироваться не надо. На всех ролей не хватило, и парни согласились быть привидениями во Дворце короля. Тем более, что для них придумали жуткие костюмы — с пустыми головами (глаза на груди за темной марлей). А некоторые и вовсе без голов — это казненные подданные.

Антошка будет принцем. Я помнил, что наше знакомство произошло, когда во время перемены он выскочил из школы и бросился в сугроб — остывать от скопившейся энергии. Сугроб сооружать не станем, но он появится на сцене кубарем, как в нашу первую встречу. Принц из народа.

Играть Ворона и Ворону нашлось много желающих среди студентов-студийцев. Они разбились на пары и каркали, пока Галина Алексеевна решала, кого выбрать. Женька Литви-

ненко выбрал себе в партнерши Таню Казакову, которая была выше ростом. Они так выразительно научились разговаривать по-вороньи, что пришлось придумать им дополнительный выход в начале второго действия, перед Сказочником. Женя с Таней «каркали», выясняя «семейные» отношения, и убегали, заслышав шаги Сказочника.

Посмотреть на Короля в Гришкином исполнении во время репетиций собирались все, как на спектакль. Здоровенный, он становился грациозным как балерина, когда пытался захватить Герду врасплох. И хитрости его — как у испорченного ребенка. Что делать, если больше всего на свете любишь мороженое, проел всю казну, отчего и попал в зависимость от Советника.

Крибле-крябле-бумс! Декорации начинают двигаться, превращаясь в пещеру разбойников, похожую на пасть. «Я держал бы всех детей в клетке, пока они не вырастут», — говорю я в «детском» костюме разбойника заветное желание воспитателей интерната. Ну, во всяком случае, до объединения.

Как сделать говорящего оленя? Мне предлагают фигуру из папье-маше с громкоговорителем во рту. А что если попробовать пантомиму? Грациозный и гордый олень с рогами? Попробовал студентов и Эстонца. Максим мелковат, но так пластичен, будто вырос за кулисами театра пантомимы. Самое главное, в его глазах, малоподвижном лице, сдержанных движениях есть трагизм, который сыграть невозможно. Пусть будет Олененок, Шварц нас простит.

Дворец Снежной королевы будет наполнен льдинками, которые вертятся и вьются. Кей должен сложить из них слово «вечность». Королева подарит ему весь мир... и пару коньков в придачу.

Не знаю, каким у нас получится спектакль, но работа над ним — это уже сказка.

«Крибле-крабле-бумс, все идет как должно». Мы с Наташей зарегистрировались 31 декабря, в 12 часов в присутствии Нины и Гриши из нашего студенческого театра. Символическое время. Выпили, как полагается, со свидетелями по бокалу шампанского и разбежались. Нам очень хотелось остаться вдвоем. Вроде бы произошли формальные вещи, но мне вдруг стало страшно. До этого была дружба-любовь, а теперь мы отвечаем друг за друга, надо строить новую жизнь. В ней много вопросов и проблем, которые не имеют отношения к любви и могут стать испытанием ее. Мы это почувствовали, когда заехали домой к Наташе.

— Ну-с, где вы будете жить? — задал первый вопрос ее отчим, дядя Толя.

Мы с Наташей это еще не обсуждали, но я решительно ответил:

— У нас... Мы с мамой живем вдвоем в трехкомнатной квартире, так что места хватит.

— Позвольте спросить, а на какие средства?

— Толя! — укоризненно сказала Наташина мама.

Наташа вела себя непривычно тихо и покорно опустила голову.

— Нет уж, — решительно ответил отчим. — Раз молодые люди сами, без нашего совета, начинают свою жизнь, мы вправе знать, на что они рассчитывают.

— Я работаю. Думаю, проживем. Нам Ваша помощь не понадобится.

Когда мы вышли, Наташа расплакалась, как девчонка. Она рассказала о том, что долгое время не решалась мне сказать.

Ее отец вернулся с войны израненный, обожженный. Он был танкист. А ее мама была медсестрой, влюбленной в своего главврача — дядю Толю. Только не могла бросить отца в таком положении. Тут еще родилась Наташа. Отец ее очень любил. Один глаз плохо видел, поэтому он просил ее читать

детские книжки, при этом смеялся, радовался и огорчался, как ребенок. Правда, когда пил, то становился совсем другим человеком, начинал выяснять отношения с мамой, что она с ним только из жалости. Мама плакала, Наташа тоже... Когда папа умер, Наташе показалось, что мама облегченно вздохнула и быстро вышла замуж за дядю Толю. Они, видимо, изголодались по открытой любви и... Наташа чувствует себя лишней. Нет, к ней хорошо относятся, дядя Толя «строг, но справедлив».

— Мама счастлива, ведь это главное, — улыбаясь сквозь слезы, продолжала Наташа. — Но во мне живет такая противенькая обида за папу. Мама это чувствует и плачет, когда мы остаемся вдвоем.

Я обнял ее.

— Я — бесчувственный чурбан. Что же ты не рассказала об этом раньше? Я бы давно забрал тебя к нам.

Вот так. Моя мужественная подруга оказалась хрупкой и беззащитной, как зимняя роза из моей сказки. И мне не хотелось больше отпускать ее из объятий, чтобы никто не обидел.

Дома пахнет елкой, вареной картошкой, квашеной капустой. Хорошо.

Мы решили, что лучшая свадьба — это Новый год в кругу семьи, с мамой. Да и денег на гостей пока нет. Я решил, что с зарплаты что-нибудь устроим в школе. Даже Лешка позорительно легко согласился встречать Новый год в интернате.

Вдруг под окнами послышался шум. Нет, показалось. Вроде бы кто-то звал меня по имени.

— Вова, тебя кличут, — удивилась мама.

Мы подошли к окну. В свете фонаря я разглядел Лешку и старших ребят из интерната, парней из драмкружка. Что-то случилось? Мы с Наташей накинули пальто и вышли...

Поток рук захватил нас, понес, и мы смогли вырваться только возле интерната. В зале за накрытым столом сидели учителя двух школ, драмкружок в полном составе...

— А мама? Она же осталась одна, — испугался я.

— Ее везут на машине.

Ой, просто смешно.

— Это же первая наша свадьба, комсомольская, а вы хотели без нас, — сказал Вадим Николаевич.

— И первый Новый год вместе.

Еще одна сказка сбылась — свадьба в Новый год. Будем мы старенькими отмечать праздник и вспоминать, как это было. Хорошие воспоминания — богатое приданое.

Спектакль жил во мне, даже когда я просто шел по коридору. Надо было что-то решать с Атаманшей. Наши студентки как-то не смотрелись в роли грозного управленца разбойничьей стаи. Встретилась миловидная Аглая Семеновна, которая когда-то крутила ухо малышу. Она отвела глаза.

Вадим Николаевич удивил всех, решив никого не увольнять, даже директора интерната.

— Что толку, — объяснял он. — Разве найдешь идеальных педагогов в нужном количестве. Они во многом зависят от обстоятельств, в которых приходится работать. Меня раздражают фильмы и спектакли про новых директоров, которые приходят на фабрику или стройку, всех разгоняют и набирают заново. Для такого управления много ума не надо. И не верю я в таких людей.

Так вот, бывший директор оказался хорошим хозяйственником. Деньги, свалившиеся на интернат, тратил экономно и умело. Уволилась только угнетательница Лешкиного класса, «по собственному желанию», заявив, что новые порядки не по ней. Громогласная Анна Серафимовна оказалась незаменимым администратором. Она помнила расписание

всех уроков во всех классах и фактически управляла интернатом. Вот кто бы сыграл Атаманшу! Я думал об этом, когда Анна Серафимовна остановила меня, чтобы сделать выговор:

— Разве можно вместо пионерского сбора устраивать игру... Как ее?

— «Взятие снежного городка по пионерским законам», — любезно подсказал я. — Они теперь все законы знают наилучше.

Это мы в шутку придумали вместе с учителем физкультуры Павлом, моим ровесником. А ребята отнеслись всерьез.

— Я не против новшеств, но это может не понравиться горкому комсомола... Почему Вы так на меня смотрите? Я что-то говорю не так?

— Что вы... «Детей надо баловать, тогда из них вырастут настоящие разбойники».

— Вот именно... А кто это сказал?

— Атаманша в нашем будущем спектакле. Кроме Вас никто не сыграет ее.

— Вы все время подшучиваете надо мной, — шумно вздохнула Анна Серафимовна.

— На этот раз — никаких шуток. Вы будете лучшей Атаманшей в истории театра.

Анна Серафимовна замахала руками. Потом объяснила, что если даже я говорю всерьез, это невозможно, потому что исчезнет дистанция между ней и учителями, детьми, и тогда рухнет дисциплина, без которой все-таки не обойтись. У нее и так новые порядки вызывают опасение.

Пришлось все-таки отдать роль Атаманши хрупкой и ехидной Нине Пономаревой, подруге детства. Даже интересно! Атаманша будет не мужик в юбке, а обычная женщина, которой после смерти мужа пришлось взять дело в свои руки. Я попросил Нину присмотреться к Анне Серафимовне, к ее манере поведения, которая внушали почтение и даже страх.

А еще «пройти стажировку» в компании Толяна. Я попросил их за дополнительный полдник срочно убрать снег во дворе. Нина смогла подсмотреть приемы и жесты, способные держать пацанов в повиновении. На сцене это было смешно. Толян сначала обиделся, а потом тоже смеялся.

Казалось бы, найти маленькую разбойницу просто — их в интернате немало. Пришлось провести деловую игру: я попросил утихомирить и привести в порядок интернатовских малышей перед обедом возле столовой. Справилась только Маринка, которая не такая уж боевая в жизни. Маленького роста, чуть похожая на обезьянку, она негромко скомандовала: «Эй, мелкота, тихо, а не то второго ужина лишу». Маленькая разбойница-Маринка и принцесса Эльза-Галия (сокращенно от Галины) из английской школы оказались похожи, как сестренки. И это хорошо! Разные обстоятельства жизни развели кого во Дворец, а кого в пещеру в лесу.

Вадим Николаевич умиротворил не только интернатовских педагогов. Он и матери Лешки решил дать шанс:

— Выбирайте, голубушка: или суд за тунеядство, или больница. Очень неплохая.

Это было отделение для алкоголиков в психоневрологической больнице.

— В сумасшедший дом засовывают! — ахнула гражданка Вострецова.

Но делать нечего. Ее лишили родительских прав. Квартиру опечатали. За ней приглядывали наряды милиции, чтобы отучить приходить сюда алкоголиков.

Я зашел в больницу, чтобы поговорить об опекунстве. Лешка напоминает об этом, как будто боится меня потерять.

Посещение превратилось в исповедь. Когда-то Лешкина мама работала продавцом в киоске. Однажды опоздала сдать выручку. Решила заглянуть в ресторан «Север». Подсел каван-

лер, стал заказывать дорогие блюда. Она думала, что он и заплатит. Не тут-то было. «Я не взял с собой. Утром получишь».

Дома «сделал» Лешку, забрал оставшиеся деньги — и был таков.

— Все вы — мужики — одинаковые. Только берете, — вздохнула она. — А бабы еще хуже... В тюрьме так били, что от мужиков за всю жизнь столько не доставалось. Теперь уж не подняться. Стоит ли жить?

— Стоит. Ради Леши. Он вырастет и не даст в обиду.

Она мечтательно улыбнулась. Ее неприятное лицо по-светлело.

Врач у нее был просто замечательный. Объяснил мне:

— Ее не лечить, а размораживать надо.

Наш человек, Сказочник. Поскольку человек не понимает лечения без лекарств, врач прописал матери витамины. И оформил нянечкой к больным детям на неполный рабочий день. Врач брал их по просьбе родителей из специнтернатов с церебральным параличом, где они ползали, как животные, потому что не было денег на коляски. Были и те, кого записали в «дебилы» за их добродушные улыбки и способность чувствовать мир, а не мыслить. В основном, дети алкоголиков. Теперь Лешкина мама могла помочь им... Плакала и ухаживала, отдавая долги за Лешкино детство.

Содружество интерната и образцовой английской школы продолжало порождать необычные явления. Без наших, взрослых, усилий. Войдя в школу-интернат, я застал у входа «патруль».

— ЯКупера... ну, то есть Яшу не видели?

«ЯКупер» — Яшка Куперман, так прозвали его в интернате, опаздывал на свою лекцию.

Дело в том, что в зимние каникулы для ребят из интерната открылась необычная школа. Для желающих. Кто хотел,

мог подтянуться по предметам с помощью учителей английской школы. Методом погружения. Желающих нашлось немало, потому что уроки были интересные. Географ и биолог наконец-то реализовали свою мечту об уроках в виде экспедиций по странам и временам. К ним присоединился историк. Ребята превращались в путешественников, которым необходимы были знания. Физик и химик знакомили с историей научных открытий и, самое интересное, проделывали с ребятами эксперименты великих ученых. Но все-таки рекорд по посещению били факультативы «вундеркиндов-англичан». Особенно ЯКупера. Его занятия пришлось перенести в актовый зал — так много желающих было послушать рассказы про устройство Вселенной. Слушали как фантастику, особенно про эффекты теории относительности, многомерные пространства. Яшка носил потрескавшиеся некрасивые очки, за что его дразнили Совой и задирали на улице...

Он пришел расстроенный, с очередными разбитыми очками.

— Простите за опоздание... Непредвиденные обстоятельства, — сказал он, едва сдерживая слезы.

И стал рассказывать, как выглядел бы наш мир, если бы он был двухмерным. Как теневой театр. Человек по своей природе должен так видеть окружающее, но что-то, пока точно неизвестное, позволяет воспринимать его объемно. А некоторые способны видеть мир четырехмерным и даже сложнее. Яша вместе с ребятами начал фантазировать, как мог бы выглядеть пятимерный мир.

После лекции Толян и парни из интерната разыскали обидчиков. Больше ни ЯКупера, ни других «англичан» не трогали. Так в интернате возникло «Тайное общество защиты очкариков». Об этом случайно проговорился Лешка — и побелел. Ведь теперь я из клана педагогов, взрослых. Чтобы успокоить его, я поклялся, что сразу забуду об этом. Тайны

мальчишек надо уважать, тем более это была хорошая тайна. Рушились границы между двумя мирами — интернатским и английским, рождалось сообщество, и уже неизвестно, кто кому нужнее. Интернатские учились жизни и ответственности за других, непохожих на тебя.

Я мучаюсь с Советником — симпатичным и по этому случаю кокетливым Димой Потаповым. Он — частый объект насмешек в театре, особенно после того, как на спектакле «Двадцать лет спустя» перепутал, какая рука ранена. Ему хочется изображать злодея. А злодейство — в равнодушии при внешней успешности. Советник будет в обычном хорошем костюме с галстуком в горошек, как у ответственных работников.

— Как ты не понимаешь, для него жизнь — забавная игра. За него все решила Снежная королева. Он богат, успешен. Даже в конфликте с бабушкой из-за роз он не сердится, а удивляется и забавляется, привычно угрожает.

Показываю. Ах, как жаль, что эта роль — не моя. Столкновение с таким злом — это действительно страшно.

Со Сказочником не меньше мучений. Галина Алексеевна уверяет, что я могу вообще ничего не придумывать, а просто выходить и произносить текст. И это будет хорошо. Но меня раздражает «симпатичная мордашка». Это я о себе. В старших классах меня подсылали к родителям, когда кого-то из ребят не отпускали в поход или на вечеринку. Сейчас — к преподавателям университета, когда нужно уговорить перенести занятие или зачет. В спектакле это мешает, раздражает. Хочется изуродовать лицо шрамами или сделать нос как у Сирано де Бержерака, горб как у Квазимодо. Галина Алексеевна против. Дома я достал старый пиджак, из которого вырос. Руки болтаются. Просто смешно. Пришел на репетицию.

— Это другое дело, — одобрила Галина Алексеевна.

Наконец-то мой Сказочник стал нелепым и смешным, с болтающимися и неуправляемыми руками, которым ничего не стоит разбить стекло в комнате, впустив Снежную королеву. Воспоминание о детской встрече с ней — мой любимый монолог. И страшно, и любопытно познакомиться с ней. Так и становятся Сказочниками. И еще тогда, когда решаешь, что никто за тебя не поможет всем Кеям и Гердам, которым приходится непросто в жизни.

Вадим Николаевич пришел в гости в состоянии прострации.

— Что случилось? — испугался я.

— Представляешь, мне приснился сон. Я проводил реформу образования. И понимал, что могу, во всей стране! Не жаль потратить на это оставшуюся жизнь.

— Какой вы счастливчик, — позавидовал я не без иронии.

— Ты что, издеваешься?

— Что вы! Просто мне перед экзаменом по историческому материализму снилась общественно-экономическая формация, она никак не могла в схему сложиться. Вот мука была! А Вам — всего лишь реформа образования.

— Не смейся. Мне этот сон покоя не дает. Думаю, может реализовать его в нашем содружестве? Или это уже слишком, зарываюсь?

Я заварил Вадиму Борисовичу крепкого чая, как он любит. Он механически пил и продолжал:

— Все школьные предметы во сне я разбил на три блока: естествознание (их объединяют математика, философия природы), обществоведение (интегрирующие — философия человека, культурология) и третий блок — самопознание-саморазвитие. В последний входят физкультура, пение, живопись, труд, домоводство, кружки и секции по интересам. Представляешь, все это во сне. Сверху это сделать, конечно,

невозможно. Нужна активность самих педагогов. В каждом блоке можно создать научно-методический совет, который продумывает межпредметные связи, координирует усилия. Они у нас уже начинают складываться.

Я не все понял, но мне понравилось. Только вот одного звена не хватает — детей.

— Как это?

— Научно-методический совет, в который входили бы продвинутые дети, вроде ЯКупера, ну, Яши Купермана. Или кафедры. «УМ» — Университет Мечтателей.

— Так, пиши проект. Это твое пионерское поручение.

Как хорошо жить на свете! И сказки можно творить в жизни. Правда, без злодейств тоже не обходится.

Джульетта-Вера и Ромео-Сережа должны были возродиться в «Снежной королеве» как Герда и Кей, но...

В кабинет Вадима Николаевича зашла женщина с приятным лицом, аккуратной прической, с легким ароматом дорогих духов. Директор еле заметным движением приглаживает редкие волосы, прикрывающие лысину.

— Вы знаете, как я поддерживала создание этой школы. Поэтому хочу серьезно поговорить по поводу нового эксперимента.

Оглянулась на меня. Я собрался уходить.

— Э, нет, это тебя касается. Вот главный виновник.

Дама теперь с любопытством посмотрела на меня.

Вадим Николаевич всех усадил за стол.

— Я не считаю, что общение с контингентом из детдома идет на пользу нашим детям. Мы не ради этого создавали спецшколу. Мы хотели оградить ребят от грязи, которой и так хватает в жизни.

Я хотел вскочить, но Вадим Николаевич взглядом остановил меня.

— Вера Васильевна, я создавал школу, чтобы взять ответственность за всех детей. Я против элитарности, против того, чтобы дети росли в парниковых условиях. Когда я согласился на объединение двух школ, мне сначала казалось, что мы делаем доброе дело только для ребят из интерната. Оказалось, это содружество ребятам из английской школы дает гораздо больше, в том числе Вашему Сереже. Правда, Владимир Николаевич?

Я решил промолчать о том, что Сереже нравится девочка из интерната, кстати, тоже Вера. Рассказал про то, как защищают Яшу.

— Мы пионерские отряды хотим сделать смешанные, по интересам.

Вадим Николаевич добавил:

— Кстати, успеваемость в нашей школе стала выше после объединения. Полугодие закончили очень хорошо.

Вера Васильевна, слегка покраснев от волнения, сказала:

— Я вынуждена буду перевести Сережу в другую школу.

Бедный Сережа! Кажется, я сказал это вслух. Как дети беззащитны перед нами — взрослыми.

Лешкино в общем-то некрасивое лицо, как у зверька, начинает меняться: углы сглаживаются, глаза очеловечиваются. Просто симпатичный пацаненок. Он не претендовал на роль, ему понравилось катать за веревки декорации на роликах. Но Вера Васильевна, как и обещала, забрала из школы сына — нашего красавца Сережу Кухмистрова.

Он пришел прощаться, сдерживая слезы.

— Держись, — пожимая руку, сказал я. — И знай, что всегда можешь рассчитывать на поддержку.

Сережа не знал, что сказать Вере. Закончилось тем, что они взялись за руки и уже не сдерживали слез, как будто прощались навсегда. Кто знает, Сережина мама вполне способна

услать сына за тридевять земель, если прознает про их отношения.

К общей тревоге за то, что произошло, добавлялось отчаяние из-за возможного провала спектакля. Кто сможет подготовить роль Кея накануне генеральной репетиции? Лешка, благодаря непрестанному торчанию в зале, знал все роли.

— Тебе выручать, — прошу Лешку.

— Да я не умею! — отчаянно завопил он и собрался убежать.

— Леша, не надо.

Я рассказал ему, как в детстве сыграл первую главную роль. На спектакль не пришла наша прима, Нина Пономарева, и я играл Петрушку, потому что знал текст.

— Думаешь, мне было не страшно выйти на сцену без подготовки? А у тебя впереди три дня.

— Я боюсь! — взмолился Лешка. — Может, кто-нибудь другой?

Страх не исчез, когда Лешка вышел на сцену. Он ходил как ватный, механически говорил слова. Я был в отчаянии. Придется отменять спектакль.

— Не трогайте его пока, Володя, не сердитесь, — вдруг сказала Галина Алексеевна. — Надо рискнуть. Вы ведь дали ему роль не только потому, что больше некому, да? Вот и помогите ему почувствовать, что это не просто роль, а часть его жизни. Если сможете, то все получится.

Так, а что если использовать недостатки зажатого, закомплексованного Лешки для роли?

— Вы можете достать срочно инвалидную коляску? — обратился я к заму по хозяйственной части.

— Когда?

— Завтра, к генеральной репетиции?

— Ну, не знаю, — сказал он. — Попробую...

И достал. Я искренне пожал бывшему директору и врагу руку, простив прошлые прегрешения.

— Э, нет, так просто не отделаешься, — хмыкнул он.

И повел меня в свой кабинет. Там открыл шкафчик, достал коньяк и две рюмки.

— Я предпочитаю водочку, но от нее — запах. Значит, кто старое помянет — тому глаз вон?

Озабоченная складка на его лбу расправилась.

Инвалидная коляска с большими колесами как у велосипеда Лешку развеселила. Он с удовольствием гонял на ней по сцене. Вроде все в порядке.

Сереза тайком от мамы пришел на репетицию, но от роли все же отказался. Вдруг она спохватится и не пустит его на спектакль. Он боялся подвести. И заменил Лешку на декорациях. Хороший он парень.

Скоро спектакль. Мне снятся беспокойные сны. Я неожиданно подымаюсь высоко-высоко, внизу пропасть. Я падаю, но цепляюсь за маленький кустик. Корни вылезают под тяжестью тела. Я отпускаю руки — и не падаю, а лечу в пространстве. Вот подо мной город в огнях, редкие прохожие. Я могу управлять полетом...

Сон оживает во мне, когда мы с Наташей вечером гуляем. Поздно, на улице никого. Я доверчиво заглядываю в милое лицо и решаюсь сказать:

— Слушай, почему я часто во сне летаю. Вроде расти уже некуда...

— Это ты как к врачу ко мне обращаешься? — иронизирует Наташа.

Правда, смешно. Но я не сдаюсь — беззаботно соглашусь:

— Вроде бы...

— Тогда хочю огорчить — у меня другая специализация. Это лучше к психиатру. У тебя теперь есть среди них знакомые.

— А как к педиатру нельзя?

Наташа задумывается и отвечает почти серьезно:

— Ну, тогда... Если воспользоваться моими наблюдениями... Ты живешь так, как будто не хочешь окончательно прощаться с детством.

— Не хочу, — соглашаюсь я.

— И выбираешь путь, как взлетную полосу.

— Так, в этом месте подробнее...

Наташе надоело быть серьезной, она смеется.

— Подробнее не получится. Это так, эскиз по поводу. Как у Фрейда про детство Леонардо да Винчи.

— Все-таки психиатрия, — притворно вздыхаю я.

Эскиз Фрейда я читал, благо он небольшой. Все понятно, не так мутно, как остальное у основателя психоанализа.

— Он первый обратил внимание, что все заложено в событиях детства, — укоризненно защищает дяденьку-психиатра Наташа.

Я забыл, что у нас с ней телепатическая связь. Можно говорить без слов.

Что ж, тут с Фрейдом придется согласиться. Детство живет во мне, и его приходится маскировать под взрослой оболочкой, чтобы было незаметно, сколько лет мне на самом деле. От силы пятнадцать. Те, кто решительно перевоплотился во взрослого — очень скучные люди. А если ребенок в них окончательно умер, они становятся злыми, жестокими. И несчастными. Может, плохих людей можно лечить? Создать для этого специальную психологическую службу по возврату детства. Это похлеще Фрейда!

— Ты можешь на этом диссертацию защитить. Такой диплом написать, чтобы признали научным открытием. И меня продемонстрировать в качестве доказательства.

Нам весело. Правда, от психологической службы для взрослых Наташа решительно отказывается. Ну и правильно!

Лучше помогать детям взрослеть — так, чтобы детство не умирало. Если серьезно, то открытиями детства, наверное, можно питаться всю жизнь. Они как родники, с которых начинается река. Взять хотя бы полеты. Тебя-малыша подбрасывают сильные взрослые руки, и ты испытываешь чувство невесомости, как космонавт. Просишь еще и еще. Однажды тебе говорят: «Ты уже взрослый». Этой фразой обрезают крылья. Нет, чтобы дополнить: «Ты уже взрослый. Пробуй сам». Первым самостоятельным экспериментом у меня был прыжок лет в восемь с поленицы с помощью зонтика. Спицы вывернулись, и я рухнул вниз. Хорошо, что не очень высоко. Ведь я собирался прыгать с крыши дома, но решил сначала провести испытания пониже. Лет в двенадцать я сделал открытие, что затяжной прыжок возможен без всяких приспособлений. Разбегаешься, делаешь большие шаги в воздухе — и ты на другой стороне большой лужи. После нескольких тренировок я осмелел и стал летать через широкие канавы. Позднее узнал, что экспериментирую не я один. Артисты балета могут висеть в воздухе и ногами разные пируэты делать. Когда мои ноги стали длинными, то надобность в затяжных прыжках через препятствия пропала. Я прекратил эксперименты. Наверное, это была ошибка, которую я теперь исправляю во сне. Разбегаюсь, чуть взлетаю, перебирая ногами, набираю высоту — и свободно планирую, управляя полетом с помощью легких движений тела. В последнее время я уже взлетаю без разбега. Во сне.

Переполнившись энергией от таких воспоминаний, я прыгаю!.. Наташа хватает меня за рукав.

— Не улетай. Как я тут, без тебя.

— Давай полетим вместе.

Я беру Наташу за руку, мы разбегаемся — и летим, смеясь, над спящим городом.

Сказка — это тоже чувство полета. Может, пусть Кей и Герда не убегают от Снежной королевы, а улетают? «Бежим», — говорит Герда. Они разбегаются и ...

Приглашаю в школьный буфет Михалыча и нашего Данилу-мастера — Сережу. Заказываю по два стакана чая и пирожки с повидлом.

— Так, сразу признавайся, что еще придумал, — сурово спросил физик.

Я рассказываю про полет.

— Всего-то? — разочарованно сказал Сережа. — Да это раз плюнуть. Пара кронштейнов.

Как полагается великим физикам, Михалыч и Сережа на салфетке стали чертить «полетное» устройство. Я принес бумагу, но им уже было не до меня.

Вечером я решил морально подготовить Лешку.

— Пора учиться летать.

— Это как?

— Как во сне. Помнишь?

— Не-а...

Пришлось объяснять, как я это делал в детстве.

— Давай!

Лешка неуверенно разбежался — и грохнулся, как куль с картошкой.

— Вторая попытка!

Я побежал рядом, подхватил Лешку руками и пронес по воздуху. Он счастливо засмеялся. И сам попросил еще. В нем просыпаются смутные детские ощущения.

— Теперь пробуй сам.

Лешка летает, пусть пока неуклюже. У него еще все впереди. И в спектакле он не испугается полета на канате.

В день спектакля Сережа прибежал, запыхавшись, без пальто. Он сбежал из дома — и его родители приехали за

ним. Мать бросилась за кулисы. Сережа расставлял по местам передвижные декорации и спокойно сказал:

— Я работаю.

Вера Васильевна глянула на мужа. Отец Сережи, секретарь горкома партии, в галстук в горошек, как у Советника, пожал плечами и сказал:

— Он работает. Пошли в зал, раз уж приехали.

Их тут же подхватил Вадим Николаевич.

Лешка заплакал перед спектаклем и посмотрел на меня беспомощными глазами. Я взял его обвисшую руку.

— Лешенька, дорогой, сама судьба выводит тебя на сцену, чтобы рассказать не о чьей-то, а о твоей жизни. Вспомни, как ненавидел всех, сидел в сугробе и закидывал снежками — это ты на самом деле был Кеем с ледяным сердцем. А потом у тебя появилось много добрых друзей. И ты стал настоящим Кеем с добрым сердцем.

Лешка задумался, вспомнил — и улыбнулся сквозь слезы. Крибле-крабле-бумс.

Перед спектаклем, как всегда, сладостная радость-тревога. Как перед спуском на лыжах с крутой горы. Будет очень хорошо, но нужно сделать шаг... Зрители в зале такие разные. Интернатские не будут вежливо смотреть, если им скучно. В зале Вера Васильевна, настроенная по-боевому. Возможно ли растопить ее сердце Снежной королевы? А мама нашего Лешки? Она припудрена, подкрашена, как, наверное, в молодости. Кружева на праздничном платье выглядят нелепо, но она с вызовом поглядывает на сдержанные наряды других женщин, ловит взгляды мужчин.

— Снип-снап-снурре пурре базелюрре! Разные люди бьют на свете...

Это я уже на сцене, перед легким тюлевым занавесом, который загадочно светится. Рождается новая сказка с участием каждого в этом пространстве.

— ...И придумал я только начало, да кое-что из середины. Так что, чем кончится наша история, я и не знаю. Как же это так? Очень просто: что будет, то и будет. А когда мы дойдем до конца, то узнаем больше, чем знаем. Снип-снап-снурре... Пурре-базелюрре.

Взмах рукой — и легкий занавес испарился. Лешка с шумом носится на инвалидном кресле за Гердой. Верина мама не пришла, и в глазах девочки грусть, несмотря на веселую игру. Мама Лешки закрыла рот рукой, увидев сына в инвалидном кресле. Она не может понять, неужели с ним что-то случилось на самом деле. Вспоминает своих новых подопечных — детей-инвалидов с отклонениями в психике, за которыми теперь ухаживает, как нянечка... Неужели ее Лешечка теперь тоже юродивый?

Моя любимая сцена — сказка о встрече со Снежной королевой.

— Руки у моей мамы были не золотые, нет, совсем не золотые...

Я чувствую, что моя мама в зале тихонько плачет. Ведь я вспоминаю ее руки, которые непрестанно за шитьем. Маленькие, сморщенные, шероховатые от постоянного труда.

Когда появился Советник в галстуке в горошек, отец Сережи смутился. Вера Васильевна покраснела от гнева. Партийный секретарь фыркнул, снял галстук и запихал в карман.

Простите, я воюю не с Вами. Бедные «счастливики», которые думают, что успех, карьеру можно получить «поцелуем Снежной королевы» — равнодушием к людям. Может, я и не прав, что они бедные, но я вспомнил рассказ Галины Алексеевны об успешном создателе и руководителе театра Комедии Николае Акимове. Театр оставили в блокадном Ленинграде. И сказочника Евгения Шварца с ним. Он мог погибнуть от голода, не дописав самые лучшие сказки. Когда жизнь стала совсем невыносимой, Акимов добился разрешения на эвакуа-

цию и составил знаменитый список. Акимов с улыбкой вспоминал про него. В этот список попал не только Шварц, но и актеры, которых он когда-то уволил. Он решил спасти всех, кого можно, независимо от «праведности», но предупредил: в эвакуации он их снова уволит. Так поступают по-настоящему успешные люди, которые не могут избавиться от чувства ответственности за тех, кто вокруг.

Стены-декорации раздвигаются, превращаясь в королевский Дворец, и я не знаю, то ли это по моему волшебству, то ли Сережа и другие ребята двигают их на колесиках, то ли это уже происходит само собой, помимо воли Сказочника.

Для царства Снежной королевы декорации повернули зеркальной стороной. В них до бесконечности отражается ледяной мир.

Галина Алексеевна перед спектаклем что-то шепнула Герде. И вот началась самая занудная (простите, дорогой Шварц) сцена. Лешка сидит в инвалидной коляске, да еще прикованной на цепь королевой.

Кей говорит и ведет себя как Советник. «Вздор». Только тихо, слышно ли его в зале? Сейчас начнут шуметь. Нет, тишина.

Безуспешно Вера-Герда пытается его поднять. От отчаяния она целует нашего Кея. Вот он сюрприз Галины Алексеевны. Лешка опешил, растерялся, потом обхватил Герду руками и заплакал. Ведь это был первый поцелуй в его жизни от девочки, да еще Джульетты.

Хорошо, что я в этот момент стоял рядом с Сережей и шепнул ему: «Ты нас простишь? Так надо». Сережа коротко кивнул.

Заговор получился. Кей, держась за Герду, поднялся, сделал несколько шагов по сцене, оттолкнул прочь коляску.

Герда старалась его поддержать:

— Идем! Ничего, ничего, шагай! Идем... Вот так. Ты научишься. Ноги разойдутся. Мы дойдем, дойдем, дойдем!

Они полетели под изумленный вздох зала и аплодисменты. Дойдут?

— Лед — это лед; ему все равно — хорошая Герда девочка или нет, — говорю я на сцене.

В комнате бабушки собрались Маленькая разбойница, принц и принцесса, Ворон Карл и Ворона Клара.

— У моей мамы — она была прачка — не было денег платить за мое учение. И в школу я поступил уже совсем взрослым парнем. Когда я учился в пятом классе, мне было восемнадцать лет. Ростом я был такой же, как теперь, а нескладен был еще больше. И ребята дразнили меня, а я, чтобы спастись, рассказывал им сказки. И если хороший человек в моей сказке попадал в беду, ребята кричали: «Спаси его сейчас же, длинноногий, а то мы тебя побьем». И я спасал его... Ах, если бы я мог так же легко спасти Кея и Герду!

Я рассказываю историю, и вспоминаю дом деда. Вот кто был настоящим Сказочником, куда мне до него. Сказочники всех времен и народов, объединяйтесь! Тем более, что подул холодный ветер. Это работает вентилятор. И появилась она, Снежная королева.

— Да я вас заморожу!

Я на мгновение испытал детский страх. Тот, который испытывал, когда за мной гнался сторож из сада, куда мы залезли за неспелыми яблоками, — от этого страха ноги стали ватными и не хотели двигаться. Тот страх, который заставлял меня разжать пальцы, когда я повис на скале, не в силах двигаться ни вверх, ни вниз. Тот, который меня настигал, когда появлялся бородатый и злой «Он» — вестник беды. И страх неизбежности смерти, от которого я бежал, получив известие о гибели брата.

Холодный ветер усиливался, и я понял, что бессилен перед Снежной королевой. Как бессилен в жизни перед силой равнодушного зла, исходящего от Веры Васильевны, считаю-

щей себя вправе решать судьбу сына без его согласия. Я видел в конце зала ее снежный взгляд — и сделал шаг за сцену, взял за руку Сережу, вывел на сцену к ребятам. Лешка, Герда, Принц и Принцесса, Маленькая разбойница — мы все держимся друг за друга. Встали в зале несколько ребят из школы и интерната. И вдруг встали все дети, взявшись, кто за плечи, кто за руки.

Я по-настоящему испытывал тепло, которое бывает, когда после мороза начинаешь согреваться.

— Тех, у кого горячее сердце, вам не превратить в лед.

Вера Васильевна поджала губы и побледнела, встретившись с моим взглядом.

Раскрыли окна в зале — и пение птиц, запах весны хлынули к нам.

— Крибле-крабле-бумс. Все идет отлично — мы с вами, вы с нами, и все мы вместе. Что враги могут сделать нам, пока сердца наши горячи? Да ничего!..

Галина Алексеевна, моя мама, мама Лешки, Наташа и многие взрослые плакали, и я вместе с ними, хотя мужчинам не положено.

Я видел, как недобро взглянул отец Сережи на Веру Васильевну. Может быть даже сказал: «Как ты могла лишать сына таких друзей?»

Аплодисменты. Не нам, артистам, а той силе добра, о которой рассказал Шварц в своей сказке и которая спасает всех нас в любых трудностях. Это просто готовность брать на себя ответственность друг за друга. Мы с ребятами на сцене тоже аплодировали — всем хорошим людям, всему хорошему в каждом из нас.

На улице ласково улыбалось солнце, звонко капали сосульки, проснулись ручьи. Как будто мы в самом деле навсегда победили Снежную королеву.

Крибле-Крабле-Бумс!

Запах весны в лесу перемешивался с запахом прошлогодних листьев, от которых остались прожилки, как если их положить надолго в книгу. Кое-где оставались бугорки снега, а рядом пробивались усики ярко-зеленой травы. Мы с Лешкой шли по лесу в поисках поваленного дерева с толстой корой. Оказывается, он не знает, как делаются кораблики, и мне очень хотелось передать ему мальчишеские секреты своего детства.

Я показал, как из куска коры можно вырезать корпус судна, поставить выточенную из ветки мачту, прикрепить парус из тонкого слоя бересты. Лешка следил за моими движениями и делал свой. Мой кораблик получился чуть больше. Интересно, скажется это на быстроходности или нет?

Ручей я заранее приглядел на опушке леса. В городе водосточные канавы закрыли решетками, поэтому не увидишь мальчишек с самодельными корабликами, как в мое время. Зато вольные ручьи уж точно впадают в реки. Мы с Лешкой важно шагаем с корабликами в руках. Правда, в сапогах, а не в валенках, как когда-то с братом. Я засмеялся.

— Ты что? — удивился Лешка.

Я рассказал про путешествие в валенках по весне. В Лешкиных глазах появилось сожаление, что он не может повторить наше достижение.

Пора. Ручей стремительно подхватил кораблики. Лешкин, поскольку был полегче, чуть не перевернулся, но устоял и устремился вдогонку за моим. Лешка побежал за ним. Мне показалось, что живущий во мне шестилетний Вовка вырвался на свободу и помчался следом, топая валенками по воде. Мальчишки бежали наперегонки, потом оглянулись и махнули рукой, зовя за собой. Туда, куда уплывают кораблики детства.

ДРУГ ПО ИМЕНИ ДЖУЛЬБАРС

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Олег умирал посреди двора у песочницы, но никто его не спасал. Даже с закрытыми глазами он видел солнечный свет, в нем плавали какие-то колбочки или существа. Голоса ребят звучали вдалеке. Бросили умирающего летчика-командира. Он упал по-настоящему, даже попа болит. Успел заметить Юркину усмешку, несерьезность в глазах девочек. Но умирать — так умирать.

Мальчик посмотрел на мир сквозь ресницы, чтобы окончательно не оживать. Солнце улыбалось, ребята весело скакали на «конях» во главе с Юркой, который погибать не любил. В отличие от Олега: все игры с его участием заканчивались ранениями или смертью. Ему нравилось, как девочки-санитарки лечат его. Сейчас они скучали без работы: никто не падал на полном скаку, сраженный вражеской пулей. Однако в сторону поверженного не смотрели, забыли о нем. Предательницы. Вставать и проситься в новую игру было неловко.

Олег почувствовал себя брошенным и одиноким, будто провалился в какую-то страшную дыру, из которой нет спасения. Он даже застонал по-настоящему.

Вдруг сквозь темноту и глухоту прорвался родной лай. Джульбарс! Пес подавал свой голос за забором, отделявшим детский сад от остального мира, пытался лапой открыть калитку. Олег побежал к нему. Джульбарс примчался без мамы, поводок волочился за ним. Он бросился к мальчику и повалил своей тяжестью. Пес был ростом с хозяина, лохматый и жизнерадостный. На боку след от выдрванного клок шерсти — Джульбарс часто участвовал в боях и никогда не отступал.

— Соскучился, — ласково сказал Олег, погрузил ладони в шерсть и поднялся с помощью собаки. Привязал пса за поводок к забору, как всегда делала мама. — Стой смирно.

Мальчик подошел к нянечке.

— Тетя Зина, за мной пришли.

Женщина, увидев пса, не стала ни о чем расспрашивать. Наверное, она решила, что мама тоже идет, только медленно, Олегу даже выдумывать ничего не пришлось.

— Уводи, уводи собаку от греха, пока заведующая не видит.

Олег гордо уходил с Джульбарсом, чувствуя на себе взгляды ребят. Редкий момент, когда ему завидовали. Мальчик не удержался и победно глянул на Юрку.

Откуда взялся Джульбарс, точно понять было трудно. Мама говорила, что его ненадолго оставил друг отца — охотник из Сибири, да так и не приехал за ним. Олег надеялся, что это подарок папы, просто он попросил об этом приятеля, чтобы мама не ругалась и не отправила пса-здоровяка обратно. Мальчик часто получал от папы подарки, особенно к дню рождения, хотя никогда его не видел. Мама говорила, что он летчик и никак не может вырваться из длительных командировок. Олегу оставалось верить и ждать. И слушать рассказы, как папа на Дальнем Востоке воевал с японцами. Его самолет сбили, но он остался жив, долго пробирался сквозь лес к своей части. Весь экипаж погиб, и папу заподозрили, что он покинул самолет, не дождавшись других. А командир покидает самолет последним. Его разжаловали, но потом вернули звание старшего лейтенанта за подвиги.

Эти самые подвиги Олег придумывал сам, рассказывая в детском саду про отца. Его сначала внимательно слушали, пока всезнающий и ехидный Семка не сказал:

— Ха, герой! Просто отец бросил вас с мамкой, а ты про него придумываешь!

Над рыжим Семкой часто смеялись, дразнили, вот он и старался подставлять под насмешки других.

Обидно, но друзей в детском саду у Олега не было. Однажды он принес с собой конфеты, которые кто-то подарил

для него маме — сосучий «Золотой ключик» в хрустящем прозрачном пакетике. Семка сразу бросился к нему:

— Дай конфетку, я с тобой дружить буду.

Олег охотно угостил его и других, мама учила делиться. Она сама отдавала ему сладости, если угощали их обоих, уверяя, что не любит. Олег подозревал, что она так делает ради него, но отказаться бывало трудно.

Семка отбежал и закричал, подпрыгивая на одной ноге:

— Обманули дурака на четыре кулака. Я не буду с тобой водиться.

Вот и вся дружба.

Однажды в тихий час они разговорились с Никиткой, тихим, незаметным мальчиком. Из-за этого его неохотно брали в игры. Лицо у него было в веселых веснушках, несмотря на постоянную грусть.

— Ты по маме скучаешь? — спросил Олег.

— Еще как! — ответил Никитка, шмыгнув носом. — Она все время на работе и на работе.

— И моя тоже.

Олег почувствовал такое сочувствие к товарищу по несчастью, что достал из-под подушки разрисованную книжку «Федорино горе» — про то, как посуда убежала из-за того, что ее не мыли — и протянул соседу:

— Возьми, это тебе. Веселее ждать будет.

— Мне? — впервые лицо Никитки засияло в улыбке, и веснушки будто заплясали на носу. — А тебе... вот.

Он протянул перламутровую пуговицу, наверное, от одежды его мамы. Олег не стал отказываться, потому что понял: это в знак дружбы.

Вскоре после этого они боролись друг с другом, и Олег ловко повалил друга на землю. Никита заплакал:

— Отдавай мою пуговицу. Я больше не буду с тобой дружить...

Так закончилась и эта дружба.

Олег чувствовал себя среди ребят таким одиноким, что иногда плакал в тихий час, сердясь на медлительное время, которое отдаляло его от мамы и Джульбарса. Носовой платок с запахом маминых духов не спасал от тоски.

Время стало тянуться особенно медленно, когда мальчик научился различать часы и минуты по стрелкам. Маленькая и толстая была важная, неповоротливая. Большая минутная прыгала по циферблату на стене, но важно, не торопясь — нет, чтобы помчаться вприпрыжку, как мальчишка.

Пространство от детского сада до дома занимало три квартала и казалось огромной вселенной. Она вмещала больше десяти домов, два магазина, керосинную лавку, школу и школьный двор, пустырь. Идти одному такое расстояние было небезопасно. В лужах развалились пузатые свиньи, которые, по слухам, съели оставленного на подоконнике младенца. Гораздо страшнее были гуси и индюки — они больно клевались и щипались. Однажды на Олега налетел петух, сел на спину и клюнул в голову. Неизвестно, чем бы это закончилось, если бы на крик не прибежал дяденька и не прогнал злодея. Когда Олег шел с мамой и Джульбарсом, все животные делали вид, будто мальчик их совсем не интересует. Как сейчас.

Пес рвался вперед, у Олега не хватало сил сдерживать его за поводок из матерчатого ремня. Не солидно хозяину еле поспевать за собакой на виду у всех.

— Джульбарс, рядом! Рядом, я кому сказал.

Пес нехотя подчинился.

Как это здорово — идти вместе с такой замечательной псиной. Олег положил ладонь на лохматую спину, потом прижался к ней щекой. Теперь ничего не страшно на свете.

Тетка с авоськами, полными картошки, недовольно посмотрела на парочку, дескать, куда родители смотрят. Зато

девочка с папой с интересом разглядывала храброго путешественника.

Счастливый Олег поднял голову и увидел, что солнце продолжает лукаво поглядывать и следует за ним. Олег остановился — и солнце замерло. Пошел — и небесное светило послушно поспешило за ним, как Джульбарс. Раньше мальчик этого не замечал. Может, солнце стало слушаться его с сегодняшнего дня? Произошло что-то важное? Олег побежал — и солнце бросилось за ним вприпрыжку.

Пес понял это по-своему и помчался галопом вперед, увлекая за собой хозяина. Когда подбежали к дому, сердце у мальчика чуть не выпрыгивало из груди. Солнце тоже запыхалось и замерло.

— Теперь ты мой друг? — шепотом спросил Олег светило.

Оно заулыбалось еще ярче, глаза пришлось зажмурить. Еще одно открытие: если по очереди открывать то один глаз, то другой, солнце прыгает из стороны в сторону, как мячик.

Проходя мимо соседа по квартире, дяди Лени, пес опасно прижался к мальчику. Сосед любил подшучивать над собакой, если можно назвать шуткой, к примеру, котлету с горчицей внутри.

— Бойся, бойся, вражина. Вот мать придет, я скажу, как ты кусаешься.

Джульбарс оскалил зубы, а дядя Леня взялся за полено, которым закрывают дверь на ночь и от соседа со второго этажа, если тот, напившись, рвется поговорить с мамой.

Мальчик поскорее затащил Джульбарса в комнату. Их встретила кошка Мурка, сделав приветственный круг. Несмотря на солидный возраст, котят у нее не было. Их поручали топить в тазу дяде Лене, если кого-нибудь не забирали соседи. Одинокая грустная кошка любила спать в голове у Олега и вылизывать его волосы шершавым языком. Наверное, она принимала мальчика за большого котенка. Джуль-

барс ей завидовал, на кровать залезать большому псу не разрешалось, но жил с Муркой мирно. Они даже иногда менялись мисками, подбедая остатки пищи друг за друга.

Джультбарс грустно лег на свою подстилку из старого половика возле печки и кованого сундука. Олег пристроился рядом, спустив противные чулки и потирая следы от резинки, которая их держала. Мурка прижалась к мальчику.

Так их и застала мама. Сначала попало Олегу за то, что ушел из детского сада, не дождавшись ее. Обычно мама задерживалась. Она была врачом, и не могла людям в очереди сказать, что рабочее время закончилось, принимала до последнего пациента. Мальчику приходилось сидеть со сторожем тетей Валеи, пока за ним не придут. Если мама успевала забежать домой, она брала с собой Джультбарса.

После выговора сыну, мама взялась за собаку. Оказывается, Джультбарс укусил дядю Леню за коленку.

«Наконец-то!», — сказал про себя Олег. Вот почему пес сбежал.

Сосед потребовал, чтобы такую дикую собаку не держали в квартире. Это уже хуже.

— Придется Джультбарса перевести в сарай, — закончила мама.

— Тогда я пойду с ним туда жить! — выпалил Олег.

Мама устало села на сундук.

— Думаешь, мне не жалко Джультбарса. Но что поделаешь. Нельзя, чтобы собака бросалась на человека.

— А человеку на собаку можно? С палкой, как дядя Леня? И обманывать ее?

— Что-то ты разговорился... Давайте готовить ужин.

Джультбарс по привычке хотел пойти со всеми на кухню, но мама строго сказала:

— Сиди, хулиган!

На ужин готовили картошку в мундире. Это хорошо, потому что чистить ее ножом — мучение. Да еще мама ругает за толстую кожуру. Пока Олег мыл картошку в маленьком тазике, мама разжигала плиту щепками и газетной бумагой. Плита представляла собой настоящий кухонный агрегат. Сила огня регулировалась чугунными кругами. В середине самый маленький для кружки, снимаешь следующий — огонь становится больше. А сбоку — отверстие с заслонкой для чугуна с водой, чтобы помыть посуду. Угли можно вытаскивать железным совком и использовать для чугуна утюга с открывающимся, как пасть, верхом. Машешь рукой — и угли разгораются, тяжелая подошва раскаляется. Плиту пытались заменить керосинкой, но ни мама, ни тем более Олег не могли с ней справиться. Ходить за керосином Олегу нравилось из-за необычного запаха. А от керосинки он все время ждал подвоха — она тряслась, шипела, все время в готовности взорваться от возмущения неумелыми хозяевами. Все время приходилось приглашать на помощь соседа, чтобы ее раздуть специальным поршнем.

Дядя Леня был не злой человек. Он помогал развязать вредные шнурки, когда на них завязывался узел. Часто угощал карамельками без фантиков, которые мама запрещала брать как негигиеничные, но разве удержишься. Одно плохо: сосед боялся и не любил собак. Они — его. Мальчик слышал и видел, какой поднимается лай при появлении дяди Лени во дворе. На Олега не лаяли, признавали за своего. Видимо, все собаки друг другу как родственники. Встретятся — и начинают обнюхивать, пытаясь выяснить степень родства. Дерутся, конечно, но и у родственников бывают ссоры, особенно если забрел не на свой двор. Джульбарс часто оборонял окрестности от чужих собак, его побаивались. Если забегал достойный противник, то случались драки. Олег дважды видел, как дядя Петя из дома

напротив выливал на собак ведро воды, чтобы унялись и не загрызли друг друга.

Но и люди дрались, к примеру, взрослые ребята Леха и Мишка, выясняя, кто во дворе самый сильный. Из носа, из рта кровь хлещет, а они машут кулаками, пока их не разнимут. Олег болел за Леху, потому что он добрее: возит на раме велосипеда, говорит, чтобы не обижали маленьких. Мама даже доверила Лехе сводить сына в баню. Раньше он ходил с мамой, но угорел в парилке, его вынесли еле живого. Олега снова стали мыть в оцинкованной ванне, нагревая на плите воду в ведре.

С Лехой в мужском отделении бани он чувствовал себя не малышом, которого не стесняются женщины, а мужчиной. Старший друг показывал, как ополоснуть кипятком таз, как париться по-настоящему с веником. Правда, вышел конфуз. Когда Олег мылился, его писька стала твердой. Мальчик раньше не обращал на это внимания и не стеснялся, а Леха зашипел:

— Прикрой, дурак.

Все равно с Лехой было хорошо. И с Джульбарсом они друг друга уважали, понимали, что главные во дворе — один среди собак, другой среди парней.

Джульбарс любил путешествовать, вырываясь иногда от маленького хозяина. Возвращался в крови, однажды даже с выдраным с мясом боком. Мама обрабатывала раны, перевязывала бинтами и плакала. Джульбарс выл, но не вырывался, пока Олег обнимал его, уговаривая потерпеть. Только пса оставляли одного, он, глупый, срывал зубами бинты и сам зализывал раны.

Теперь, притихший, Джульбарс сидел в сарае, заваленном дровами на холодное время и на зиму. Подстилку Олег принес из дома, и миску с вчерашним супом. Джульбарс к еде не притронулся. Лег, положив морду на лапы. Обиделся, что выгнали из дома. Мама еще привязала к скобе, чтобы не рвался на улицу. Решительно взяла сына за руку, вывела во двор

и закрыла сарай на большой висячий замок. У Олега перед глазами стоял грустный собачий взгляд, он плакал, тихонько подвывая.

— Не канючь, а то и я заплачу. Ты ведь не хочешь, чтобы нас тоже выгнали из дома.

На ночь мама читала вслух книжки. Ими были заполнены два шкафа, большая часть сундука. Сначала, когда Олег был совсем маленьким, мама старалась усыпить его колыбельной. Она пела очень хорошо, будто дарила ему на ночь огромный добрый мир.

«...Пусть тебе приснится рай..., много маленьких горилл и нежный крокодил... Пусть они тебе затеют игры — крокодилы, львы и тигры... Ты с ними в жмурки поиграй... Спи, люли-люли-люли-люли-бай»...

Когда сын засыпал, мама осторожно включала настольную лампу с абажуром из зеленого стекла, прикрывала свет газетой и читала. Недавно Олег не заснул от колыбельной, а спросил:

— Я уже большой или еще маленький?

Мама часто говорила, когда он капризничал: «Ты уже большой». Быть большим Олегу не очень хотелось. Ему вообще казалось, что взрослые не были по-настоящему маленькими, а дети вряд ли станут по-настоящему взрослыми. Мама показывала свои детские фотографии, где она в шапке-ушанке и зимнем пальто, похожа на мальчика. «Это я двадцать лет назад». Олегу казалось, что это было в каком-то другом мире. Может, девочка-мальчик с фотографии и сейчас в нем живет. А мама всегда была мамой. Не мог Олег поверить и в то, что голый карапуз на фотографиях, пускающий слюни, — это он в раннем детстве. Ему всегда было неловко, когда мама показывала эти фотографии знакомым. Те умилялись и выражали восторги. Что хорошего? Правда, детская кровать, в которую он раньше помещался, существует и теперь, в сарае как доказа-

тельство того, что он был совсем крохотный. Прутья с одной стороны на ней прогнулись, потому что, как уверяет мама, Олег толкал их ножками. Сам он это не помнил.

Олег решил воспользоваться мамиными словами про взрослость и поиграть в большого. Мама растерялась, и сын попросил:

— Можно, ты будешь читать вслух свои книжки, пока я не засну?

С тех пор Олег слушал взрослые истории, которые нравились маме, самые разные: про войну, про разведчиков, про богатые, но все равно несчастные семьи где-то за границей в старые времена. Одну девушку, которую выгнали из замка за то, что она должна родить ребенка от молодого хозяина, было особенно жалко. Роды произошли в кустах у дороги, под дождем. Олег начинал расспрашивать о том, что ему было непонятно, но чувствовал: мама говорит не все. Когда в детском саду он с волнением пересказывал сцену рождения ребенка, Семка захихикал и сказал:

— А я знаю, откуда дети берутся. Мужики баб «ёбают». Так же, как собаки.

— Неправда, моя мама не такая, — возмутился Олег, у него даже слезы на глазах выступили.

Все стали смеяться.

Читала мама книжки и специально для него, такие как «Белый пудель», «Остров сокровищ». Олег охотно пересказывал их ребятам, если они просили. Больше него историй никто не знал. За это его немного уважали, хотя гораздо меньше Витьки, который писал выше всех.

Если книги были в стихах, как «Мойдодыр», «Муха-Цокотуха», «Айболит», Олег быстро запоминал их наизусть и потом уверял всех, что умеет читать. Брал книжку, водил глазами по строчкам, заставляя взрослых проверять, правильно ли он читает. Правда, дядя Леня однажды подловил

его — перелистнул несколько страниц и предложил начать с незнакомого места. Олег бросил книжку и убежал под соседский смех. Одно время Олег стал выходить во двор с какой-нибудь толстой книгой и делать вид, что читает. Так продолжалось, пока Леха не подошел и не перевернул книгу — оказывается, он держал ее наоборот.

В ночь без Джульбарса мама читала грустную книжку «Без семьи»: про сироту из Франции, который бродил по дорогам со стариком и собакой. А Джульбарс всю ночь громко выл, прося о пощаде.

Утром один за другим приходили возмущенные соседи. Мама не знала, что делать. Договорилась с дядей Леней, что он потерпит пса день-два, пока его не удастся к кому-нибудь пристроить.

Когда этот день наступил, мама пришла за Олегом особенно поздно, тетя Валя уже собиралась его укладывать на ночь. Джульбарса дома не было. Мама виновато посматривала на сына.

Олег лег спать, отказавшись от ужина и книжки. Долго лежал, повернувшись спиной и уткнувшись в подушку. Наверное, он плакал даже во сне, потому что подушка утром была мокрая. Безропотно и молча пошел в детский сад, хотя обычно по утрам уговаривал маму взять его с собой на работу.

Так было, когда детский сад закрыли на карантин. В маминной больнице Олег чувствовал себя очень важным человеком — его приглашали в разные кабинеты. Особенно ему понравился рентгеновский, где строгий дяденька стал вместе с ним рассматривать легкие больного.

— Видите, коллега, затемнение слева. Подождем еще месяц. Если не зарубцуется, придется оперировать. Согласны?

Олег кивнул головой и с почтением посмотрел на рентгенолога. На прощание тот подарил ему старые пленки, которые становятся прозрачными, если их отмыть. Олег исполь-

зовал пленки для необычных картин. Нарисуешь что-нибудь акварельными красками, и они светятся, когда направишь на электрическую лампочку или оконное стекло. Надоест картина — ее можно смыть и взяться за другую. Взрослые ребята во дворе, прознав про пленки, стали их выпрашивать для изготовления дымовушек. Берешь кусок пленки, заворачиваешь в золотинку от шоколадки, оставляя снаружи кусок, поджигаешь — и она летит, оставляя за собой дымный хвост. Джульбарс очень не любил эти проделки из-за запаха, чихал и тряс лохматыми ушами.

Теперь пес неизвестно где. Может, его мучают новые хозяева.

В детском саду мальчик думал только о Джульбарсе. Насмешки Семки, толчки и обидные реплики Юрки, участливые вопросы нянечки он почти не замечал. Все было как во сне, когда изменить ничего не можешь, даже если мир рушится тебе на голову. Бывает тоска, которая может пройти с приходом мамы или приятелей по дому. Эта тоска не пройдет никогда. Олег выполнял команды воспитательницы, но ничего не ел на завтрак и обед, старался присесть где-нибудь в стороне, чтобы его оставили в покое.

Воспитательница позвонила маме, что ребенок, видимо, заболел.

Мама пришла расстроенная, и теперь они молча шли к дому. Вернее, плелись, потому что Олега приходилось чуть не силой тянуть за собой.

— За что ты мучаешь меня и себя? — не выдержала мама.
— Джульбарса ты любишь, а меня нет?

Маму он любил больше всех на свете. Всего один раз он в этом усомнился из-за дедушки Ленина. Воспитательница все время говорила, какой он хороший, как много сделал для людей, его надо любить больше всех. Кругом висели картинки:

кудрявый дедушка в детстве, взрослый улыбающийся Ленин у елки среди детей. Своего дедушки у Олега не было. Мама рассказывала, что он умер в войну от голода, потому что старался прокормить большую семью. А дедушка Ленин такой хороший, что он стал любить его как своего, как всех дедушек на свете. А как же мама? Олег заплакал, потому что в ту минуту не мог понять, кого любит больше: маму или Ленина. И прижал к лицу носовой платок с запахом маминых духов.

Это мама придумала, когда Олега отправили в больницу из-за болезни, от которой без госпитализации можно было умереть. Мальчик же чуть не скончался от разлуки, хотя ребята в палате были не как в детском саду — очень хорошие, чуть старше его. Мальчики и девочки лечились вместе. Один из них, Рома — смуглый, с темными упругими волосами, хорошо пел, душевно, как мама. Просто так. Лежит-лежит — и вдруг запоем:

«Прощайте, скалистые горы... На подвиг страна нас зовет... Мы вышли в открытое море... В суровый и дальний поход»...

Эта песня очень понравилась Олегу — такая грустная и мужественная.

— Спой еще, — иногда просил он.

И Рома пел специально для него.

Вскоре маленькие больные сделали важное открытие. Одна девочка должна была сдавать анализы, но никак не могла покакать за ширмой.

— Не получается, — виновато объяснила она всем.

— А давай я, — сказал Гриша. — Мне как раз хочется.

Тут все и началось: какали и писали друг за друга, отдавая предпочтение тем, кто шел на поправку. Может, благодаря этому Олега выписали раньше, чем собирались, и он не погиб от разлуки с мамой.

Как можно ее не любить, если она ни разу сына пальцем не тронула, хотя иногда хотела. Особенно когда застала докуривающим папиросу дяди Лени. Олег не подумал про дым,

который шел под дверь из туалета, а мама его терпеть не могла и за километр чувствовала.

— Открывай немедленно! — так гневно крикнула мама, что Олег тут же сбросил крючок с двери и замер от ужаса.

Вид сына с беломориной в зубах, видимо, был так забавен, что мама сдержалась, хотя явно собиралась дать хорошую затрещину.

Все обошлось разговором о том, что происходит с легкими курильщика.

— Ты же сам видел на рентгене дырки.

Еще больше маму беспокоило то, что Олег сует грязь в рот.

— Опять хочешь попасть в больницу с дизентерией?

Вот почему на мамины слова сквозь слезы о том, что сын ее не любит, он ответил:

— Я тебя люблю больше всех на свете.

Про себя добавил: «Больше дедушки Ленина».

— А Джульбарс — мой единственный друг.

Олег сказал и понял, что это действительно так. Они дружили на равных, а не как человек и собака, без всякой корысти. Эта дружба не продается ни за конфеты, ни за пуговицы. Джульбарс не сердился, если маленький хозяин нечаянно делал ему больно. Мурку Олег тоже любил, но не мог назвать другом.

Мама не знала, что сказать. Отвлечь сына решила предложением:

— А пойдем-ка мы к тете Лизе-большой, раз рано освободились.

Лучшая мамина подруга, хирург, была высокого роста, на две головы выше мамы и тети Лизы-маленькой. Они втроем дружили с медицинского института. Тетя Лиза-маленькая была детским врачом и приходила делать Олегу «небольные» уколы. Когда колола мама, мальчик ворочался и кричал, хотя очень старался терпеть. Мама из-за этого переживала. Она еще студенткой боялась ставить уколы, падала в обморок

в морге на вскрытии. Стала работать детским врачом, но ушла, когда не смогла спасти одного ребенка, сказала, что не сможет пережить еще одной смерти.

Тетя Лиза-большая была решительной, поэтому и пошла в хирурги. К ней подруги ходили за советом. Для Олега главным ее достоинством был телевизор «Рекорд» с маленьким экраном, изображение увеличивалось большой линзой с жидкостью. Больше ни у кого из знакомых такой новинки не было. Еще у тети Лизы была дочь — красивая, на несколько лет старше Олега, ужас какая воспитанная. Однажды, когда Олег нечаянно пукнул за столом, она не засмеялась. Мальчик все равно покраснел и хотел убежать, но тетя Лиза спокойно сказала:

— Ничего страшного. Со всеми это бывает.

Мамина подруга жила рядом, нужно было только пройти через двор, заросший травой, а потом перейти дорогу. Пока взрослые шушукались, видимо, по поводу истории с Джульбарсом, вежливая дочка Наташа развлекала гостя книжками с картинками, хотя вряд ли ей было с ним интересно.

По телевизору объявили фильм «ЧП», все стали рассаживаться поближе к экрану. Тут диктор заявил:

— Предупреждаем родителей, что детям до шестнадцати лет этот фильм смотреть не рекомендуется.

Так всегда говорили, когда в фильме герои целуются.

Олег возмущенно заявил:

— Мы будем закрывать глаза, когда начнутся поцелуи.

Взрослые засмеялись и оставили его с Наташей у экрана.

Вернулись домой — и тоска нахлынула с новой силой. Ради мамы Олег старался скрыть ее, но, оставшись один в кровати, лежал и тупо смотрел в потолок с трещинами. Давно нужно было делать ремонт, но некому. Линии сливались в картинки, похожие на собаку. Собака вырастала и превращалась в чудовище. К тоске добавились страхи ночных страшилищ, от которых спасал Джульбарс. Хотелось побежать к маме, но под кро-

вацию явно кто-то притаился, чтобы схватить мальчика за ноги. На улице у окна, несмотря на решетки (их поставили недавно из-за краж в соседних домах), тоже кто-то притаился. Ждет, когда все уснут, чтобы взломать решетку и проникнуть в комнату с топором в руках. А еще пол могут прогрызть огромные крысы, которые способны напасть на него, не побоявшись Мурки. Одна, без Джульбарса, кошка не справится. Где она? Спит в ногах. Хоть ее не отобрали.

Сон неожиданно навалился на мальчика. Тяжелый, беспокойный. Огромное животное, похожее на Джульбарса, медленно приближалось к мальчику. Он радостно пошел навстречу, но оказалось, что это чудище, принявшее облик друга. Олег бросился бежать, а ватные ноги не слушались его. Через чердак забрался на крышу, но страшилище появилось и здесь. Мальчик отступал до самого края, поскользнулся и полетел вниз... Олег проснулся на полу, куда свалился вместе с одеялом.

Страх поселился так надежно, что собаки стали лаять на мальчика, как на дядю Леню. И даже хуже. Олег часто встречал в соседнем дворе большую бесхозную овчарку, она одиноко бродила, может быть в поисках своего хозяина. Сейчас мальчику захотелось утешить ее. Может, они подружатся? Он протянул руку, чтобы погладить собаку, но она укусила его и ушла. Олег не разозлился и не заплакал. Мама, увидев глубокие следы на руке у большого пальца, хотела вести его на уколы от бешенства, но сын сказал, что не надо, собака была с ошейником. Олег не боялся умереть. Ему только не хотелось лежать в гробу — это страшно.

Он вспомнил прабабушку, которую все звали Бабанечка. Это вместо бабы Ани. Она пережила дедушку с бабушкой и стала очень старой, сухой, с шамкающим ртом на морщинистом лице, бородавкой на подбородке. Бабанечку все боялись, потому что она изводила своим ворчанием. Мама пыталась защищаться, что уже не маленькая, но старушка бранилась еще

больше по каждому поводу. Только при виде правнука ее морщины разглаживались, она ласково касалась шершавой рукой его лица. Олег мало что уже про нее помнил. Осталась в памяти картина, как Бабанечка рубит капусту на засолку медным тяжелым тесаком в деревянном корытце. Поранилась. Кровь течет не красная, а черная, не может остановиться. Еще Олег помнит бородатого попа, который подходит к нему и дает ложку вкусного вина с хлебной просвиркой. Тогда Бабанечка вместе с тетей Валею тайком увезла мальчика в церковь крестить. Мама была партийная и не разрешала этого, несмотря ни на какие уговоры.

Поп пришел на похороны прабабушки. Гроб стоял на столе. Бабанечка лежала в нем, скрестив руки, со свечкой. Лицо было страшного воскового цвета, губы обиженно поджаты. От запаха ладана и от страха Олегу стало плохо, его вывели из комнаты...

Онемевшая рука побаливала, но другая, непонятная боль мучила Олега. Сильнее, чем укусы иглы, когда вынимают занозу из пальца, или когда коротко стригут ногти и ножницами задевают кожу, или когда мажут раны йодом. Олег запомнил боль от ран, когда в яслях его толкнули во время умывания, он упал на раковину, рассек правую бровь. Мальчика возили в больницу и зашивали рану. Сказали, что он счастливчик, мог остаться без глаза. Под бровью остался глубокий шрам. Позднее в детском саду мимо него пролетел мяч с развязанной шнуровкой, хлестнув шрам на брови. Снова кровь, врач и боль, которая долго не проходила. Разлука с Джульбарсом была больнее.

Рана от разлуки чуть приутихла в выходной день, когда пришел Вадик — он жил с ним на одной лестничной площадке. Сначала они поиграли со строительным грузовиком, который мог перевозить грузы-кубики. Штучкой впереди можно было поднимать и опускать кузов. Еще была стрела с крюком на веревочке, с помощью которой можно поднимать и загружать

тяжести. Вадик был прораб и ругался, что водитель-Олег все делает медленно и неправильно, пытался помогать ему. Все это они видели на стройке, где семья Вадика участвовала в возведении будущего дома. Это называлось «самострой». Потом переключились на швейную машину с немецкими буквами «Зингер». Нажимаешь ногами на чугунную площадку — и иголочка быстро бежит вверх-вниз, оставляя следы на газете.

Мама попросила оставить машинку в покое, и ребята укрылись под стол, закрытый скатертью. Олег вспомнил про Джульбарса и сказал:

— Давай, мы как будто собаки в конуре. Нас хозяйева забыли, не кормят.

Он так жалостливо завыл, что мама заглянула к ним со словами:

— Что у вас тут происходит?

— Мы играем, — смущенно сказал Олег.

Помолчали. Вадик шепотом спросил:

— Тебя мама как бьет?

— Никак, — удивился Олег. — А тебя бьют?

— Да.

— Папа?

— Ты что? Он добрый. Мама. Ремнем.

Папа Вадика, дядя Яша, был большой, шумный, с черными кудрявыми волосами. Но больше всего Олега удивлял его левый глаз. Он был стеклянный, дядя Яша иногда вынимал его и клал в стакан с водой. Олег смотрел на плавающий глаз с ужасом и любопытством.

Как можно бояться маму, Олег не понимал. Когда-то она играла с ним в «козу», бодая пальцами-рогами и приговаривая: «Идет коза рогатая... За малыми ребятами... Кто кашку не ест... Молоко не пьет... Забодает-забодает-забодает». Они вместе при этом смеялись — вот и весь страх.

Мама еще раз заглянула к ним.

— Олег, к тебе пришли. Я уйду в магазин. Не шумите, а то дядя Леня рассердится.

— И меня отправят в сарай, как Джульбарса, — мрачно пошутил Олег.

Пришли ребята из подъезда. Олег открыл сундук, и все стали наряжаться в старые мамины вещи. Люська, самая старшая из всех, она уже в школе училась, нацепила шляпку с вуалью, закрывающей глаза, и объявила себя принцессой. Лупоглазая, скуластая, с мальчишескими повадками, она не подходила на эту роль, но отговаривать ее никто не стал. Это же игра. Олег надел резиновые сапоги на высоком каблуке, набросил на плечи кружевную накидку с кровати — и превратился в принца. Вадик с Колькой, тоже ровесником Олега, стали придворными, потом объявили себя разбойниками. Маленькая Светка была пажом принцессы. Игра продолжалась недолго, потому что Люська решила пройтись по комнате в туфлях на каблуках, споткнулась и растянулась. Все дружно рассмеялись. Сконфуженная принцесса сказала:

— Я так больше не играю.

Вадик предложил играть в подъемный кран на стройке. Через высокий, почти до потолка, шифоньер перекинули веревку. Со стороны кровати сделали петлю, чтобы помещать груз, а с другой стороны мальчишки решили его опускать и поднимать по командам «майна» — «вира». Грузом должна была стать трехлетняя Света, но решили испытание провести на Мурке. Олег сомневался, но ему сказали, что даже на космических спутниках испытание проводят на животных. С помощью Олега кошку запихали в авоську и стали поднимать. Мурка брыкалась и орала, как бешенная, поцарапала Олега, когда он стал освобождать ее из плена, обиженно глянула на него и скрылась под кроватью. Мальчик почувствовал себя предателем.

Тут Колька заявил, что на спор прыгнет с шифоньера. Все

притихли. Это еще больше воодушевило смельчака, он забрался под потолок и упал на кровать.

— Здорово!

Он прыгнул еще раз. За ним Вадик. Теперь Олегу ничего не оставалось, как повторить их подвиг. На шифоньере ему показалось, что внизу — обрыв, похолодело в груди. Еще он подумал, что можно пролететь мимо спасительной кровати. Однако отступить было нельзя. Олег зажмурился и мешком полетел вниз умирать. Пружины кровати мягко приняли его и несколько раз трянули.

Мальчишки кричали «ура!» и были такие возбужденные, что Люська объявила:

— Вас надо лечить. Больные, снимайте штаны, будем делать укол.

В больницу играли часто, но до этого не доходило. Олег, краснея, расстегнул лямки, чуть приспустил штанишки и лег на кровать. Люська коснулась кожи чем-то холодным, заменяющим шприц, и Олег испытал незнакомое, смутное удовольствие. Он не сопротивлялся, когда «врач» совсем оголила его зад.

Ребята побежали обедать, а маленькая Светка почему-то задержалась.

— Тебя не лечили?

Девочка молча помотала головой.

— Давай поставлю укол. Ложись.

Девочка послушно легла на спину, Олег стянул ее рейтузы. Светка лежала, не шелохнувшись. Ничего особенного Олег у нее не увидел, просто вместо крантика, как у мальчиков, — плоская щель. Он это уже знал. Когда год назад, в шестидневных яслях, договорились с девочкой на соседней кровати обследовать друг друга, было загадочней. Немного попрепирались, кто первый начнет, потом Олег залез ей в трусы и почувствовал что-то липкое на месте, где у мальчиков крантик. В другой день решили попробовать то же самое

с мальчиком. Сняли трусы, стали щупать друг друга — и не заметили, как появилась воспитательница. Она сдернула одеяло у соседа. Сдернула и у Олега, но он с невероятной быстротой успел натянуть трусы. Воспитательница подняла соседа и выставила перед всеми со спущенными до колен трусами.

— Стой, чтобы никогда больше не занимался глупостями.

Никто не смеялся, а чувствовал стыд, хотя раньше девочки и мальчики мылись голыми в одной ванне и не обращали внимания друг на друга. Письки многие стали называть с тех пор «глупостями».

Послышались мамины шаги. Олег быстро натянул Светке рейтузы и отправил ее домой.

От мамы влетело за беспорядок в комнате.

— Мы играли. Я сейчас приберу, — сказал Олег и похвастал. — А я научился летать.

Он решил показать маме прыжок с шифоньера. Олег падал, как мертвый, даже глаза закрыл. И услышал крик. Мама побледнела и заплакала.

— Ты что?

— Не делай так больше, — сквозь слезы сказала мама и крепко обняла, будто боялась потерять.

Тоска снова вернулась к Олегу. Даже захотелось, чтобы скорее наступила зима, а с ней — Новый год. Конечно, это хлопоты с дровами (за ними надо ходить в сарай, несмотря на любой мороз, возиться с заледеневшим замком), с печкой, которая плохо разгорается, если дрова не просохли. Мучение с вареньями — они вечно теряются и доставляют огорчение маме. Она придумала пришивать их к веревке, но начались мучения для Олега: трудно надевать пальто и играть в снежки с таким «коромыслом». Только все можно пережить ради праздника, который начинается с покупки елки. Комната наполняется свежим запахом леса. Елку устанавливают в стеклянную

банку с водой и перевернутый табурет, растягивают веревкой между ножками, маскируют ватой. Начинается самое главное таинство — развешивание стеклянных игрушек: разноцветных шаров, домиков, зверушек, фигур из стеклянных полосок. Это очень красивый немецкий набор — подарок папы. Покалеченные, без усов-креплений игрушки подвешивали с помощью спички и нитки. Еще интереснее вырезать вслед за мамой снежинки из цветной бумаги — свои узоры у Олега пока не получаются. Затем с помощью иголки вдевали нитку в фантики шоколадных батончиков, «Мишек на Севере», «Красных Шапочек» и подвешивали на ветки. Вдевать нитку в иголку — это была привилегия Олега, потому что у него глаза зоркие. Затем наступала очередь мандаринок. В последнюю очередь укрепляли на макушку стеклянную звезду и гирлянды с лампочками. С последними всегда было мучение: если одна во время хранения выходила из строя, другие тоже не загорались, очень трудно было обнаружить повреждение.

На Новый год приходили соседи, чаще всего Вадик с родителями. Раздвигали стол, по всей квартире собирали стулья и табуретки. Взрослые пили шампанское, за исключением мамы, которая не употребляла спиртное. Уговоры, что в праздник можно сделать исключение, не действовали. Она вместе с детьми пила воду, подкрашенную вареньем и потому похожую на вино. Взрослые пели хором и по отдельности. У дяди Яши была своя коронная песня: «Отвори поскорее калитку». Он пел ее, обращаясь к присутствующим дамам. Мама отвечала ему:

«Купите фиалки... Вот букетик лиловый... Весеннюю песню... Вы прослушайте снова»...

Она в самом деле превращалась в юную девушку, продающую цветы, и Олег готов был отдать за букетик все свои сокровища.

Наступала очередь детей. Они вставляли на табурет, исполняли номер, получая право срезать с елки любую сла-

дость. Вадик пел «Наш паровоз вперед лети... В коммуне остановка...» и «Каховка, Каховка... Родная винтовка». Олег читал отрывки из стихов. Лучше праздника в году не было.

Праздник сродни Новому году наступил неожиданно, потому что Джульбарс прибежал домой. На шее остался обрывок железной цепи. Вид у него был победный: «Разве я не молодец?» У Олега появилась надежда, что теперь мама смирится. Правда, дядя Леня ходил хмурый и недовольный.

Ночью приснилось, как в детском садике он пытается пойти в туалет, а дверь закрыта. Выбегает на улицу — там собрались все ребята, показывают пальцем и смеются над ним.

Туалетные проблемы занимали очень серьезное место в его жизни, особенно, когда он был маленький. Взять хотя бы горшок с холодными краями. Садиться на него не очень приятно. Когда мама предлагала ему воспользоваться этой услугой, ни писить, ни какать не хотелось. Начинались совместные страдания:

— Пись, пись, пись! — как скороговорку говорила мама. Или упрашивала. — Ну, поднатужься, постарайся. А-а-а.

Желание чаще всего возникало в самый неподходящий момент. Например, когда у них гостила двоюродная сестра. Она болтала с подружками, когда Олег обкакался и заревел. Сестра выпроводила девчонок и стала его мыть в тазу. А подружки подбежали к окну и стали смеяться...

Хуже всего было в шестидневных яслях-саде. Там горшков не было, приучали ходить в туалет. На ночь в конце спальни ставили ведро. Олег до сих пор с содроганием вспоминает грохот струи о стенки ведра, которые, казалось, слышны даже в соседних домах. Многие по ночам писались в постель, что вызывало смех ребят и возмущение нянечек. Таким стелили противную клеенку — холодную и скользкую. С Олегом это тоже бывало. Всегда перед этим снилось, как что-то мешает тебе это сделать. Если успел проснуться, хо-

рошо. Если испытал блаженство во сне, то страдания ждали наяву.

Олег проснулся в своей комнате. В самом деле, хотелось в туалет. Мама на всякий случай оставляла горшок под кроватью. А как же всякие чудища? Джульбарс поднялся и ткнулся головой в него. Теперь ничего не страшно.

Джульбарс был так рад возвращению, что не отказался запрячь себя в деревянные санки с высокими бортами. Внутри сидела притихшая Светка. Санки понеслись по тротуару, грохоча на весь двор. Вся компания Олега неслась следом, радуясь изобретению и обсуждая, кто будет следующим.

— Ой! Что вы делаете? Светочка!

Светкина мама возвращалась из магазина и обмерла, увидев скачки.

Первым среагировал Джульбарс. Он остановился. Олег высвободил его от веревок, и ребята помчались в подъезд, забрались на лестницу над вторым этажом. Люк на чердак был открыт, поэтому по железной лестнице они вскарабкались туда.

На чердаке пахло теплыми опилками, которыми был устлан пол. Было душно. Все сбились в кучку, прижавшись друг к другу. Джульбарс тяжело дышал. Ему нравилось в такой компании, и он хотел взвизгнуть от радости, но Олег сжал его морду. Пес все понял и позволил себе только несколько раз взмахнуть хвостом, подняв в воздух опилки.

— Что теперь будет! — многозначительно сказала Люська.

— В милицию пойдет, — предположил Колька.

— Да нет, она не злая, — вздохнул Вадик. — Просто родителям нажалуется.

Олег подумал, что эта история, которая начиналась так весело, не пойдет на пользу Джульбарсу. Надо его где-то спрятать. Он поделился своей тревогой с ребятами, и те, за-

быв об ожидающих каждого домашних наказаний, стали думать, как помочь псу.

— Может быть, оставить здесь и по очереди носить еду? — предложил Вадик.

Олег вспомнил про сарай.

— Хорошо бы, но Джульбарс ночью лаять начнет. Он один жить не может.

— Так оставайся тоже здесь, — дернув плечом, сказала Люська. — Мы и тебя прокормим.

Конечно, Олег был готов на все, чтобы спасти Джульбарса, но он помнил мамины слова: «Джульбарса ты любишь, а меня?»

Внизу в подъезде хлопали двери, слышались возгласы родителей. Дверь люка распахнулась, и появилась голова мамы Вадика. Она победно и многообещающе воскликнула:

— Вот где они скрываются!

Возвращение домой стало неминуемым.

Вскоре появился мамин знакомый из Сибири. Джульбарс встретил его радостно, как никого другого, вилял хвостом. Олег понял, что это и есть бывший хозяин собаки. Это настоятельно мальчика, но дядя Слава был такой приветливый и веселый, что ревность и опасения быстро прошли. Он привез в подарок двуствольное ружье, почти как настоящее. Оно стреляло пробками, привязанными за веревочки.

С охотничьим ружьем Олег познакомился очень интересным образом. В другом конце города, куда надо добираться на двух трамваях, жил дядя с мальчишеским именем Вова. И неслучайно. С ним можно было беситься, сидеть на нем верхом, бодаться, драться подушками. Он не заигрывал с Олегом, а делал это от души. Особенно если ему удавалось чуть выпить, несмотря на бдительность тети Клары.

В тот вечер дядю послали в магазин за покупками,

а чтобы не свернул в сторону пивнушки, отправили с Олегом. Они не учли, что мальчик ничего не имел против выпивки дяди. Обрато Олег возвращался, сидя на плечах у своего друга, изображавшего мотоцикл. Мама с тетей куда-то вышли, может быть, к соседям, и от этого у дяди настроение еще улучшилось. Он стал показывать свои сокровища, среди которых оказалась настоящая двустволка.

— А она стреляет? — поинтересовался замороженный Олег.

— Еще как!

— Дядя Вова, давай стрельнем...

— Давай.

Дядя насыпал в патроны порох, забил пыжи — кругляши из войлока. Вражеским укреплением стала тетина швейная машина. Отодвинули диван, чтобы сделать для себя окоп. Поставили на швейную машину пустые патроны. Это был враг, он прятался за швейной машиной. И давай палить из ружья прямо в квартире. Один патрон попался с дробью. Стрелял дядя Вова. Хорошо, что ни одна дробинка не попала в какое-нибудь стекло. Часть оставила следы в стене, другие попали в швейную машину, оставив на ней вмятины.

В этот момент пришли тетя Клара с мамой. Начался скандал. Дядя, как ребенок, с виноватым видом просил прощения. Его погнали спать, они расцеловались с племянником на прощание. И не зря — мама сказала, что в этот дом они больше ни ногой. Олег не чувствовал угрызений совести, а был горд победой над швейной машиной.

— Поехали, поехали... На базар за орехами... — приговаривал дядя Слава, покачивая Олега на ноге и придерживая за руки. — По кочкам, по кочкам... По гладенькой дорожке... Да в ямку — бултых!

Мальчик хорошо знал эту игру, но все равно пугался, падая, а потом смеялся от восторга. Крепкие руки не позволяли

больно удариться. Мама давно перестала так играть, говоря, что сын стал слишком тяжелый. Еще страшнее и радостней было, когда дядя Слава подбрасывал мальчика так высоко, что все внутри замирало. С кем еще так поиграешь? Один мамин знакомый обманул Олега. Спросил: «Хочешь увидеть Москву?» Мальчик доверчиво кивнул. Дядька крепко сжал его уши и поднял за голову. Это очень больно и неудобно — качаться на собственной голове. Мальчик болтал ногами и орал, а дядька смеялся. Летать в крепких руках дяди Славы — совсем другое. Олег просил еще и еще, пока мама не взмолилась прекратить разрывать ей сердце. Она всего боялась.

Счастливый Олег улучил момент и шепотом спросил маму:

— Это папа?

— Нет, но он тоже очень хороший.

Олегу пришлось уступить гостю свою кровать, а ему постелили на сундуке. Джульбарс сначала улегся возле дяди Славы, но подумал и перешел к маленькому хозяину. И Олег спокойно уснул.

Утром мальчик впервые постеснялся того, что мама будила его и гладила. Обычно он не спешил вставать, потягивался, когда мамыны руки помогали ему, и она нараспев приговаривала: «Потягунюшки-порастнунюшки...». В этот раз Олег быстро оделся и с удовольствием пошел в детский сад. Его вел дядя, похожий на папу. Олег старался не семенить за ним, а делать такие же широкие шаги. Ладонка утопала в большой надежной руке. Так вошли они в калитку, на виду всех ребят.

— Ты за мной придешь?

— Конечно, малыш. Беги, играй.

Что такое хорошая жизнь? Это когда есть мама, Джульбарс ... и папа.

Сколько раз он заводил с мамой разговор, что ему нужен папа. Она отвечала:

— Он у тебя есть. Вот сделает свои важные дела и вернется.

Мальчик уже не очень верил в это, но если настаивал на своем, мама начинала плакать. Она была взрослая, но не очень сильная, сама нуждалась в поддержке.

То ли дело, когда есть папа. Взять хотя бы случай с Машей.

Из-за пухленького и простодушного лица, а главное, огромного белого банта на голове, Маша нравилась всем мальчикам. Но только грузин Гиги не удержался и поцеловал ее в щечку. Маша сделала еще более простодушное лицо, посмотрела на него большими глазами и чуть покраснела. Непонятно было, одобряет она такой мужественный поступок или нет.

— Где этот негодник?! — послышался на следующий день громовой голос. Высоченный, в форме полковника, отец Маши грозно оглядывал всех мальчишек. — Где негодник, который поцеловал мою дочь?

Мальчишки оцепенели. Гиги среди них не было, при первых звуках офицерского голоса он удрал в спальню и спрятался под кровать. Машин отец возмущался, что не для того отправляет дочь в детский сад, чтобы ее обижали. Испуганный Гиги вышел сдаваться и чуть слышно сказал:

— Я больше не буду.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Полковник поднял Гиги на уровень глаз с сходящимися бровями и сказал:

— Этот?.. Этот пусть целует.

Про юного грузина даже строгая воспитательница говорила:

— Какой красавчик!..

Неизвестно, чем закончился бы роман, если бы семья Гиги вскоре не уехала.

Олег после этого внимательно посмотрел на себя в зеркало, будто впервые увидел. Маленького роста, в маму, если бы был папа, может быть, было бы по-другому. Большая голова, из-за которой, в добавление к молчаливости и рассудительности, взрослые называли Олега непонятным словом

«философ». Стеснительная улыбка, светлые, приглаженные чуть на бок волосы, серо-голубые глаза. Про него еще никто не говорил: «Красавчик». Его любила по-настоящему только мама. Люська один раз прижала в коридоре:

— Давай целоваться, как в кино.

Обслюнявила. Фу, противно! Он оттолкнул ее.

Это вряд ли из-за того, что он симпатичный.

Впрочем, Олег не был уверен, что изображение в зеркале точно он. Вроде похож, но не совсем, что-то в отражении было чужое. Пошевелил рукой — отражение тоже пошевелило. Показал язык — и зеркало тоже стало дразниться. Так они и кривлялись, пока Джульбарс не гавкнул, не понимая, что происходит. Олег подвел его к зеркалу, но пес смотреть на себя не стал, вырвался и отбежал в сторону. Зато кошка охотно смотрелась и вроде была довольна отражением.

Когда мама расчесывалась у зеркала, Олег внимательно сравнивал ее и отображение. Вроде похожи. Мама обернулась и удивленно спросила:

— Ты что?

Олег смутился.

— Ничего. Просто так.

За сыном в садик пришла мама. Без Джульбарса и без дяди Славы.

Олег понял, что Джульбарса не вернуть. Он остался без друга. Его обманули и предали. Он почувствовал себя таким незащищенным, как тот мальчишка, которого выставили голым перед всей группой.

Олегу хотелось совершить что-то непонятное и страшное, к примеру, прыгнуть с шифоньера так, чтобы умереть по-настоящему. Пусть мама плачет, раз оставила его без Джульбарса и без папы. Олег сердито махнул рукой, попал в буханку серого хлеба, она полетела на пол.

— Подними, — строго сказала мама.

— Не буду, — буркнул в ответ сын.

Мама растерялась, но старалась не показать это:

— Как ты смеешь? Из-за такой буханки люди в войну умирали. Твой дедушка умер, потому что боялся недодать нам лишний кусок.

Олег стоял, упрямо опустив голову.

Мама подняла хлеб. Молча убрала со стола.

— Будешь стоять в углу, пока не попросишь прощения.

«Углом» было место между шифоньером и входной дверью.

Мама ждала, но извинения не было. Олег даже если чувствовал себя виноватым, мог упереться и стоять на своем. Так было, когда он в детском садике отказался пить мутный напиток.

— Я не буду пить грязный чай, — решительно заявил он.

Воспитательница сначала не знала, что сказать от возмущения.

— Что ты выдумываешь? Это какао. Оно очень полезно для маленьких мальчиков...

Олег не сдавался. Все ребята за столом притихли.

— Пей, я кому сказала! — прикрикнула воспитательница.

— Или ты хочешь отправиться в кладовку с крысами?

Темноты, а еще больше крыс, способных загрызть даже взрослого человека, Олег очень боялся, но не отступал:

— Я не буду пить грязный чай.

Из кладовки, заплаканного, его вызволила мама, когда пришла за ним вечером. С тех пор его не заставляли пить какао, есть гороховую кашу и тушеную капусту, которые напоминали мальчику последствия поноса.

...Мама стала расправлять свою постель. Олег стоял, упрямо опустив голову. Мама выключила свет, легла на кровать. Теперь их с сыном разделял шкаф, но Олег слышал, как

мама ворочается, шмыгает носом, вздыхает. Мальчик решил стоять, пока мама сама не сжалится. Стоять хоть всю ночь, хоть несколько дней подряд. Он снова почувствовал себя одиноким и незащищенным, заплакал, беззвучно глотая соленые слезы. Громко реветь он перестал после того, как дядя Леня однажды посмеялся над ним:

— У, сколько соленой водички. Сейчас я ведро принесу. Что же такое добро пропадает.

Мама тоже с трудом сдержала улыбку. И плакать расхотелось.

Времени прошло много, казалось, вся ночь. Слезы высохли. Ноги уже не держали. Мальчик сначала прислонился к шкафу, потом присел на корточки — все равно никто не видит. Бормотал про себя, что умрет, тогда все пожалеют. Привезут Джульбарса: «Вот твой друг, Олеженька, только не умирай!»

Мама не сдавалась. Может, она так обиделась из-за хлеба, что решила отказаться от сына?

Олег испугался. Если вдобавок к Джульбарсу потерять маму, то жить уж точно не стоит. Мальчик сделал шаг к кровати, потом еще. Казалось, помимо воли, очутился возле мамы. Она не спала, лежала с открытыми глазами, но не поворачивалась. И сын не знал, как поступить. Слова будто застряли в горле.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросила мама, подталкивая его на поступок.

— Можно я извинюсь шепотом? — попросил Олег.

— Да.

И сын шепнул на ухо:

— Прости меня...

Олега словно прорвало — он уже не скрывал слез. И мама плакала вместе с ним. О Джульбарсе, о папе, затерявшемся в бесконечных полетах, — о всех потерях. И тех, которые были, и тех, что ждали их впереди...

ПОЧТИ СКАЗОЧНЫЕ ИСТОРИИ

РАССКАЗЫ

А ТЫ СКАЖИ «МЯУ»

Только что прошел дождь, и на мокрый асфальт выползли земляные червяки. Зачем они отправились в это путешествие с риском для жизни — непонятно. Многие были уже раздавлены, потому что взрослые люди не любят смотреть под ноги. Я стал собирать червяков и переносить в траву рядом с тротуаром. Прохожие раздраженно обходили меня, а один дядя даже отпихнул ногой в высоком ботинке. Я все равно спасал червяков и чуть не уткнулся головой в маленького человека. Он, как и я, ползал по тротуару. Над растопыренными ушами — непричесанные волосы, нос пуговкой, с добрыми круглыми глазами. Так я познакомился с Клоуном.

Было это давно, мне было лет десять или даже меньше. Я всегда хотел с ним подружиться, потому что с самого рождения, во всяком случае, как себя помню, любил смеяться. Маме с папой, работникам детского сада, а потом учителям, это не нравилось. Еще в первом классе мне написали в дневник замечание: «Улыбался на уроке. Прошу родителей прийти в школу».

— Смех без причины — признак дурачины, — прокомментировал это папа.

Чтобы не сердить взрослых, приходилось искать поводы для смеха. Кошка попыталась запрыгнуть на люстру (не без моей помощи), мамино пальто висит на вешалке под ручку с папиным (угадайте, кто придумал), мел у доски разделен на четыре части (так же удобней) — причин для веселья находилось много. Вот если бы я подружился с Клоуном, можно было бы смеяться безостановочно, сколько хочешь. В цирке, как только он выходит на арену, все смеются, даже если он плачет.

После столкновения на тротуаре, я решил пойти к Клоуну в гости. Он сказал, что живет в самом высоком доме, а квартиру я сам узнаю. Дом оказался таким высоким, что, как я ни задираю голову, не мог увидеть крышу, будто стены ходили в небо. Балконы были завалены всякой всячиной — торчали лыжи, ванны, швабры, велосипеды, автомобильные колеса, шкафы и даже вешалка с головными уборами. В общем, повода для смеха искать не надо. На самом верхнем пустом балконе развевался большой оранжевый флаг, на котором можно было разглядеть желтое солнце с расходящимися лучами. Когда я по лестнице добрался на этот этаж, то увидел дверь, раскрашенную в сине-зеленые цвета с белыми пятнами. Она

неожиданно отворилась, и в проеме появилась голова моего Клоуна.

— Ты пришел? Значит, правда хочешь быть моим другом, да? — и заметив мое внимание к раскрашенной двери, добавил. — Нравится? Это море и парусные кораблики. Я сам рисовал.

Я очень старался не смеяться, чтобы с первых минут знакомства не обидеть Клоуна. Нет, я верил, что только так рисуют корабли, а веселиться хотел от радости, но вдруг он не поймет.

Зря я боялся. Мы с Клоуном прекрасно понимали друг друга, и он не сердился на мой смех, даже если он был без причины.

Дома и в школе я скучал, а когда приходил к клоуну, начинались веселые игры. Маленькая квартирка превращалась то в дорожку для гонок на автомобиле (им служил перевернутый стол), то в таинственный Марс (в него лучше играть вечером, когда стемнеет, раскачивая лампу), то в кабачок, где собираются разбойники. Чаще всего необычная квартира Клоуна была кораблем, а мы — капитанами дальнего плавания.

Приходилось плыть в страшные бури (помогал вентилятор) и терпеть кораблекрушения. Несколько раз мы отражали атаки пиратов и акул, правда после этого пришлось потом зашивать подушки.

Клоун говорил, что море — его стихия, и он подумывает, не стать ли ему на самом деле капитаном какого-нибудь небольшого судна. Я отвечал, что быть Клоуном все равно лучше.

— Как? По-твоему, я никудышный моряк, да? — расстроился мой друг, прикусив обиженно толстую губу. Он смешно сморщил нос и от слезинок на выбеленном лице появились синие бороздки.

— Да, нет, ты супер-капитан, особенно когда кричишь:

«Риф прямо по борту — идем на таран!» Только клоуном быть все равно лучше.

Если шел дождь, то мы бросали все игры и шли спасать червяков. Я придумал, что могут помочь таблички: «Жалейте червяков. Они полезные». Мы их втыкали в землю, рядом с асфальтом.

Да и вообще, мы любили гулять по улицам, вокруг столько интересного. Кругом валялись желтые листья, которые дворники сметали в кучу. Мы кувыркались в них, заливаясь счастливым смехом. И показывали язык удивленным прохожим. Мне было очень трудно подолгу оставаться одному, без моего друга — Клоуна. Хорошо бы переехать к нему или вместе отправиться в настоящее путешествие.

Однажды меня очень обидели. Парни из класса стали дразнить меня «придурашным», и я полез в драку. Потом все неожиданно разбежались, а ко мне подошла завуч и стала вертеть мое бедное ухо. Было очень обидно, и я обозвал ее «кикиморой». От удивления она чуть не упала в обморок.

Со слезами на глазах я прибежал к Клоуну. Мой друг в ответ печально вздохнул.

— Нехорошо. Нельзя грубить взрослым. Самое главное — бесполезно, они все равно окажутся правы.

— Что же, терпеть, если тебе ухо вертят? — удивился я. Клоун сразу оживился.

— Конечно, нет! Но обзывать нехорошо, нехорошо. Ты вместо этого просто скажи «мяу».

— Мяу? — неуверенно переспросил я.

— Мяу, — весело повторил Клоун.

Мне это понравилось, и мы стали мяукать на разные лады. Потом полезли на крышу, потому что стемнело, и пришла пора кошачьей охоты. Наши мяу оглашали окрестности, как будто наступила весна. Небо было совсем близко от крыши, и его украшала мягко светящаяся полоса.

— Млечный путь, — прошептал Клоун. — Мы в нем живем. Представляешь?

На следующий день мы с родителями сидели в кабинете директора школы. Я смущенно улыбался, слушая рассказ завуча, как избил целый класс.

— Смотрите, он еще и улыбается! — возмутилась завуч.
— Гнать его надо из школы!

— Мяу, — сказал я в ответ.

И все закончилось хорошо. Завуч наконец-то упала в обморок, мама с папой стали просить вызвать для меня «скорую помощь», а директор засмеялся и всех успокоил.

— У мальчика просто есть чувство юмора.

Всю дорогу домой родители обсуждали, какому врачу меня показать. Обзвонив десяток знакомых, договорились положить меня на обследование недели на две. Я убежал, потому что даже на день не хотел расставаться с Клоуном.

— Что ты делаешь! — взмывал к потолку свои короткие руки мой друг. — Погибели моей хочешь?

— А ты хочешь, чтобы меня заперли в больнице?! — передразнил его я.

Клоун засмеялся, и я остался в его квартирке. Жизнь стала похожей на хороший сон.

Дни напролет мы трудились. Помимо спасения червяков, приходилось носить еду зверям в зоопарк — уж очень они были худые и грустные. Ходили около детских садиков и смешили карапузов, которые выглядели не менее жалко, чем звери в клетках.

Сердитым воспитательницам приходилось силой отрывать их от решеток и грозить милицией. Еще мы ругались с дворниками, которые увозили замечательные кучи желтых листьев, расправляясь с осенью. Не оставалось ни минутки свободного времени. Тут еще Клоун решил покрасить крышу

дома в разные цвета (чтобы любовались на других планетах), и надо было бегать по стройкам в поисках забытой краски.

Возвращались домой мы поздно, когда слипались глаза. Клоуну перед сном еще нужно было посидеть на подоконнике, свесив ноги на улицу, пообщаться с каким-нибудь небесным светилом.

Я засыпал в спальном мешке на полу, а потом просыпался от легкого храпа. Смешно было смотреть, как Клоун спит в своей маленькой кровати, подложив руки под щеки, надувая большие губы и бормоча что-то спросонок.

Однажды Клоун решительно сказал, что сегодня мы никуда не пойдем.

— Должен быть у людей выходной день или нет?

— Должен быть у людей выходной день! — воскликнул я и топнул ногой.

— А что люди делают в выходной день? — спросил мой друг.

— В выходной день люди пьют, — бодро ответил я.

— Разве? — удивился Клоун. — Ну, что ж, будем пить яблочный сок.

Потом мы решили, что очень долго не читали книжек. Выбрали самую большую с цветными картинками. Клоун все время слюнявил пальцы, поэтому приходилось давать ему подзатыльник, как мама. Книжка оказалась очень веселой, про Незнайку, и у нас могли бы лопнуть животы от смеха, если бы кто-то не забарабанил в дверь.

Клоун испугался, ведь к нему никто не приходил, кроме меня. В квартиру ворвались мои родители и два милиционера. Мама начала визгливо кричать, а папа схватил меня за шиворот. Конечно, я не смог вырваться, потому что был еще маленький, а они напали на нас вчетвером. Я успел увидеть, как Клоун сморщил лоб, слабо махнул рукой и прошептал одними губами:

— Мяу.

Он не хотел, чтобы кто-то еще узнал наш секрет.

Больше Клоуна я не видел. Говорили, он куда-то уехал из города. Дверь покрасили, и она стала, как все. И смеяться мне с тех пор расхотелось, даже когда всем другим было весело. Зато волшебное слово, подаренное Клоуном, я храню до сих пор. Своим недоброжелателям я говорю: «Мяу», — и они больше не беспокоят меня. Хотя большинство знакомых считают меня странным человеком. Ведь они, если что не так, привыкли говорить: «Гав!».

КОГДА УМИРАЮТ ДЕРЕВЬЯ

Витек, щуплый мальчуган двенадцати лет, сидел в углу комнаты с учебником и прислушивался к разговору взрослых. За столом расположились трое: здоровяк дядя Толя с абсолютно лысой головой, маленький и вертлявый дядя Коля, молчаливый Отец — лесозаготовитель и с недавних пор староста. Прежний погиб, как всегда, придавило деревом. Взрослые выпивали по поводу того, что последний грузовик невредимым добрался из Города, привез водку и забрал лес. Из-за лесоповала это случается нечасто. Помятые машины даже не убирают, они стоят вдоль дороги как памятники погибшим, ржавеют и разваливаются.

Собутыльники, как всегда, жаловались на судьбу. Из их компании осталось только трое, остальные погибли из-за падающих деревьев. За окном послышался скрип — и все замерли.

— Разве это жи-и-изнь, — противно взвыл дядя Коля.

— Тише ты, — испуганно глянул на дверь отец. — Хорошо, тут все свои...

Отец очень боялся, что их обвинят в «подрыве устоев» и переселят на более опасное место. Так бывало, если от соседей поступала жалоба в Город, в Лесное управление.

— Как жить, как жить, если все время думаешь только об одном: кто из нас следующий. А? — продолжал дядя Коля и бил кулачком по здоровой лысине молчавшего приятеля. — Понимаешь ты это, дубина стоеросовая? Чего улыбаешься?

Улыбка у дяди Толи была по-детски жалостливая. Витек ему сочувствовал.

Отец мрачно осушил очередной стакан. Мальчик его боялся и опять не решился сказать о своих наблюдениях.

При матери, загнанной и испуганной женщине, отец обращал на Витьку внимание, даже разговаривал с ним. После гибели жены во время общественных работ роль загнанной жертвы перешла мальчику. Гору грязной посуды после застолья тоже придется мыть ему. Хорошо, он заранее поставил в остывающую печную духовку чугунок с водой. Тепло перейдет воде, и она будет приятно греть руки.

Мысль, которой хотел поделиться Витек, была про дерево на обрыве, нависшее над домом дяди Толи. Он точно знал, что оно упадет. Как раз туда, где у окна стоит кровать. Это случится завтра или послезавтра — все зависит от ветра. Мальчик даже сон сегодня видел: дерево скрипит и медленно падает. Витек почему-то тоже в опасном доме и никак не может проснуться. «Скорей, скорей, вставай», — говорит ему голос. Дядя Толя выбегает и подхватывает могучими руками падающее дерево. Вся деревня не может тронуться с места, и богатырь держит дерево, стареет на глазах и начинает шататься, как подгнивший ствол...

Поселок, где они живут, расположен среди могучих старых деревьев, многие руками не обхватишь. Исполины с узловатыми, разлапистыми руками-ветками головой упираются в небо и вызывают священный ужас в душах жителей. Витек тоже, когда смотрит вверх, испытывает холодок в сердце. Солнечные лучи чуть пробиваются сквозь кроны, и люди научились радоваться этому полумраку. Они рассказывают детям предание, как некоторые жители, пытаясь уехать на машине из Леса, слепли от солнечных лучей и задыхались от плохого воздуха. Всем им суждено жить в Лесу и благодарить души деревьев за тот срок, который они позволяют провести на этом свете.

Витек не представлял себе, где находится «другой» свет. Может, в подземельях, начало которых приоткрывается, когда падают деревья. Под корневой системой будто бы другой мир, пахнувший сыростью и грибами. Говорят, когда-то люди уходили туда, но никто не вернулся.

Эх, если бы отец захотел слушать, Витек рассказал бы ему о своих наблюдениях. Про кошек и собак, которые заранее уходят из опасного дома. Про то, что можно рассчитать, куда упадет дерево, по его наклону. И даже приблизительно пред-

сказать день и время падения. Это зависит от ветра, который раз в месяц прилетает в лес.

— Нырок куда-то пропал у нас, — вздохнул дядя Толя со своей полуулыбкой.

Нырок — маленький песик с умными глазками, который любит ловить рыбу в ручье. Он с гордостью приносил ее в зубах хозяину, как кошка мышь.

Витек вздрогнул и решил сказать про падение дерева, но отец сердито глянул на него и прикрикнул:

— Почему не спишь? Школу хочешь завтра прогулять? А ну, мой посуду и в постель!

Дядя Толя решил, что и ему пора уходить, с трудом поднялся и зашатался, совсем как во сне под тяжестью дерева. Витек вызвался его проводить. Сосед шел, опираясь тяжелой рукой на его плечо, как на посох. Возле опасного дома мальчик стал просить:

— Дяденька, миленький, уходите из дома. Дерево ваше упадет, может даже завтра. Нырок не зря убежал.

Здоровяк удивленно посмотрел на него, потом махнул ручищей.

— А, никуда не денешься. Значит, судьба.

В школе на следующий день писали сочинение. Тема: «Если бы я был волшебником». Дарья Степановна, учительница, просила, чтобы они освободили свое воображение от цепей повседневности.

Витек подумал и написал: «Если бы я был волшебником, я бы подсказал всем жителям, как спастись от падающих деревьев. Ведь деревьям тоже жалко умирать, и они предупреждают о своей смерти. Не страшно, когда они просто жалобно скрипят. Но постепенно их голос все более хриплый и опускается все ближе к корням. Если начинают скрипеть корни, значит дерево упадет, когда прилетит ветер. Первыми

чувствуют опасность птицы — они не садятся на падающее дерево. Животные тоже не подходят к нему близко и убегают из домов, находящихся рядом с деревом. Только люди никак не хотят думать об опасности, как ни старается природа их предупредить. А ведь можно заранее подрубить корни падающего дерева с безопасной для людей стороны, чтобы никто не пострадал. Можно очистить пустыри от торчащих пней и сажать молодые деревья, чтобы Лес не умирал, и тогда не надо было бы переезжать с места на место. Можно жить дружно с деревьями и не бояться их».

Витек первым закончил сочинение. Дарья Степановна с любопытством посмотрела на него и сразу принялась читать его работу. Мальчик опустил голову и поспешил выйти из класса. Сердце его отчаянно билось.

Ветер хозяйничал в кронах деревьев, и те постанывали. Возле дома дяди Толи дерево уже хрипело у самых корней. Витек стал барабанить в дверь кулаками, потом ногой. Никого... Мальчик вырвал листок из школьной тетради в клеточку и прикрепил на двери записку: «Скорее уходите. Дерево падает». Он долго не решался уйти, боясь, что записку не заметят, но все же ушел из-за отца. Тот наверняка его потерял.

Когда Витек переступил порог дома, отец мрачно посмотрел на него. На столе лежала открытая тетрадь с сочинением.

— Что это такое, а? — свистящим шепотом начал отец.

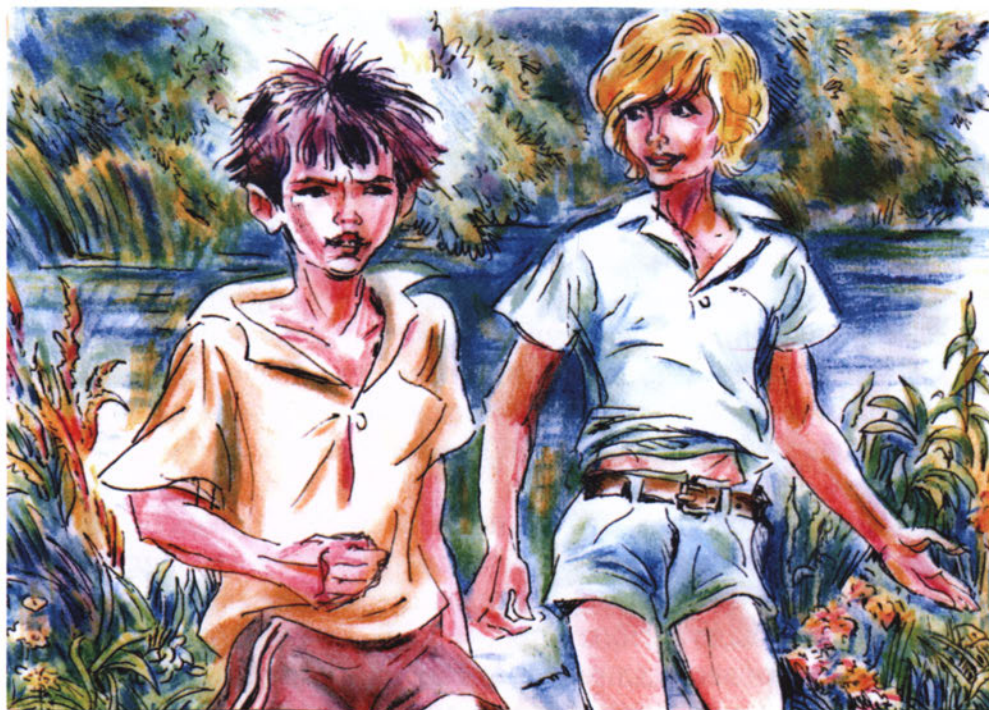
— Счастье, что Дарья Степановна к нам хорошо относится, и не отдала твою писанину куда следует. Хочешь, чтобы нас на бурелом выселили, да? Снимай штаны.

Отец хлестал мальчика ремнем, приговаривая:

— Будешь еще дурака валять, будешь?

Витек не плакал и не орал, как раньше. Отец еще больше свирепел и бил его, пока рука не устала.

Вечером поселок подняли крики. Дерево упало на дом дяди Толи.

ДОМ В ВЫСОКОЙ ТРАВЕ

Несколько раз Генке казалось, что его окликнули. Он оборачивался — никого. Опустив голову и сердито пыля кедами, Генка уходил все дальше от города.

Сначала спасало ощущение дороги: упругость земли под ногами, легкая усталость мышц, свободное дыхание. Потом отчаяние настигло его, как мутная волна в шторм. Генка резко свернул с дороги и побежал, не понимая куда. Высокие

копья травы хлестали его, легкие стали гореть от быстрого бега, но он не останавливался. Споткнулся и упал, больно ударившись. И был рад этому. Хотелось зареветь.

Земля была прохладной, она как будто дышала в такт его сердцу.

«Вот буду лежать здесь, пока не умру, — с горечью подумал Генка. — Сразу пожалеют! Мама плакать будет...»

Он вспомнил неласковый мамин взгляд, ненависть в глазах ребят, бледное лицо Вовчика, готового зареветь. Все они будто встали вокруг него. Генка всхлипнул и зарылся с головой в траву, но неприветливые лица не исчезали.

...Генка не ожидал, что так получится. Все хорошо было. Накупавшись вдоволь в речке, он с ребятами своего двора стал гонять футбол. Настроение было отличное. Еще не просохшее тело было легким и послушным. Генке удалось несколько раз обвести длиннющего Пашку. В обычной жизни тот тихоня, немного сонный, но с мячом становился быстрым и ловким. Когда менялись воротами, Пашка хлопнул Генку по плечу.

— Ну, ты сегодня даешь!..

Лучше бы не хвалил, потому что Генка сразу расклеился. Легкость исчезла, мяч стал неуловимым, а если и попадался, то летел не туда или его сразу отбирали. Генка попросился на ворота.

Он сидел на одном из камней, обозначающем штангу, и рассеянно поглядывал на игру. Вперед вырвался Вовчик. Низко опустив кудрявую голову, путаясь ногами-спичками, он гнал мяч к воротам. Генка не волновался. Стоило ли бояться такого малька. Сейчас защитники его остановят. Однако Вовчик юркнул сквозь защиту. Вот чертенок! Генка вскочил — поздно... Мяч пролетел как раз туда, где только что прохлаждался вратарь.

Забивать голы Вовчику, видимо, понравилось. Он нетерпеливо прыгал рядом, а как только мяч попадал к нему, проскальзывал к воротам и посылал его точно в левый угол.

Генкина команда стала возмущаться горе-вратарем. Генка обозлился. После третьего гола, пока игра шла на половине противника, он перенес камень-штангу чуть ближе.

Мяч опять был у Вовчика. Удар! Фу, мимо, хитрость помогла.

Тут Вовчик завопил:

— Это нечестно! Ты камень подвинул.

— Чего врешь? — прикрикнул на него Генка.

— Смотри, тут даже ямка от камня осталась! — не унимался малыш. — Почти на полшага подвинул.

Ребята подошли ближе, чтобы убедиться.

Генка и так был зол, а тут... Он толкнул Вовчика, совсем легонько, а тот упал. Как раз туда, где были мелкие камни и осколок стекла. Локоть и ногу Вовчик поранил до крови и удивленно смотрел на Генку, готовый заплакать.

Подскочил Пашка, поднял малыша, а в сторону Генки бросил:

— Ну, ты и скотина!

— Сам ты... — огрызнулся Генка, но увидел, что ребята настроены довольно решительно, и замолчал.

Генка ушел. Он бродил по берегу речки, пока не промочил ноги, потом побрел домой.

Мама склонилась над кухонной плитой. Генка хлопнул дверью, но на него не обращали внимания. Мама повернулась — и Генка не узнал ее. Она смотрела на сына как на чужого.

— Тебе надо извиниться, — сухо начала мама.

Генка буркнул:

— Нажаловались уже.

Он махнул рукой и нечаянно сшиб со стола тарелку, которая разлетелась на кусочки.

— Развоевался! — прикрикнула мама.

Генка не выдержал:

— Отстаньте вы все от меня!

Он выскочил на улицу и зашагал прочь от дома, от беды.

...Лежа в траве, Генка видел, как солнце скрылось за верхушками сосен. Они выросли на глазах темной стеной.

Генка продрог, но из-за слез не было сил подняться.

Совсем стемнело.

Генка проснулся от того, что нога разбухла, стала тяжелой. Он попробовал подняться, но не смог. Онемевшая нога не слушалась.

Вокруг шелестела трава, а небо было ослепительно чистым, будто его помыли. Раскаленный шар солнца взбирался на небосклон, а с другой стороны еще висел призрачный месяц. Генка впервые видел ночное и дневное светила вместе, будто все это понарошку, как в кукольном театре.

Кто-то с улыбкой посмотрел Генке в глаза. Легкий силуэт мелькнул и исчез. Показалось... Однако Генку охватила тревога. Он поднялся...

Среди травы брел мальчишка. Да, точно! Стройный, худой — он казался прозрачным, как стрекозиные крылья. Ветер чуть шевелил длинные волосы. Паренек обернулся и внимательно, немного грустно посмотрел на Генку. Несмотря на серьезный взгляд, лицо было таким открытым, улыбчивым, что Генка невольно улыбнулся в ответ.

Мальчишка был чуть выше Генки, в зеленой коротковатой рубашке, в выцветших, травяного цвета, шортиках, босиком. Загорелый, словно приехал с юга, только волосы светлые. Вернее, светло-зеленые, закрывающие лоб и немного глаза.

— Здравствуй, — тихо сказал он.

Генка отчетливо вспомнил, что уже слышал этот голос, похожий на шелест травы. Кажется, во сне.

Он спросил неуверенно:

— Это ты был... ночью?

— Ага, — беззаботно ответил мальчишка и пошел, посматривая через плечо на Генку, приглашая за собой. Трава цеплялась за его руки и ноги, оставляя на коже белые царапины.

Генка чуть помедлил и пошел следом.

— Ты звал... «маму», — почему-то с трудом выговорил это слово мальчишка, не останавливаясь. — И просил пить. Я дал тебе росы.

— Росы?

— Ну, да, — незнакомец повернулся и, теперь по-настоящему, засмеялся, на щеках появились ямочки, глаза посветлели. — А «мама» — это кто?

Генка резко остановился. Мысли у него смешались и внутри похолодело. Станным, даже жутковатым, был вопрос. Как это можно не знать про маму?

Мальчишка тоже остановился и не отрывал глаз от Генки. Улыбка стала настороженной и жалкой.

— Разве ты не знаешь? — растерянно начал Генка. — Где же ты живешь?

Незнакомец сморщил лоб, словно вспоминал что-то, потом распахнул руки.

— Вот.

Трава обвила его, ветер озорно растрепал волосы. Генке показалось, что мальчик слился с этой лужайкой.

Лицо у Генки, наверное, было очень глупым от удивления, потому что незнакомец засмеялся, а потом нырнул в гущу травы, как в воду.

— Смотри.

Генка лег рядом. Трава теперь была как лес. Кроны зарослей переплетались, свет чуть пробивался, будто их накрыли

колпаком. Потом травяная крыша стала переливаться разными цветами, как в калейдоскопе. Генка разглядел очертания крыльев, услышал их легкий шелест.

— Бабочки... — с радостным удивлением произнес он.

— Я тебе еще не то покажу, — услышал Генка заговорщицкий шепот, и в ухе стало щекотно от чужого дыхания.

Они осторожно поползли в джунглях травы. Вокруг сновали букашки, червячки, жуки — в самом деле суетливый большой дом в высокой траве. Остановились перед гнездом из глины и растений. Там пищали крохотные живые комочки. Один только что вылупился и вытащил свой клювик из скорлупы.

— Я думал, что птицы только на деревьях гнезда вьют, — прошептал Генка.

Мальчишка не ответил, он полз дальше.

Перед ними протянулась, казалось, на много метров, тонкая паучья сеть. На краю притаился сам паук. Он казался огромным и опасным, но мальчишка смотрел на него с хитрой улыбкой. Он травинкой легонько тронул сеть. Паук настороженно посмотрел в их сторону выпученными глазами.

— Он старый, и его трудно обмануть, — шепотом пояснил мальчишка и еще раз шевельнул паутинки.

Паук торопливо заковылял вперед, но добычи не обнаружил, остановился, удивленно пошевелил лапками. Генке даже показалось, что он погрозил им кулачком.

Раньше Генка пауков боялся...

Травяной дом закончился у небольшого озера. Над водой висел туман.

— Искупаемся, — предложил Генка.

Он чуть помедлил, не решаясь раздеваться перед незнакомцем.

Мальчишка улыбнулся, первым скинул одежду и скользнул в воду. Он плавал необычно, извиваясь как водоросли. Генка не-

сколько раз пересек озерцо, показывая свое мастерство. Вода была теплая. Про такую говорят: как парное молоко. Больше не было обид, усталости, даже чувство голода исчезло.

Потом они лежали на берегу, и солнце окутывало их теплотой как ватным одеялом.

— Ты так и не сказал, кто это «мама», — с виноватой улыбкой спросил мальчишка.

Генку опять охватило беспокойство, он не знал, что ответить.

— Ну... Мама еду готовит. Если рубашка порвалась, то зашивает. Все время заботится о тебе.

— Все время?

— Да.

— Хорошо... — задумчиво произнес мальчишка. — А это где?

Генка растерялся. Кругом незнакомый лес. В какой стороне его дом?

— Не знаю... Далеко, где я живу. Там большой город, много домов. Не таких, как здесь, из кирпича или бетона.

Ему вдруг захотелось оказаться рядом с мамой. Он почувствовал себя брошенным, забытым, слезы подступили к горлу.

Мальчишка приподнялся на локтях, заглянул Генке в лицо и улыбнулся, будто говоря: «Ну, что же ты? Все так хорошо...» И Генка улыбнулся.

— Бежим? — предложил мальчишка.

Генка бежал легко и быстро, невольно подражая мальчишке. И появлялось ощущение полета, как во сне. Правда, скоро Генка стал уставать, тяжесть тела снова навалилась на него. Мальчишка мчался уже далеко, казалось, по поверхности травы. Генка вдруг испугался, что он совсем убежит, а с ним так хорошо и просто. Как с другом. Генка попробовал еще пробежать, но не смог, бухнулся на пенек, тяжело дыша.

Мальчишка быстро и бесшумно оказался рядом, протянул ладонь с земляникой. Потом устроился удобно в траве, будто в кресле, и внимательно смотрел, как Генка ест ягоды.

— Хочешь, я открою тебе одну тайну? — не переставая улыбаться, спросил мальчишка. Он немного подождал, ожидая в Генкиных глазах ответ. Перешел на чуть слышный шепот, хотя вокруг никого не было. — Мне кажется, что я не такой, как ты. Правда, правда. Ты... никогда не исчезал?

— Как это? — не понял Генка. — Убегал из дома, что ли?

— Из дома? Может быть, — задумчиво произнес мальчишка. — Так ты знаешь? Правда, очень больно?.. Не хочется, а исчезаешь. Если не хорошо, как с тобой, как с мамой?

Слова были грустные, а мальчишка улыбался. Расспрашивать Генка не решался, хотя, честно говоря, ничего не понял. Мальчишка опустил голову, льняные волосы закрыли его лицо. Теперь Генкина очередь была утешить друга, но он не умел...

— Хочешь, мы вместе пойдем к моей маме? Я залезу на дерево и постараюсь разглядеть, где мой дом. Хочешь?

Мальчишка поднял голову, и лицо его сияло в улыбке.

— Мне и здесь хорошо. С тобой. Не уходи.

— Давай играть, — предложил Генка.

Генке не везло. Сначала он обнаружил овраг, заросший лопухами. Легко было укрыться под большими листьями, и он два раза подряд выигрывал. Один раз мальчишка остановился совсем рядом, приподнялся, выглядывая Генку, — напряглись исцарапанные ноги. Генка затаил дыхание. Нужно было дождаться, когда мальчишка уйдет подальше, потому что бегал он намного быстрее.

Только все равно чаще приходилось искать Генке. Неудачную игру он выбрал. Мальчишка так искусно прятался, что найти его среди травы было трудно. А еще уверял, что

никогда не играл в прятки. Правда, ему помогала зеленая одежда и даже волосы, он сливался с травой. Передвигался так бесшумно, что Генка несколько раз ошибался. Заметит, что шелестит трава, побежит туда — а это ветер. Мальчишка выскакивает с другой стороны и смеется. Генке стало обидно: «Выигрывает все время, так хоть бы не радовался».

Мальчишка был очень увлечен игрой и не сразу заметил его раздражения.

— Ты чего? — забеспокоился он, натолкнувшись на хмурый взгляд друга. — Хватит, да?

Генка не ответил и стал считать:

— Раз, два, три...

Лужайка была совсем безлюдной, даже ветер стих. Генка побрел наугад, со злостью пиная траву.

Мальчишка скрывался совсем рядом. Он неожиданно появился из травы и стал поддразнивать:

— А я здесь, я здесь!

— Ну, и дурак, — не выдержал Генка. И тут же пожалел об этом.

Мальчишка замер на месте, покачнулся и чуть не упал. Улыбка стала жалкой, скривилась от боли. Он стал... растворяться в воздухе.

Генка вспомнил его слова про исчезновение, у него перехватило дыхание, и он поспешно выдавил, впервые в жизни:

— Прости...

Лицо мальчишки, похожее на туманное облачко, еще дрожало в воздухе. Он улыбался.

— Я не сержусь... Так хорошо было... с тобой.

И все. Никого вокруг теперь не было. Только трава в том месте, где недавно стоял друг, покрылась каплями росы.

Генке не верилось, что это все. Он пошел по траве и даже окликнул:

— Эй! Ты где?..

Вдруг мальчишка спрятался в своем зеленом доме... Вот паутина со старым пауком, гнездо с птенцами, где теперь хлопотала мама. Генка долго искал друга, уже не веря в успех. Глаза затуманились от слез, он со злостью смахнул их.

Генка будто заново услышал слова: «Ты... никогда не исчезал?.. Правда, очень больно?.. Не хочется, а исчезаешь», — и почувствовал эту боль как свою, да так сильно, что закружилась голова. Он упал в траву и долго лежал, привыкая к тому, что больше не увидит улыбчивого друга.

Солнце стояло высоко и казалось игрушечным шариком. Генка резко поднялся, пошел к самому высокому дереву и неожиданно легко забрался почти до самой макушки. Город был далеко-далеко, переливающийся на солнце, он казался сложенным из игрушечных кубиков.

Генка решительно зашагал к дому. Туда, где мама, Вовчик, ребята.

Он боялся их потерять.

ЛЕТАТЬ В ОБЛАКАХ ПРОТИВ ВЕТРА

ЗАПИСКИ
ВЫЛУПИВШЕГОСЯ
ИЗ СКОРЛУПЫ

— Эй, Рамиль! Или как тебя? Рахиль! Что там тебе мамочка привезла?

Мальчишку на самом деле звали Равиль. Степчик и Михась выхватили у него коробку с гостинцами и стали всем раздавать, приговаривая:

— Мамочка тебя не учила, что надо делиться? Ах, как нехорошо.

Равиль был нежный и застенчивый, как девочка. Но объектом для насмешек он стал не из-за этого. Нашему отряду поменяли водителя. Вместо спортивного и веселого Андрея

Ивановича подсунули студентку, которая не справлялась со старшим отрядом. Она была вполне симпатичная, косы красиво уложены, как у дамы, но мы все равно ее возненавидели. И заодно Равиля, про которого она сказала:

— Его семья недавно переехала в наш город. Думаю, вы станете ему друзьями, поможете приспособиться к жизни.

— Ага, поможем! — с угрозой сказал крепыш Михась.

Все засмеялись. И с этого момента весь отряд жил придумыванием издевок над Равилем. Тем более, что невыносимо было смотреть, как первый отряд под руководством Андрея Ивановича проводит туристские соревнования, играет в футбол и часто смеется над его шутками. А мы изнывали от скуки и смеялись только над Равилем.

Видя это, вожатая Татьяна Степановна (ее прозвали Степанидой) решила поговорить со мной как с положительным, на ее взгляд, мальчиком. Она просила повлиять на ребят и закончила словами:

— Надеюсь, этот разговор останется между нами.

Если бы она только знала, что для меня пойти против всех — самое страшное. Я старательно изучал повадки ребят в школе и во дворе, чтобы не быть белой вороной, как Равиль, не отличаться. После разговора со Степанидой я выскочил из палаты на улицу, где меня ждали пацаны, стал захлеб пересказывать разговор. Поднял голову — и увидел в окне грустную Степаниду.

В наказание за плохое поведение нас не взяли в общелагерный поход с ночевкой.

В тот день плачущего Равиля привели к крапиве у забора, заставили раздеться и лезть в жгучие заросли.

Это была подлость. И я был подлец. Даже сейчас при воспоминании об этом горит лицо.

Я тогда сделал открытие: если записать мучающую тебя историю, то боль проходит. Исписанные случайные листочки

я стал рассовывать в ящики письменного стола. Можно было, конечно, просто рвать их на клочки и выбрасывать, но я опасался: вдруг тогда не будет спасительного эффекта.

Спустя много лет я достал обувную коробку, перевязанную бельевой веревкой, куда однажды перекочевали записки, и решил их перечитать.

1.

Что я могу в этой жизни? Каждое утро плестись в школу, как велят взрослые. Ходить в кино, если мать даст денег. Что еще? Вокруг много дорог, которые ведут в неизвестность, но на них расставлены таблички: «Нельзя. Не дорос еще». Я бешусь от беспомощности, но плетусь по разрешенному пути, смиренно опустив голову.

— Ты, конечно, не против сходить к тете Марине и дяде Коле? Они все время вспоминают о тебе.

Их сын погиб в детском возрасте. Жалко, конечно, но тяжело приходится в квартиру, где книжки, игры, одежда напоминают о том, кого нет. Для них время остановилось. Мы пьем чай с пирожками, приготовленными тетей Мариной, и играем с дядей Колей в шахматы. Говорят, в шахматах проявляется характер. У меня не хватает терпения, чтобы подолгу продумывать ходы, я импровизирую. Из-за этого дядя Коля легко обыгрывал меня и жертвовал фигурой, чтобы уравнять шансы. Сейчас я его обыгрываю. Старость. Дядя Коля растерянно смотрит на доску: неужели мат? Мама просит, чтобы я поддавался, не огорчал старика. С шифоньера следит за мной кот Базилио. Это я так прозвал его за огромный размер, вообще-то он Фунтик. Кот предан своим хозяевам и готов защищать их, как собака. Сделаешь неосторожное движение, он начинает шипеть и изгибать спину к атаке. Несмотря на почтенный возраст, кот лихо прыгает со шкафа

на плечи дяде Коле, когда тот командует: «Фунтик!». Дядя Коля не устает из года в год показывать этот фокус. Когда старики умрут, Базилио, наверняка, сядет на их могилу и превратится в памятник.

Я с тревогой думаю о том, что и мне придется повзрослеть, затем постареть. Трудно представить, как это произойдет. Кажется, есть два мира: взрослые и дети с невидимой границей. Переступил — и стал дяденькой, можешь сам определять свою судьбу.

Пока первый и единственный самостоятельный поступок — переход в другую школу, в класс с математическим уклоном. Я сам нашел ее, договорился о переводе, хотя директор бывшей школы не хотел отдавать документы. Он звонил и возмущался, что переманивают лучших учеников, будущих медалистов.

Дорога в новую школу занимает тридцать минут, но я преодолеваю это расстояние быстрее, чем прежние пять минут. Это мое открытие: радостная дорога короче грустной. Я решительно распрощался с прошлым, как судно очищается после долгого пути от наростов, которые тянут вниз и мешают плыть. Будь моя воля, я бы почаще менял жизнь, как старую одежду.

*Я куколка. Я гусеница.
Я бабочка. Не то. Не то.
Одно лицо, и разны лица.
Я три лица, и я никто.
Я точка. Нить. Черта. Яичко.
Я семечко. Я мысль. Зерно...*

Это Бальмонт. Вроде они с Блоком были соперники, а сейчас стоят рядом на библиотечной полке. Я искал Блока, которым просто болею, открыл наугад Бальмонта и нашел эти строки. Надо собрать книгу про состояние перехода в нашем возрасте, чтобы легче преодолевать мучительное состояние гусеницы и куколки, готовиться взлететь.

Я читаю запоем все подряд. Это старомодная болезнь прошлого века. Вроде чумы, от которой человечество излечи-

лось. От чтения тоже, а я заразился. Обнаружив первые признаки книжной болезни, мама привела меня в библиотеку. Доброжелательная тетенька подвела к полке, где стояли книги для дошкольников. Увидев тонкие книжонки с картинками, я оскорбился и чуть не заплакал.

Мама объяснила:

— Это он давно прочитал. Нельзя ли повзрослее.

Так я получил право выбора. Теперь я знаю, что такое счастье.

Самым страшным наказанием для меня тогда был мамин запрет читать целый день. Пострашнее угрозы: «Не пойдешь играть в футбол». Правда, мама от этого наказания скоро отказалась. Я запирался в ванную комнату, якобы помыться, включал воду и доставал припрятанную книгу. Под шум воды читать было еще лучше, будто плывешь на корабле. Прознав причину моей чистоплотности, мама стала придумывать другие наказания.

Из-за книг я полюбил болеть. За какую-нибудь неделю, лежа в постели, мог прочитать шесть томов Антона Павловича и открыть, что он не только смешные рассказы писал, но и серьезные повести, например «Дуэль». Потрясла она меня верой в то, что даже самый никудышный человек может переродиться. Значит, и я не безнадежен. Главный герой мне был гораздо симпатичнее праведника доктора.

Еще я сделал открытие, что герои книг могут быть друзьями не хуже настоящих, которых у меня нет. Кроме Димона. А литературных сколько хочешь: Сережа из «Судьбы барабанщика» Гайдара, мальчик из «Последнего дюйма» Олдриджа, Овод из повести Войнич, Данко Горького, грустный Фонащик из «Маленького принца» Экзюпери... В общем много.

В недалеком прошлом, в старой школе осталось неприятное прозвище «Монашка». Это из-за того, что я не матерился и морщился, когда при мне через слово умудрялись вставлять

бренные слова. Все дело в моем воображении: оно рисовало соответствующие матерному выражению картины, где извращенный секс, надругательство над матерями. Может быть, и название «мат» происходит от «матери»? Особенно мерзко это слышать от какого-нибудь малька лет девяти. Если бы не мое непотворение злу насилем, напинал бы ему. В новом классе почти не матерятся. Если только сгоряча или по необходимости.

*А мир светлячков нахлынет,
И прошлое в нем потонет...*

Это Лорка. Федерико Гарсиа. Что-то у меня поэтическое настроение. Не к добру.

Уходит в прошлое мой бывший одноклассник и друг Димон. Мать пристроила его в колледж, где делают мебель. Ему понравилось. Он уже починил у нас дома стулья, которые шатались всю жизнь, но их не выбрасывали. Может, я сделал ошибку, что не пошел в химико-технологический? Может, прав отец — нужно быть практичным? Это — граница детства и взрослости?

В детстве — мучительное бессилие, когда я подтягивал Димона по математике накануне экзамена. Он — тупой. Я сто раз объяснял простейшие основы тригонометрии.

— Понял?

— Нет.

Довел приятеля до слез. Это так противно — видеть мутные слезы у парня. Но и мне было не легче.

Димон получил тройку на выпускном экзамене, и я был счастлив, по-моему, больше, чем он.

Мой приятель был еще знаменателен тем, что его все время останавливала милиция. За лохматые волосы, цепочки

на штанах и куртке, за потрясающую независимость. За «а че» в ответ на вопросы и замечания. Про таких взрослые говорят: «Он ведет себя вызывающе». Я так не могу. Мне бы притаиться, чтобы меня не трогали. Так вот, увидев Димона, патрульная машина всегда останавливалась. Говорить о законах с их защитниками бесполезно, нарвешься на неприятности. В лучшем случае задержат, а то дадут по голове, как прежнему однокласснику Ваньке. Он долго отходил и стал неестественно добродушным с тех пор. Димона спасала моя мирная тактика и положительный вид. Но если меня не было рядом, он оказывался в милиции. Матери приходилось его вытаскивать, бросая все дела. Она боялась за судьбу строптивого сыночка.

Уход от драк методом заговаривания зубов я открыл довольно рано. Шел как-то поздно вечером к дому через пустырь, чтобы сократить путь. Вдруг выдвинулась тень. Парень чуть постарше попросил закурить, а у меня не было. «Не курю» его не устроило. Он стал нарываться на конфликт, распаляя себя для драки. Я наивно, как бы не понимая, куда он клонит, дружелюбно поддерживал разговор. Перешли на звезды — это мой конек. Под рассуждения о том, что, может быть, видимые галактики уже не существуют, ведь свет от них идет к нам миллионы лет, парень довел меня до дома и на прощание сказал.

— У тебя «Б», а я в «Г» живу, меня все знают. Я — Акскал. Обращайся если что.

Он крепко пожал руку на прощание.

Я считаю это не трусостью, а уходом от бессмысленности и унижительности драк. Однажды я попробовал, когда завязалась коллективная драка во дворе. Почему-то она продолжалась долго, наверное, из-за того, что мы не били друг друга по морде, а боролись, кто кого. Стало темнеть, я не заметил в пылу, что все разошлись. Мы продолжали барахтаться

с парнем по прозвищу «Бомба». Когда заметили, что вокруг никого, сели в оторопении.

— Ты чего со мной сцепился?

— Не знаю. Сказали «бей их» — я и бил.

Засмеялись. Лень было вставать. Охватила усталость от долгой борьбы. Звездное полотно развернулось над нами. Красиво. В каждой точке — бесконечность, миллиарды звезд, мы по сравнению с ней даже не букашки, а вообще ничто.

*Открылась бездна, звезд полна.
Звездам нет счета, бездне — дна.*

Кажется, так у Ломоносова. Интересно, с каких времен мальчишки стали смотреть на звезды? Может, это было всегда? А с возрастом у большинства проходит?

Смуглое круглое лицо Бомбы показалось вполне дружеским.

— Тебя как зовут по-настоящему? — спросил я.

— Витя.

Наша дружба продолжалась недолго, разные миры развели нас, но это не важно. На свете стало немного меньше вражды.

В старой школе не раз возникали поводы для мордобоя. К примеру, слышался клич: «Новичок дерется!» Сбегались пацаны разного возраста и накидывались на парня, которого злая судьба занесла в наше образовательное заведение. Много желающих безнаказанно потренироваться на живой «груше». Пока появится кто-то из учителей, у новичка кровь уже хлещет из носа. Одноклассники миролюбиво объясняют: «Зато больше не тронут. Ты теперь свой». Я не бил, хотя поначалу хотелось перестать «быть слабаком», отличаться от других.

Полудрака была с огромным и толстым одноклассником Валеркой, но это совсем в детстве. Его дразнили и задевали. Однажды он расвирепел, как бык на корриде, и выбрал в жертву почему-то меня, хотя я в травле не участвовал. Он ударил меня кулаком в щеку. Все сгрудились в ожидании спектакля — поединка гнома с великаном. Это было униЗИтельно вдвойне — оказаться гладиатором на школьной арене. Я не ударил, ушел неотомщенным.

Один раз я был на стороне того, кто может ударить в решительную минуту. Это был Никита, мой бывший одноклассник.

До четырнадцати лет он был ничем не примечателен, пока не столкнулся с Жанной. Противней девчонку трудно себя представить. Прыщавая, неуклюжая, она самоутверждалась тем, что придиралась и к одноклассникам, и к парням. В тот день Жанка стала говорить гадости про Ксюшу. Ее бойфренд Костян молчал, зная, чем может закончиться заступничество. Неожиданно выступил Никита:

— Может, хватит, Жанна.

Вот и все, что сказал. Эта кикимора так разозлилась, что плюнула Никите в лицо. Он вытерся рукавом, сказал:

— Какая же ты гадина.

И дал ей в лоб.

Жанка пролетела не меньше метра и села, растерянно осматриваясь по сторонам. Потом она взревела и побежала звонить мамаше-предпринимательнице. Та примчалась на иномарке, похожей на танк, потащила дочурку к директору. Скоро стало известно, что она угрожает всех засудить, если родители Никиты не заплатят за оскорбление двести тысяч рублей. Папа у Никиты хоть и военный, но очень мирный человек, был готов уступить. Мама, невысокого роста, чуть полноватая, оказалась более боевой, она встала на сторону сына и платить отказалась.

Приехала инспектор по делам несовершеннолетних в милицейской форме. К чести класса, все встали на сторону Никиты и говорили, какая Жанка непорядочная, это она оскорбила Никиту. Инспектор грозила всех поставить на учет в милицию, но поскольку четырнадцать исполнилось только Никите, сосредоточилась на нем. Учителя уговаривали его родителей пойти на компромисс, но Никита пригрозил, что уйдет из дома. До суда не дошло, но парня поставили на учет как представляющего опасность для общества.

Я до сих пор восхищаюсь Никитой, хотя сам бы так не смог. Наверное, утерся и сказал, хотя еще не читал Достоев-

ского: «Вам когда-нибудь будет стыдно, Жанна». Черта с два ей станет стыдно!

Еду на автобусе по окраине города. С болота вспорхнула утка и полетела за нами. Наверное, она приняла автобус за птицу и решила посоревноваться, отчаянно махая крыльями. «Дура, устанешь же, пари в воздухе», — мысленно посовето-

вал я. Спихватился. Совсем спятил, утку учу летать, а сам едва вылез из защитной скорлупы детства. Долго долбил ее, вылез наружу — нелепый, беспомощный. «Эй, люди, я хочу быть нужным! Любимым». Молчание. У всех свои заботы. Обратно в скорлупу не залезешь. И нет сил, чтобы взмахнуть крыльями и полететь.

2.

Как хорошо я жил до тринадцати лет. Вместо подруги — футбольный мяч. Это увлечение было на втором месте после книг. Даже сейчас при воспоминании о мяче я испытываю радость, как от встречи с товарищем. Я мог гонять мяч целыми днями — это была территория свободы и беззаботности. Забить гол — высшее счастье. Если не собиралась команда, я вытаскивал Димона, чтобы постоял за вратаря. Не было его — один бил в ворота, воображая полный стадион игроков и зрителей. Играл до изнеможения. Приходил домой — и валился в постель в обнимку с мячом. Никаких сигарет, выпивки, девчонок не надо.

Отец пытался направить мою страсть в привычное русло — отвел в секцию. Я выдержал чуть больше недели. Мне хотелось играть, а не тренироваться. Достижения в будущем совершенно не грели.

Все закончилось само собой. В тринадцать лет я поехал в летний лагерь вместе с Димоном. Там тоже был футбол, но еще на меня стали обращать внимание девчонки. Я случайно подслушал, как они обсуждали парней из отряда:

— Димочка симпатичный, но у него футбольные ноги. А вот Алеша — это радость, а не мальчик.

Алеша — это я. Как после этого устоять? Я по голосу не узнал, кто так высоко оценил меня, поэтому с открытой улыбкой встречал взгляды всех девчонок. К концу смены три

из них считались моими подружками. Одна написала огромное письмо — на трех листах, рассказывая, как страдает из-за того, что не может каждый день, как в лагере, видеть меня. Я все откладывал с ответом, а потом решил, что поздно. Вдруг она уже не может жить без кого-нибудь другого и пишет ему длинные послания.

Любовные похождения продолжились, благодаря однокласснику Валерке, которому нужен был компаньон. Черноволосый, с пробивающимися усиками, он нравился девчонкам, несмотря на сутулость, почти горб. В подруги он выбрал круглолицую и радостную Олю из параллельного класса, а мне, за компанию, посоветовал обратить внимание на ее подругу Ларису. Пришлось часами простаивать в подъезде и изображать любовь, поддерживая разговоры ни о чем. Это называлось свиданием. Мне хотелось чего-то большего. Я все время удивлялся, почему мы должны стоять на лестнице. Неужели родители не могут пригласить нас в дом, напоить чаем. Моя мама наверняка бы так поступила. И Валеркина тоже. Она нам даже умеренную выпивку на днях рождения разрешала: «Лучше дома, чем где-нибудь в подворотне».

Наконец, Ольга однажды объявила, перейдя на шепот, что завтра у нее никого не будет. Валерка предложил устроить вечеринку с вином.

Я перерыл в доме все ящики. Мама испуганно спросила:

— Что случилось?

— Где мои чистые трусы?

Мама нервно засмеялась, потом сказала строго:

— Ты все время твердишь, что уже взрослый. А взрослые мальчики сами следят за своим нижним бельем.

Пришлось доставать трусы из грязного тряпья. Мне хотелось белые, хлопчатобумажные. Я постирал их хозяйственным мылом и просушил утюгом. Натянул полусырые, ощущение не из приятных.

Я боялся опозориться с трусами, так как мы с Валеркой надеялись на что-то вроде секса. За остальное я не волновался. К четырнадцати годам я во всех книжках перечитал соответствующие сцены. У Мопассана, о котором девочки говорят, закатывая глаза, на самом деле ничего особенного, преобладают описания раздеваний баб с невероятным количеством одежды. Самое полезное — «Тысяча и одна ночь», конечно, не детское издание, а многотомное, без сокращений. Я начал его читать на даче у родственников, приняв просто за сказки. Огромный набор способов секса меня поразил. Самое забавное, это как мужика заставили бегать, потому что его орудие не хотело готовиться к бою. А он провалился куда-то и оказался голым на улице.

Ничего особенного на нашей вечеринке не произошло. Пока решались, тянули с началом, раньше времени пришла мать Ольги, устроила скандал, увидев нас и бутылку из-под вина.

А с сексом надо что-то решать. Трудно отмалчиваться, когда рассказывают, кто, кого и сколько. Так получается, что почему-то не нравятся те девчонки, которым нравишься ты. Вот Лариса. Молча смотрит влюбленными глазами, когда я рядом. И на все была готова на той вечеринке, я чувствовал. Но когда любовь легко достается, не дорожишь ею. Тянет на подвиги, ждешь даму сердца, завоеванную в трудной битве. Правда, с красивыми девчонками скучно. Интересно с толстухой-соседкой Светкой, но это за любовь не считается. Мы с ней обсуждаем книги, всяческие ситуации. Надо с кем-то гулять по-настоящему, с долгими поцелуями. Иначе прослышешь голубым. Мне по большому счету все равно, кто кого любит. Но об этом нельзя говорить вслух даже близкому другу. Не отмоешься.

Я недавно был в Москве у родственников. Не понравилось метро, может, из-за замкнутости пространства. Неприятно,

когда в любой момент нельзя выйти. Я старался бродяжничать пешком, в крайнем случае — на неторопливом троллейбусе. Пути-дороги привели к памятнику Пушкину. Я присел на скамейку отдохнуть. Подсел молодой мужик, с толстыми ляжками.

— Ты из Москвы?.. Нет? Значит из Киева?

— Почему из Киева?

— В Москве и в Киеве самые симпатичные мальчики.

Я начал догадываться, что он клеится ко мне, но не знал, какую выбрать тактику, чтобы отвязался.

— Пойдем в гости, я тут недалеко живу. Ты ведь понимаешь меня?

Я решил прикинуться наивным простачком.

— Нет, не понимаю... У нас тут сбор группы, сейчас руководитель подойдет. Я не могу.

— Ну, как знаешь.

Мужик, косолапя, пошел прочь. Страх прошел. Осталась презрительная жалость.

Я понял, что наступает возраст, когда в тебе зреет любовь. Она переполняет, и ты готов ею поделиться со многими. Я недолго был влюблен в продавщицу книжного магазина. Ее чуть округлое лицо с гладко зачесанными назад волосами было всегда приветливо, во всяком случае, ко мне. Я часто интересовался новинками, вступал в разговор. Но однажды я зашел в магазин, а она, не обратив внимания, грызла семечки. Это настолько разрушило образ, который я любил, что я поспешил уйти. С тех пор, заходя за книгами, я старался не встречаться с ней глазами.

От таких, вроде бы незначительных историй на душе остаются шрамы, как на теле. Иногда чуть заметные, иногда значительные, болезненные.

Я, совсем малышом, участвовал в школьном концерте, читал стихотворение Маршака «Про одного ученика и шесть

единиц». Может, от скуки, может, всерьез, на меня обратили внимание старшеклассники — юноша и девушка. Девушка руководила хореографическим кружком в дворовом клубе. Под песню «В серебряном платье березка стоит...» ее девочкиплыли по сцене и разводили ручками. Она мне предлагала танцевать вместе с ними. Я представил, как будут веселиться мои одноклассники — и решительно отказался. А юноша, Игнат, подбрасывал меня так высоко, что возникало ощущение полета. Еще серьезно беседовал, как с равным. Я в ожидании своего выхода перебегал от девушки к Игнату, ему это не понравилось.

— Слушай, ты уж выбери, кто твой друг.

Я растерянно переводил взгляд от одного к другой, выбирать не хотелось. Наконец, как в пропасть, шагнул к девушке. Это как-то случайно получилось. Она победно засмеялась, а Игнат отвернулся и с тех пор меня не замечал. Вроде бы ну и что! Он сам был не прав, поставив перед выбором. Но я долго чувствовал себя предателем мужского товарищества. Прошло столько лет, а шрам болит. Почему детство считается беззаботной порой?

Кстати, с тех пор терпеть не могу ультиматумы.

Женщин до конца понять невозможно. Вот Валя — вполне симпатичная бывшая одноклассница, но большое родимое пятно на щеке мешает воспринимать ее больше, чем подружку. Однажды она спросила: «Я хорошая?». От растерянности я долго молчал, потом как бы пошутил: «Нет, ты ОЧЕНЬ плохая». Валя с тех пор со мной не разговаривает. А парни бы вместе посмеялись — и все.

Другая бывшая одноклассница, Лиза, повзрослела и подурнела, когда согласилась жить как жена с нашим второгодником. Ну, совсем в тетку какую-то превратилась. А была такая недотрога, с длинной косой. Переросток Серега защи-

щал меня, потому что сидел рядом на контрольных по математике. Приходилось решать два варианта. Однажды разговорились с ним, может ли он убить человека. Серега сказал: «Запросто. Нож входит в тело, как в масло». Я поверил, что может. Жутковато. Многие ребята в нашем районе ходят с ножами. Вспомнил строчки из Гарсиа Лорки: «И куда не пойдешь — всюду нож».

Смерть вообще неприятная штука. Бежал человек через дорогу, сбила машина — и это уже просто мешок костей. Смерть вроде игры в офицерскую рулетку: осечка или пуля. Как-то я чуть не нанизал себя, как на шампур, на острый прут забора, когда лез без билета на футбольный матч. Однажды в летнем лагере пришлось плыть, хотя я кое-как умел держаться на воде. Это из-за того, что отец, когда мне было лет шесть, решил учить плавать народным способом: бросил на глубине. Я вместо того, чтобы бороться за жизнь, с испуганной улыбкой пошел на дно. С тех пор тело боится воды, мне больших усилий стоит удерживаться на поверхности. Так вот, в лагере, пока не было взрослых рядом, зато наблюдали девчонки, мальчишки моего отряда решили переплыть речку. Я не мог признаться, что не умею плавать. Вроде противоположный берег недалеко, решил плыть. На середине почувствовал, что силы оставляют меня. Возвращаться обратно — такое же расстояние. Хотелось крикнуть: «Тону, спасите!» Но не смог. Решил плыть дальше, сколько выдержу. Невероятными усилиями продвинулся еще вперед. Только решил, что буду тонуть, как почувствовал под ногами дно. Обратно побежал через мостик.

Сколько раз я был на волоске от смерти, не сосчитать.

А вот Сашка, мой бывший одноклассник, напился и в темноте не смог выбраться из небольшого болотца в парке культуры и отдыха. Я представил себя на его месте, как теряешь ориентир, кругом вода. Куда идти?.. Его нашли недалеко от

берега, поседевшего от страха. Ребята, с которыми он пил, оставили его. Потом поднимали стаканы с дешевой водкой за помин души. И я пил, хотя смотреть на этих пацанов, оставивших приятеля подыхать, было противно. Я не решился сказать им этого, промолчал.

Любовь и смерть — вот, пожалуй, главные проблемы в нашем возрасте. К такому выводу я прихожу. В четырнадцать лет у меня были романтические отношения с взрослой девушкой Натальей, музыкальным работником в лагере. Это на следующий год я еще раз поехал в надежде на любовь старых

подруг. Они не обращали на меня внимания, не восхищались моей стройной фигурой, как прежде. Я вытянулся и стал тощий, как узник концлагеря. Наталья обращала, несмотря на разницу в возрасте. У нее были две косы, вьющаяся прядь волос на лбу и такая развитая грудь, что хотелось ее потрогать. Наталья играла на баяне и пела красивым грудным голосом. Мне нравилась незнакомая песня «Сплин ты мой милый...». Наталья иногда пела ее специально для меня и играла со мной в любовь. А я ей дарил свои стихи, которые щедро выливались на бумагу. Когда разъезжались по домам, Наталья написала мне записку с адресом и объяснила: «Приходи в субботу, если будет хорошая погода. Родители уедут на дачу». Трусы постирать время было, но случилась другая неприятность. Когда я вышел на улицу, погода была хорошая. Подошел к ее дому — начался дождь. Я не знал, что делать. Успели родители уехать или нет, не известно. Не судьба. Вернулся, написал стихи о пропавшей любви, отослал. Больше не пошел, хоть Наталья младшую сестру ко мне подослала. Та с ухмылкой передала записку. Зря старалась.

3.

Мне пришла в голову мысль, что мы постепенно готовим себя к любви, иногда странным образом. Лет в одиннадцать, уж не помню, кто первый, уронил ручку, наклонился за ней, увидел под юбкой девчачьи трусики и сказал: «О-о-о!». Началась эпидемия. Все мальчишки стали ронять линейки, карандаши, учебники. Девчонки оказались беззащитны от нашего любопытства. Мне поручили записывать тех, кто уже осмотрен, чтобы не запутаться. Очередь дошла до учительниц. Ха-ха-ха!

Главная территория свободы для меня в этой жизни — книги. Но добывать новые все трудней. Не могу читать их

в электронном виде, не будят воображение, в отличие от печатных страниц. В специализированных библиотеках для нашего возраста я все прочитал. Беда. Я рыскал, как голодный в поисках жратвы, пока не сумел записаться во взрослую библиотеку. Настоящее ошаление я испытал от «Идиота» Достоевского. Я как раз повторял про себя: «Идиот, идиот, я — идиот». И вдруг книга с таким названием. Не мог уснуть, пока не прочитал. Утром проснулся, пропуская через себя всю жизнь князя Мышкина. Тронула история с мальчишками, с которыми он познакомился во время лечения. И как он ответил на пощечину от Иволгина: «Вам будет стыдно». Если бы я раньше прочитал, то так бы ответил ударившему меня толстяку Валерке. Наверняка Достоевского били в детстве, вот он и придумал эту сцену с Мышкиным, чтобы избавиться от детского унижения.

История с Аглаей и Настасьей Филипповной — тоже про меня. И мне пришлось выбирать между двумя девчонками, как Мышкину. Из-за Светки. Ей в принципе все равно, с кем я встречаюсь, но прочитав стихи моей новой знакомой Илоны, она сказала: «Выбирай, или я, или она».

Все началось с того, что на уроке литературы Инна Макаровна со вздохом сказала:

— Трагедия. В каком-то веке проходит городской конкурс юных литераторов, а в нашей школе они не обнаруживаются. Компьютеры убили живую человеческую речь.

— Так Кириленко стихи пишет, — сообщила Кислицина.

Вот дура. Мы учились вместе в старой школе, и я ей подарил один стих, что-то на меня нашло. Она теперь меня заложила. Дело даже не в учительнице. Весь класс хохотал. Ко мне могло прилепиться прозвище «поэт». Это не лучше, чем «монашка».

— Кириленко, я как чувствовала, что вы — творческий человек, — обрадовалась Инна Макаровна.

Я объяснил учительнице и доброжелательной публике, что да, был грех, писал по молодости, но ничего не сохранилось. Все раздал людям.

— Я храню, — опять вылезла Кислицина. — Я принесу.

Так я стал участником городского конкурса. Пришлось выходить на сцену и бубнить идиотские строчки. Помню только:

*«Ты не принцесса. В самом деле.
Хоть неприступна и горда.
Картошку жарить не умели
Принцессы.
А твоя вку-усная была».*

От позора спасало только то, что идиотов, как я, набралось много. И произведения были еще глупее. Поэтому я получил специальный приз жюри за поиск в стихотворном творчестве. Диплом забрала Инна Макаровна. Она понимала, что до школы я бы его не донес.

Когда все расходились, меня прижала в углу девчонка в очках и с необычной челкой, прикрывающей лоб.

— Я — Илона.

— Привет.

— Ты — настоящий талант.

— Ты тоже, — вежливо ответил я, прикидывая, как вырваться на волю.

Илона перегородила проход руками. Толкаться вроде неплохо.

— Я решила, что мы созданы друг для друга, а у меня хорошо развита интуиция. Я — твоя Муза, а ты — мой Парис. У тебя есть еще что-нибудь почитать?

— Да нет. Все раздал друзьям.

— Это ничего. Так даже лучше. Мы будем читать новые стихи вслух. При свечах.

Илона счастливо засмеялась.

— Знаешь, я в ближайшее время очень занят. Вот, возьми.

Я с радостью протянул ей мятый листок со стихотворением, аккуратно переписанным Кислициной.

Илона приветливо засмеялась и протянула мне тетрадь.

— Это тебе. Почитать, конечно. Насовсем не могу, это все, что у меня есть. Доверяю тебе всю себя.

— Может, не надо...

— Ну, что ты, — кокетливо улыбнулась поэтесса. — Ты прочитаешь меня, как книгу. И поймешь, что я права. Мы — как два полюса магнита. Должны быть вместе.

Добравшись домой, я залез в ванну и долго отмокал от впечатлений. Это была иная жизнь, незнакомая мне, странная. Илона мне теперь не казалась неприятно навязчивой, а даже милой.

Я открыл ее тетрадь. Странные стихи, по-настоящему девчачьи. Их переполняло желание любить и быть любимой при свете оплывавших свеч, под тихие переборы гитары.

С дуру я понес тетрадку Светке. Она почитала... Я никогда не видел ее такой злой.

— И это тебе может нравиться? Ты, у которого любимый поэт Блок, можешь всерьез читать эти бабские всхлипывания?!

Я еле спас тетрадь от уничтожения.

— Так. Выбирай, или я, или она.

Я не выдержал. Со Светкой мы все-таки знакомы всю жизнь, а с Илоной — один день. Опять ультиматум! Что же они преследуют меня?

Когда я сказал моей музе, что стихи очень хорошие, но я понял, что мы не подходим друг другу, ее улыбка сменилась жалкой гримасой. Слезы беззвучно потекли под очками.

Мне стало ее жаль, но я убежал. Еще мгновение, и я бы не выдержал.

Целую неделю я избегал Светку, не хотел разговаривать с ней. Она подкараулила меня по пути в школу и грозно спросила:

— Ну-у!

— Мы с ней больше не встречаемся.

Светка потом призналась, что стала меньше уважать меня. Надо было бороться за любовь. Вот они, женщины. Добилась своего, а теперь меньше уважает. Но я уже не мог вернуться к Илоне. Глупо все, нехорошо. Это Достоевский преследует меня со своим «Идиотом». Надо жить проще.

Захлопнулась дверь в другой мир, что-то не состоялось, может быть, уже не состоится никогда.

4.

Вечеринки без взрослых и походы — это, пожалуй, еще глоток свободы в нашей жизни. Важнее уроков, это точно. Со школой мы смиряемся только потому, что можно пообщаться с ровесниками, даже если их терпеть не можешь. Надо чем-то заполнять пустоту.

В доме бывшей одноклассницы Инны мудрые родители специально уходили и оставляли нас одних, оговаривая время, когда вернутся. В благодарность к их деликатности, все происходило культурно, с играми в фанты и прочим в том же роде. Правда, и безобидные жмурки можно превратить в нечто большее. Поймал девчонку — и с завязанными глазами дольше, чем нужно, ощупываешь, даже если понятно, кто твоя добыча. А уж как девчонки нас оглаживали!.. Парни смеялись над тем, у кого при этом на брюках вырастал предательский бугорок.

Походы с ночевкой ценились еще больше. Тут надо было придумать, кто из родителей вроде бы идет с нами, чтобы отпустили. Вот родители удивились бы, если бы встретились вместе и узнали, что многие из них «путешествуют» с нами. Одно время классным руководителем у нас был химик, бывший фронтовик, он хромал. Пытаясь найти с нами общий язык, он сказал, что тоже любит походы. Нам ничего не оставалось, как согласиться. Правда, встречу мы перенесли в другое место, и со смехом смотрели через дырку в школьном заборе, как химик в одиночестве прохаживается во дворе с хозяйственной сумкой с продуктами. В поход пошли без него, воспользовавшись таким замечательным алиби. Сейчас вспоминать об этом стыдно. Химик хорошо относился ко мне, за-

нимался с небольшой группой дополнительными опытами после уроков. Я воровал из небольшой подсобки при кабинете реактивы, чтобы проводить собственные химические изыскания. Доверчивый учитель ничего не замечал. Или делал вид, что не замечает. После неудачного похода то ли он сам от нас отказался, то ли дирекция решила, что он не справляется с трудным классом, пора на пенсию.

В новой школе все было по-другому. На летние каникулы нам предложили десятидневный поход. Светка, узнав про это, добыла себе путевку, но не попала в нашу группу. И надела на меня, чтобы я пошел с ней. Я представил себе кучу чужих ребят, с которыми надо находить общий язык, да еще с подружкой-толстухой, и отказался, несмотря на уговоры. Чувствовал себя немного предателем, но она сама говорила, что надо уметь настаивать на своем. Получай. Долой ультиматумы!

Длительный поход оказался суровым испытанием из-за рюкзака, набитого съестными припасами, спальным мешком и прочим барахлом. Ох, как было тяжело переть рюкзак первые километры. Несмотря на то, что со стороны спины уложен спальник, обязательно вылезет что-нибудь угловатое. Ремни нестерпимо трут плечи. И хочется пить, пить на привале у родника. Инструктор уговаривал: «Только ополосните горло, не пейте. Плохо будет». Мало кто слушал, вот и страдали потом от жажды. А к рюкзаку он посоветовал относиться как к испытанию. Как преодолеешь, так и жить потом будешь. Я к удивлению ребят добавил в рюкзак несколько камней. На ближайшем привале убавил. Хорошо. Когда избавился от всех камней, появилось чувство полета. Придумал изобретение — надо привязывать к рюкзаку шар, надутый гелием. Почему никто не использует? Еще понял, что в груз надо выбирать продукты первой необходимости: макароны, крупу, сахар. Быстрее освободишься. Вот она — школа

жизни. Правда, инструктор стал перераспределять груз, добавляя у девчонок и добавляя пацанам.

Я открыл во время похода старомодные танцы парами — они хороши для установления любовных отношений. Можно обниматься так интимно, как позволит девушка. Если не отстраняется, значит можно рассчитывать на что-то большее.

Я полюбил дорогу, тропу, даже тяжелый рюкзак. Столько мыслей приходит в голову! Так бы и шагал, пока не повзрослеешь. Одни мамыны знакомые каждую неделю ходят в поход всей семьей с четырьмя детьми. Самого маленького несут за спиной в рюкзаке. Теперь я их понимаю.

В походе пересеклись со Светкой. Она шла со своей группой и сердито посмотрела на меня.

Правда, злость ее продолжалась недолго. Только вернулись в город, Светку, вот умора, тоже посетило чувство любви. Правда, не в парня, вроде меня, а в мужика, художественного руководителя Дома культуры, недалеко от нашего дома. Он пришел туда работать после института культуры. Светка умудрилась где-то с ним познакомиться и влюбиться. Это чувство выразалось в том, что она выследила, где живет объект ее обожания, сидела подолгу возле подъезда. Потом заставила меня идти к нему в гости и нести всякую чушь, будто я мечтаю стать режиссером и пришел посоветоваться. Разговор проходил у открытой двери, в квартиру заходить я отказался. Светка стояла под лестницей и млела от любимого голоса. Потом заставила до деталей повторить весь разговор. Светкин любимый, долговязый, сутулый и уже начинающий лысеть, вскоре встретился на улице.

— Молодой человек! Почему не заходите? У нас сейчас репетиции нового спектакля «Ромео и Джульетта» Уильяма Шекспира. Может хотите поучаствовать?

Я еле от него отвязался. Посоветовал Светке самой заглянуть в Дом культуры и поучаствовать. Например, напро-

ситься на роль Джульетты. По-моему, очень оригинально. Если откажут, согласиться на кормилицу.

Противно, когда чавкают за столом. Надо ввести урок манер. Я осваиваю их по «Книге о вкусной и здоровой пище» сталинских времен. Вывел формулу: воспитанный человек — не тот, кто не чавкает при всех, но и наедине с собой. И пользуется ножом и вилкой, когда хочется взять кусок мяса руками.

5.

Тоска. Непонятно, отчего и как от нее избавиться. Может, зайти в аптеку и спросить: «У вас есть лекарство от мучительной тоски?» Выл на пару с собакой. Она замолкла, отвернулась от меня и ушла. Не приняла за своего. Я предчувствовал тоску взросления и плакал в четырнадцать лет, когда понял, что детство кончилось. Почему нельзя сразу стать взрослым? Ни то, ни се. Граница оказалась длинной и занудной, как зубная боль. Периодически хочется покончить разом с этой тусклой мукой. Интересно взглянуть, что скажут одноклассники и учителя у моего гроба. Но потом хорошо бы снова ожить. Совсем умирать не хочется. Я понял это после самоубийства моего приятеля из новой школы — Яшки. Что на него нашло? Следовательно, противная глупая баба, сказала, что он пилил вены тупым ножом. В отчаянии, что не смог, бросился под поезд. Я теперь спокойно это место возле его дома проезжать не могу. В моем воображении сцена самоубийства прокручивается, как склеенная концами кинолента.

Что ему не жилось? С ним было интересно. Яшка открыл для меня фантастику. Я считал, что это чушь. Какой смысл читать о том, чего на самом деле нет и не будет. Яшка подобрал мне Стругацких, Лема, Бредбери, Кларка, Азимова. Я открыл новые миры, которые завораживали, как звездные

галактики. Еще Яшка поражал своей порядочностью. В старой школе мелкое воровство считалось подвигом. Например, кто-нибудь заговаривал зубы в «Детском мире», а другой брал с прилавка игрушку и уходил. Яша отказался всего-то съесть пирожок, который я взял без оплаты в столовой, чтобы продемонстрировать свою ловкость. Еще он обладал умением признавать поражение в споре. Если я приводил убедительные для него аргументы, он поднимал руки: «Все, сдаюсь». Я так не могу, буду спорить, даже если не прав. В третьем классе, например, поспорил со строгой учительницей, как пишется «Щорс». Я тогда не знал, что это исключение из правил, и упрямо твердил, что надо писать через «ё». Учительница, перед которой все трепетали, покраснела от возмущения. Я не успокоился, пока не проверил по словарю, но даже после этого не извинился.

На похороны Яши я не пошел, потому что страшно было увидеть его мертвым. Еще из-за того, что родители обвинили нас, его знакомых, в смерти. В обнаруженной ими записке девочка обратилась к нему «Падре». Отец решил, что у него от нее ребенок, но он побоялся признаться в этом. Дураки. Я сказал самоуверенной следовательнице, что, скорее, наоборот... Девчонки к нему не относились как к мужчине. Он решил как-то приспособиться и стал носить странный значок с клоуном. Отшучивался: «Я — шут». Потом я немного отдалился от него. Я редко заходил, когда Яшка звал, стал отвечать, что занят. Нельзя толкаться. Однажды шел по улице, и мне навстречу радостно бросился мальчуган. Я не мог понять, кто это, может, в лагере чем-то помог ему. Увидев мою реакцию, мальчик развернулся и убежал, чуть не плача. Вспоминаю это, и мне до сих пор не по себе. Ведь мог бы улыбнуться на всякий случай, сделать вид, что рад, а потом бы соображал, откуда мы знакомы. Правило, которое я бы вписал в кодекс подростка: «Не отталкивай того, кому

ты нужен». Бедный Яша. И бедный я, потому что поздно понял, как мне его не хватает.

6.

Ура, отец подарил мне на шестнадцатилетие компьютер. На радостях я «ВКонтакте» попробовал роль взрослого, сконструировал симпатичную фотографию отца четырех детей. Стал от его имени давать советы одноклассникам. Это что — со мной решила познакомиться наша учительница, у которой не ладилась семейная жизнь. Сидишь на уроке, она орет, что мы все дебилы. А я вспоминаю исповеди про ее романы, которые заканчиваются, когда дело доходит до замужества, и разговор про желание иметь ребенка. Поневоле становишься снисходительней к ее злобности. Она на нас срывала свою обиду на неудавшуюся жизнь.

Независимый, груда мышц, Коля спрашивал у меня «ВКонтакте»: когда лучше начать серьезные отношения с девочками и говорить ли об этом родителям. Еще переживал, что у него на лобке до сих пор нет волос, трагедия, когда приходится раздеваться в душе. Я утешал, что всему свое время, это бывает. В школе хотелось подойти к нему, хлопнуть по плечу: «Привет, старина! Как растительность? Не пробовал побрить? Говорят, помогает».

Другой парень страдает от того, что у него встает сами понимаете что в самое неподходящее время, например, когда выходит отвечать к доске. Вот почему в общественной бане не увидишь ребят моего возраста. Можно было бы посоветовать надевать обтягивающие плавки, но с ними тоже непросто. Недавно я проснулся утром, пошел в туалет — чуть в обморок не упал. Кожа на пипське раздулась, как пузырь. Неужели болезнь какая-нибудь венерическая? С чего? За что? Побежал вместо школы в кожный диспансер. Ворвался к да-

ме-венерологу, опустил штаны, было не до стеснения. Она равнодушно выписала мне рецепт, велела мазать преднизолоном.

— А скоро пройдет? — проскулил я.

Врачиха наконец-то взглянула на меня.

— Через несколько дней.

— Что это? Болезнь какая-то?

— Нет, надо ходить не в синтетических плавках, а в обычных домашних трусах, чтобы кожа не прела. А спать вообще без трусов. Человек дышит не только носом и ртом, но и кожей.

Я попробовал без трусов. Под утро приснилось, что я, как есть, голый, иду в туалет, но оказываюсь не дома, а в школе. Ребята ржут. Я готов провалиться сквозь землю. Проснулся от того, что сердце бухало и хотело вырваться из грудной клетки. Я еле удержал его двумя руками.

Есть еще одна напасть, которая выше твоей воли, — онанизм. С тремя пацанами веду переписку об этом, как взрослый. Учю их, что надо постепенно ограничивать себя: сначала раз в день, потом раз в три дня, потом раз в неделю, потому что совсем без этого, наверное, нельзя. А сам каждый раз даю слово, что в последний раз дрочу. Но член стоит даже без картинок голых баб и требует: «Ну, еще разок. Тебе ведь так хорошо». Страшно, вдруг потеряю мужскую силу. А хочется хотя бы троих деток. С ними интересно.

Вообще тело как будто не принадлежит тебе. Ты не знаешь, плохо или хорошо, то, что у тебя руки и ноги не представляют собой грудку мышц, пока кто-нибудь не скажет об этом. Могут посмеяться и за то, и за другое, и ты будешь страдать. Ты весь состоишь из мнений: нос у меня ничего, как сказала Мария; плечи «мушкетерские», как сказала Наталья. «Не лишен грациозности», — улыбнулась Тамара. И стараешься перед ней быть изящным и точным, как фехтоваль-

щик. Пальцы как у музыканта... И так далее. Я пришел к выводу, что нужно выбирать середину. Не хочу целыми днями качаться, как многие пацаны, превращаясь во что-то бесформенное, хотя видеть свои вытянутые и костлявые руки и ноги противно. Надо привыкать к тому, какой ты есть, с юмором реагировать на высказывания о тебе, особенно нелестные.

— Эй, ты, жердь с котелком! — обращается кто-нибудь из «шутников».

Оглядываешься старательно.

— Где?

— Да ты это, ты!

— Наверное, обознался.

Если бы я был грудой мышц, мне бы не снились летучие сны. Будто я разбегаюсь, отталкиваюсь от земли — и лечу. Ощущение необыкновенное, как в те моменты, когда Игнат подбрасывал высоко, а потом наступал момент свободного парения. Самое интересное, что от сна к сну я совершенствую искусство полета. Сейчас я уже могу менять высоту и скорость, чтобы оставаться незамеченным или уходить от погони. Интересно, летишь, а внизу мама идет, Димон, одноклассники. И никто не поднимет голову вверх, не смотрит в небо.

Техника полета настолько проста, что я пытался взлететь по-настоящему. Оказалось, что это просто только во сне. Но ощущения полета есть, когда прыгаешь вверх и замираешь, как в балете, куда меня водили московские родственники. Я для проверки позвал Димона, больше никому довериться. Сначала он сказал, что я окончательно рехнулся в математической школе.

— При чем тут математика? Это преодоление силы тяжести. Ты попробуй.

Может быть смотреть со стороны, как два парня прыгают вверх, смешно, но Димон в конце концов увлекся, я с трудом

его остановил. Испытания показали, что я держусь в воздухе в два раза дольше, если не в три, хотя по законам физики скорость падения тел одинакова, независимо от веса.

Димон на прощание сказал:

— Все равно ты сумасшедший. Читай поменьше.

Это я и без него знаю.

Интересно, что Игнат, когда мы познакомились в детстве, казался мне великаном. Сейчас мне столько же лет, сколько было ему. Неужели племянник Вовка пяти лет отроду в Москве также воспринимает меня? Он проникся ко мне доверием, поведал, как, подражая сериалам, целуется и ложится с соседской девочкой в постель. Как заходит в интернет, запоминая по движению пальцев пароль... Забавный он. Меня любила маленькая Яшкина сестра, Мира. Она отказывалась засыпать, пока я не расскажу ей сказку. Когда Яшкина мама нас кормила, девочка вставала сзади и запускала пальцы в мои волосы, что-то испытывая.

Хочу детей. Много.

7.

А поговорить-то не с кем... Нет, не как у Чехова. Вокруг беспрестанно болтают. Но никто не хочет всерьез выслушать и понять друг друга. Вот отец. Он умудряется мирно жить на две семьи. С матерью — без штампа в паспорте, хотя меня признал законным сыном. Он раз в неделю приходит по выходным на обед или в обычный день на поздний ужин. Несколько стопочек водки. Мне теперь тоже предлагает, как взрослому. И учит жизни, практичности. Не надо витать в облаках. Нужна профессия, а не образование. Из-за моих детских увлечений химическими опытами чуть меня не запихнули с матерью в химико-технологический колледж.

Химия меня интересовала как процесс, а не профессия. Для опытов нужны были колбы, а стоят они дорого. Я научился подпиливать цоколь электрических лампочек. Это были хорошие колбы для нагрева и перемешивания смесей, только хрупкие. Я в них даже смастерил взрывчатку на основе марганцево-кислого калия. Стал ее испытывать в ванной, когда мама легла спать. Взрыв получился не разрушительный, но частички разлетелись по стенам. Я сметал их вееником, а они взрывались. От этих микровзрывов все стены стали фиолетовыми. Отец потом ругал меня «х... — химик», потому что пришлось перекрашивать стены. Это не помещало ему к концу девятого класса попытаться определить меня в колледж. Еле отбился.

Я научился делать вид, что внимательно слушаю отца, периодически кивать головой. Спорить все равно бесполезно. Это я уже усвоил. Я вглядываюсь в его усталое от постоянных забот лицо, эти заботы врезались морщинами — на лбу, у переносицы, от носа до губ. Сквозь них я пытаюсь разглядеть черты подростка, которым он был когда-то. Почему он держит себя так, будто всегда был взрослым? Почему не расскажет, что переживал в моем возрасте? Мне это так необходимо, просто до боли. Хочется, чтобы положил руку на плечо, увел куда-нибудь от всех и сказал: «Давай поговорим». Наверное, это был бы самый важный разговор в моей жизни, самый необходимый.

Однажды отец взял меня с собой на охоту. Мне было лет одиннадцать или двенадцать. Мы ехали на служебном автобусе среди мужчин, пахнувших табаком и потом. Кроме меня было еще трое пацанов моего возраста. Наверное, их тоже решили посвятить во взрослую жизнь. В охотничьем домике мы расположились на деревянном настиле, не раздеваясь. Еда была такая грубая и невкусная, что среди ночи я побежал во двор. Сколоченный из досок со страшной дырой туалет

был далеко, и я решил устроиться прямо возле крыльца. Рано утром, с рассветом, все зашевелились.

— Что за дела! — Послышался возглас. — Кто-то из пацанов настрал прямо у крыльца.

К счастью, расследование проводить не стали, но отец строго взглянул на меня.

Мы с ним поплыли в лодке между болотных кочек. Вода противно пахла и чавкала. Не хотелось перевернуться и оказаться в ней. Отец то и дело складывал весла, замирал и палил по взлетающим уткам. Они возмущенно кричали. Лодка при выстреле отчаянно качалась, я пытался держать равновесие. Отец в итоге вытащил из воды трех подбитых уток. Уверял, что на самом деле сбил больше, только не смог найти.

— Эх, собаки не хватает. Вот была бы охота!

Он спохватился, что пора делать из меня мужчину, и предложил выстрелить из ружья. Оно было очень тяжелое, если бы отец не помогал, я бы не удержал. Утки от чужого выстрела полетели на нас и отец крикнул:

— Пали!

Я с трудом потянул на себя тугой курок. Раздался оглушительный выстрел, приклад ударил в плечо. Это было очень больно. Отец хохотал так, что лодка чуть не перевернулась.

— Раззява, надо ружье прижимать к плечу, чтобы оно с тобой было одно целое, продолжение руки. Ну, все равно, с боевым крещением.

Плечо очень болело, и я решил, что больше никогда не возьму в руки оружие. Вообще, охота не для меня. Смотреть на мертвых уток с болтающейся головой — ужасно. Отец заставил меня как начинающего охотника помогать ощипывать тушки, опаливать на огне остатки перьев. Голубоватые пупырчатые трупики, в которых виднелись дробинки, выглядели ужасно. Меня чуть не стошнило. Есть их я отказался, как родители не уговаривали.

Наверное, я стану вегетарианцем. Еще немного мяса поем для развития мозга— и брошу.

Да, мне снова хотелось побыть с отцом вдвоем...

— Пап...

— Ну?

— А ты во сколько лет влюбился в маму?

— Слушай, не говори чепухи!..

С матерью тоже не поговоришь, потому что она вечно усталая от работы и домашних будней. Я однажды, в четырнадцать лет, решил ей сказать все, что думаю о нашей непуτευой жизни — она заплакала. Больше говорить об этом я не пытался. Потом она женщина, а у меня мужской разговор. Эх, если бы отец увез меня на рыбалку или даже опять на охоту. Может, мы бы разговорились.

С ровесниками чуть лучше, но все время надо быть настороже, как разведчику, чтобы не сболтнуть лишнее, что может обернуться против тебя. Интернет — это тоже треп. Да, выслушают, поделятся своим опытом, посоветуют. Но это абстрактные личности. А захочешь встретиться — попадешь на какого-нибудь урода. Распространяется скайп, но до смешного доходит. Живем в соседних домах и общаемся по скайпу. Со Светкой — это спасение, нас реже видят вместе. Но неловко как-то — стесняться подруги из-за того, что она толстая. Отец однажды перепил лишнего, увидел Светку — и стал поздравлять, что я жду от нее ребенка. Мать замахала на него полотенцем, а я ушел в свою комнату и ржал полчаса.

Поговорить всерьез не с кем — и ты собираешь случайные встречи, мимолетные разговоры как самую богатую коллекцию.

Мужик, еще не старый, но с пролысинами, в троллейбусе вдруг заговорил со мной, готов ли я к тому, что однажды придется умереть. Он вспомнил слова Дидро: «Жизнь — это приготовление к смерти». Потом процитировал какого-то

Шмальгаузена про свое место в ряду поколений, только это придает смысл жизни и оправдывает смерть. Это философия. Я уже готов в нее окунуться, как в омут. Отгородиться от суетливой жизни. Завидую древним грекам. У них основное занятие было — беседа. У нас, конечно, не походишь в простынях и не посидишь в бочках. Диогены и Сократы редко встречаются. Вот с Яшкой можно было бы пофилософствовать...

На днях моя подшефная злючка-учительница чуть не ударила парня, который, как ей показалось, ухмылялся по ее поводу. Я как отец четверых детей долго с ней в интернете проводил психотерапию. Каждый из детей тоже приходит в школу со своими проблемами и срывает на учителях невзгоды. Хорошо бы быть взаимотерпимыми. Но кто должен показывать пример? Разве не учитель? Я рассказал ей про теорию игр. Если принять реальность за условную с определенными правилами между учителем и учениками, мы оказываемся в игровой ситуации (как я в роли ее наставника, хм, по-моему, она даже надеется на роман). На одном уроке ты превращаешься в старшекласницу, которую послали замечать учителя. На другом придумываешь что-нибудь посерьезнее. Например, предлагаешь ребятам не просто материал по биологии, а путешествие по телу, как в одном фильме, когда герой стал размером с микроб. Это уже высший пилотаж.

Трудно выйти из роли взрослого и разыгрывать из себя в реальной жизни наивного юношу. Но быть виртуальным отцом четверых детей еще трудней. Господи, пожалей подростков и взрослых, которые не могут повзрослеть! Открой в интернете для них ресурс, где можно получить ответ на все вопросы! Я не справляюсь. Устал.

Взрослые считают только свои проблемы серьезными.

Никто из них не понимает, как сложна жизнь в нашем возрасте. Ну и что, что все впереди. А сейчас каждое решение, каждый поступок, нечаянно брошенная фраза — это судьба, рай или ад. И ничего не изменишь. Не уедешь в другой город, как взрослые. Ты обречен на свою каждодневную ношу в сложившемся калейдоскопе событий, где почти никто не принадлежит себе. Каждый — кусочек стекла в случайной картинке, а иногда муха в паутине событий. Поэтому, наверное, не все выдерживают. Нужно научиться держать свой парус и руль в зависимости от ветра и волны, чтобы двигаться вперед. Вперед, даже при встречном ветре бейдевинд. Это я узнал, когда заглянул в яхт-клуб, и мне предложили пройти матросом. Самое сложное — убирать голову, когда идет гик — деревяшка, на которой крепится парус. И в жизни так. А что делать? Если вылупился из скорлупы — лети.

Мать устроила скандал, что я не смыл за собой унитаз. Может, она злится из-за того, что второй месяц не платят зарплату в больнице, где работает медсестрой? Или потому что отец давно не заходит? Не знаю, что для нее страшнее.

Пора думать о профессии. Тут отец прав. Может, двойные контрольные за себя и за того парня были виной, что я пошел в математический класс, думал, вот мое призвание: все превращать в математические схемы и формулы. Увлечение неожиданно закончилось, когда перед зачетом по матанализу я решил заниматься всю ночь, но уснул на конспектах. С трудом получил тройку. Нет, лучше философия. Меня покорили законы диалектики, особенно закон отрицания отрицания, периодическое повторение старого на новой основе, спираль. Как же так, мы ежедневно видим события, но не догадываемся, что они не совсем случайные. Почему? Откуда берется закономерность? Старик Гераклит из глубины веков шепчет:

«В одну реку нельзя войти дважды... Все течет, все изменяется...». А его почти никто не слышит. И живут себе как свиньи в загоне. В лучшем случае как муравьи. Добывают что-то и тащат, тащат в свой муравейник.

Нельзя выдавать, что ты знаешь больше других. Вообще лучше не высовываться, прикидываться простачком. Взять эту злосчастную математику. Пригласили меня в военкомат. Кроме полного медосмотра и заглядывания в задницу, было собеседование с военкомом. Узнав про математический класс, он по-отечески сказал:

— Ну, значит тебе в ракетные войска. Элита!

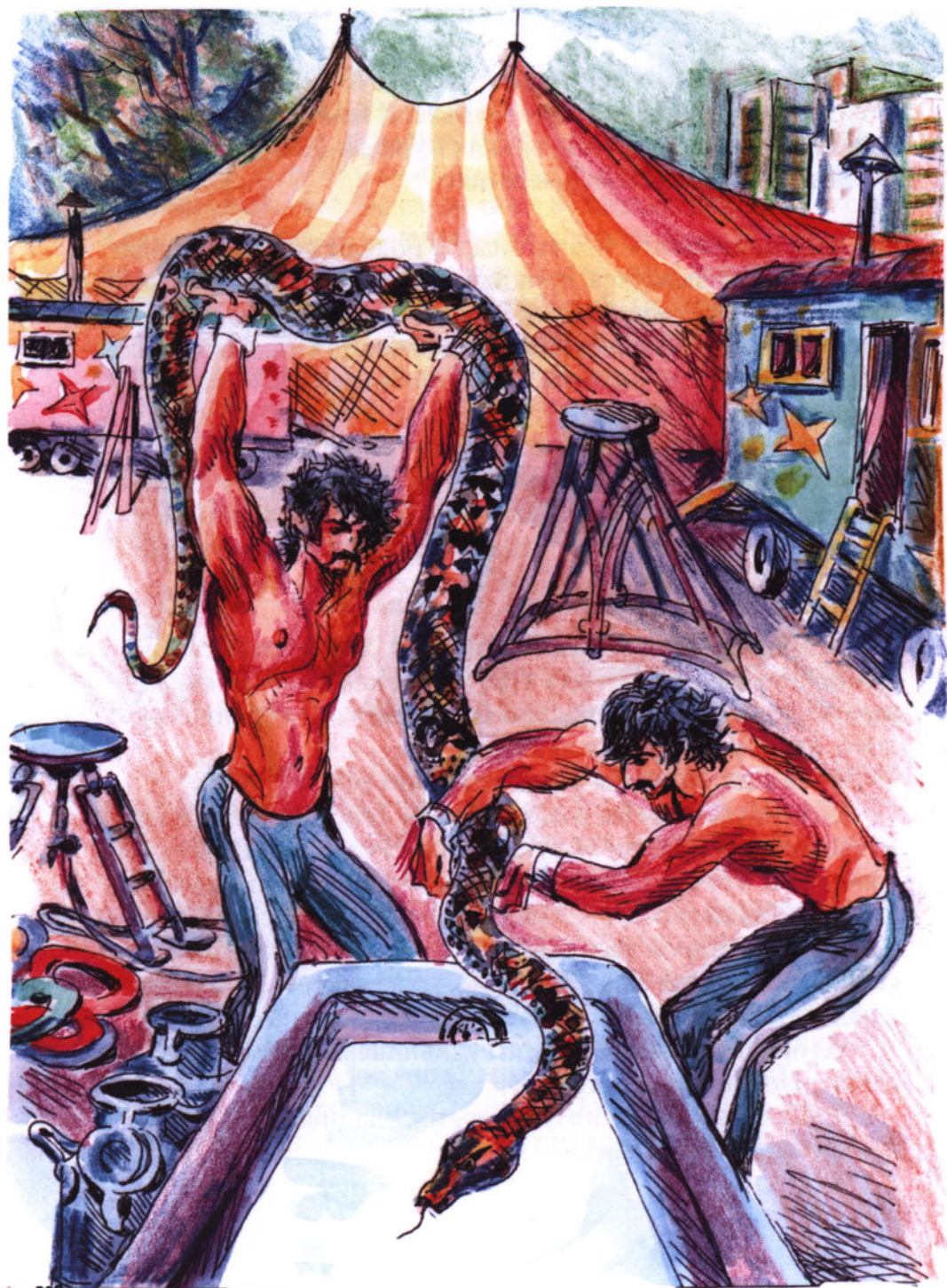
Я стал делиться радостью про элитные войска, а мне бывалые люди сказали, что солдаты там становятся лысенькими. Радиация. Вот влип! Не надо изображать из себя умного.

В город приехал передвижной цирк. Я остановился у вагончика за шатром, потому что увидел, как молодой парень атлетического сложения наливает в ванну для купания молоко. Атлет улыбнулся и сказал:

— Сейчас увидишь, как удав меняет кожу.

Он вернулся как бы раздвоившись. Теперь два улыбчивых кудрявых парня несли на руках удава. Фокус, что ли? Потом сообразил, что это близнецы. Они опустили удава в молоко. Тот начал кувыраться, сжиматься и разжиматься, освобождаясь от старой кожи. Совсем как мы. Вылезает из детской кожи, а новая еще тоньше, долго не грубеет. Больно от каждого неосторожного прикосновения. Удаву легче, полчаса — и он обновленный. Близнецы удивились, увидев на моих глазах надвигающиеся слезы.

— Приходи завтра в это же время, увидишь, как удав будет кролика заглатывать.

На цирковой афише я прочитал: «Братья Шатиловы. Дрессированные медведи, лошади, удавы». На следующий день я не пришел. Сам не знаю, почему. Мог бы подружиться и стать артистом цирка. Не мучился бы сейчас с выбором профессии.

8.

Я верчу в руках кусочек сахара и вспоминаю, как чуть не умер без него. Года три назад поехал с Димоном, Валеркой и другими одноклассниками на лыжах. Валерка выбирал горки покруче, чтобы испытать девчонок. Даже не все пацаны решались на спуск с трамплином в конце. Мне с тех пор снится, что я съезжаю с огромной горы и понимаю, что это смерть. Падаю, чтобы затормозить лыжи, а карабкаться вверх еще страшнее. Снежная лавина над головой. Редкие кустики, за которые пытаюсь ухватиться, вылезают с корнем. Так и застаиваюсь посередине. Решаю, уж лучше вниз. Лечу, замирая от ужаса. К счастью, просыпаюсь. В реальности все обошлось, но на каждом спуске я не знал, чем дело кончится, и проклинал Валерку. Мог бы и по-другому перед девчонками выделяться.

На обратном пути за квартал от дома я почувствовал, что теряю силы. В буквальном смысле не могу пошевелить ногами. Ползти по улице тоже не выход — примут за сумасшедшего. Я сел на лыжи и сидел так, не знаю сколько. Потом с трудом поднялся и стал передвигаться, держась за стенки. Палки я с собой не брал, чтобы не мешали при спуске с горок. Сейчас они быгодились. Доплелся до квартиры на грани обморока. Мама еле отпоила горячим чаем с сахаром. Испугался, может, у меня болезнь какая.

Мама успокоила:

— Это бывает даже у тренированных спортсменов. Надо брать с собой кусочек сахара или шоколад. Все лыжники так делают.

Вот так. Чуть не умер из-за кусочка сахара, которого не хватило для восстановления сил. Когда-нибудь напишу балладу о кусочке сахара, тайну о котором утаили от подростков, и они умерли во время лыжного похода. Это будет очень грустная баллада, потому что много секретов скрывают взрослые от детей. Не давайте конфет, мороженого, но дайте вовремя кусочек сахара!

На баллады меня потянуло, потому что я открыл Франсуа Вийона. Все началось с рассказа Стивенсона «Ночлег Франсуа Вийона». Вернее, с того, что я обнаружил в библиотечном каталоге собрание сочинений автора «Острова сокровищ». К стыду своему, я даже не знал, что он написал много произведений. Библиотекарша отказалась давать все тома, оказывается, полагается только по одному.

— Да я прочитываю книгу, а то и две за ночь. Что же мне каждый день к вам бегать?

Видя, как я нервничаю, она согласилась выдать, как заключение, три книги. В первом томе были рассказы. Я начал с «Клуба самоубийц». Дойдя до истории про бродягу и вора Вийона, я заинтересовался тем, что он при этом был знаменитый поэт.

Интернет мало что добавил к Стивенсону. Самая распространенная строчка: «О его жизни известно крайне мало, больше домыслов и легенд». Франсуа был незаконнорожденным, «ублюдком», и пропал бы в то беспощадное время, если бы не священник Гийом Вийон, который его усыновил и дал блестящее образование в Парижском университете, он стал вхож в высший свет. На состязании при дворе Карла Орлеанского Вийон написал строчки, ради которых можно родиться, а потом сразу умереть:

От жажды умираю над ручьем.

Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя.

*Куда бы ни пошёл, везде мой дом,
Чужбина мне — страна моя родная.
Я знаю всё, я ничего не знаю...*

Я твержу их снова и снова, потому что в них вся жизнь нас, подростков. И Вийон мог бы быть нашим знаменем, если бы кто-нибудь, кроме меня захотел его почитать. Я пробовал. Кроме Светки никто не хотел слушать, переводил общение в другое русло.

Я напишу балладу о кусочке сахара и посвящу ее Франсуа Вийону, который бродит где-то в пространстве, как вечный подросток.

Об одной даме я все-таки грущу. Я понял, что стихи иначе воспринимаются, когда читаешь их вслух. Можно даже при свечах. Мне так не хватает Илоны. Что ты наделала, эгоистка Светка.

9.

Мы с Димоном сидим в кафешке, где нам дают пиво, не смотря на несовершеннолетие. Под суд отдавать уже можно, а голосовать и пить пиво нельзя. Потягиваем запретный напиток и вспоминаем былые годы. Димон важно развалился, изображая взрослого.

Когда-нибудь напишу книжку «Приключения Димона». Она будет очень веселой. Начну ее с того, как мама уехала на выходные к подругам на посиделки, а мне наготовила еды и оставила в холодильнике. Одних только сырников десять штук, не говоря о жареной печенке, гречке, салате из огурцов и помидоров, кастрюле супа. Я пригласил на пир верного товарища. Он стал жрать все подряд, оставив поначалу сырники. Пир закончился тем, что Димон лег животом на табурет и стал стонать.

Я пил кофе и злорадно приговаривал:
— Так тебе и надо,
обжора.
Постонав минут десять, Димон спросил:
— Там еще что-нибудь осталось?
И съел четыре сырника.
Это было в субботу. В воскресенье к вечеру Димон заявился снова.
— Я умираю. От голода.
Оставалось немного супа и два сырника. Я приберег их на завтрак. Все это скоро оказалось в ненасытном желудке Димона. Он полез в холодильник, проверить, не осталось ли чего. Поскольку холодильник был пуст, обжора усталился на меня и спросил:
— Что же будем делать?
— Могу пожарить картошку, но ты сам будешь чистить.
Пока я ходил в магазин за растительным маслом, Димон перевел в очистки половину картофеля и свалил их в унитаз. Там образовался засор.
— Тебя что, не учили очистки в мусорное ведро выбрасывать? Или ты унитаз впервые видишь? — орал я, потому что хотел в туалет. — Мне что теперь к соседям проситься или бегать за гаражи?
Димон обиженно хмурился.
Преодолев брезгливость, я полез рукой в унитаз и с трудом выковырял застрявшие очистки. При этом чуть не обделался.
Виновник спросил, как ни в чем не бывало:
— Ты картошку жарить будешь?

...Димон расхохотался над моими воспоминаниями:
— Да, было дело.
За столиком неподалеку клевала носом над бокалом девушка. Невзрачная, прядь волос упала прямо в напиток.

Димон, проследив за моим взглядом, усмехнулся:

— А, это Кровавая Мэри. У нас раньше училась. Вообще-то она Мария, но пьет водку с томатным соком. Коктейль «Кровавая Мэри» называется.

— Пьет? А сколько ей?

— Лет семнадцать. У нее родители умерли.

В голове зашумело. Не от алкоголя, выпили всего ничего. Я пытаюсь представить себя на ее месте, без родителей.

— Кафе закрывается. Освобождаем помещение, молодые люди, — привычно и строго говорит толстый мужик за стойкой.

Мы поднялись. Девушка тоже, но пошатнулась, оперлась о стул.

Мужик наклонился над ее ухом и вкрадчиво сказал:

— А ты, может, останешься, красавица?

Девушка выпрямилась.

— Нет, я домой.

Я толкнул Димона локтем.

— Надо ее проводить.

— Ты, что, — зашептал он. — Тебе больше всех надо? Она же потаскушка.

— Когда я с тобой тригонометрией занимался, мне тоже говорили: «Тебе что, больше всех надо?»

— Так нечестно.

Мы вышли, поддерживая Марию за руки. Она обвела нас глазами и спросила жалобно:

— Куда вы меня ведете?

— Домой, дур-ра, — ответил зло Димон.

— Ты же сама не дойдешь. Только старайся держаться на ногах. Адрес помнишь?

На нас уже обращали внимание. Если сейчас проедет милицейская машина, мы пропали. Я поменялся с Димоном местами, чтобы быть ближе к дороге. Прошли довольно много. Почти у дома Марии поплыла рядом патрульная машина.

— Маша, веселей. И держись. Милиция.

Как ни странно, она среагировала. Нас уже можно было принять за веселую, но не представляющую угрозы компанию. Я как бы мельком взглянул на милиционеров в окошке и обязательно улыбнулся. Фу, уехали. Не представляю, как бы мы объяснялись. Два парня с запахом пива тащат пьяную девчонку... Вот ситуация. Мария еще думает, что мы от нее чего-то хотим.

Я спросил возле квартиры:

— Дальше справишься сама?.. Мы пошли.

Ключ не попадал в замочную скважину. Димон открыл. Мы помогли Марии снять пальто.

— Мне плохо. Не бросайте меня, мальчики, — еле выговорила девушка.

На возмущенный вздох Димона я сказал:

— Возьми телефон. Теперь скажи моей маме, что засиделись, я остаюсь у тебя.

— Ты ненормальный.

Так Кровавая Мэри, подобно Настасье Филипповне у Мышкина, застряла в моей жизни. Или я в ее.

10.

Утром, отпоив девушку затхлым кофе (другого не нашлось), я узнал ее историю. Отец работал в милиции. Его командировали в Чечню, откуда он не вернулся. Мать с горя стала пить, потеряла постоянную работу. Однажды позвонили из морга и попросили с кем-нибудь из родственников прийти на опознание...

— Как же ты живешь одна?

— Первое время дядя с тетей помогали. Когда стали жаловаться на меня в колледже, они сказали, что возиться со мной не намерены... Так что, я сама во всем виновата.

— Ты пенсию получаешь?

— За отца. Иначе как бы я выжила.

Я набрался наглости и пошел к директору школы Лидии Павловне — городскому депутату. Выслушав меня, печально сказала:

— Вам, Кириленко, с этим не справиться. — Лидия Павловна поговорила с кем-то по телефону и протянула бумажку с фамилией, телефоном и адресом. — Пусть девушка обратится в социальную защиту. Почему с ней никто не работал? Она ведь несовершеннолетняя?

Я вернулся окрыленный.

— Бери паспорт, свидетельства о смерти родителей. Пошли, — скомандовал я Марии.

Сложнее было объясняться с мамой.

— Ты сошел с ума. Не лезь в это дело. Я в милицию пойду. Она заплакала. Я ее утешал, как мог. Поддержка неожиданно пришла со стороны отца. На мамины жалобы он сказал:

— Пора ему становиться мужиком. Пусть сам решает.

В школе прознали про нас с Машей. Я это чувствовал по взглядам учителей, шушуканью ребят. Правда, со стороны одноклассников никаких проблем не было. Наоборот, я понимал, что сочувствуют.

Шушукались зря. Если я оставался у Марии, мы спали под разными одеялами, как брат и сестра. Иногда я даже чувствовал себя ее отцом, который должен взять ответственность за все на себя. Уже не виртуальным.

11.

Маша не пьет, даже пиво. Собирается с духом, чтобы пойти в колледж. Победа. Я чувствовал себя с ней по-настоящему взрослым. В самом деле, с ней нужен глаз да глаз.

Я открыл дверь в квартиру и чуть не упал, столкнувшись

с детской коляской. В ней сидел улыбающийся ребенок. Мария появилась с бутылкой молока, на которую вместо соски был надет презерватив с прорезанной дырочкой.

— Маша, что это?

— Не что, а кто, — улыбаясь, ответила она.

— Откуда ты его взяла?

— Не его, а ее. Мы — девочка. Правда, имя узнать не можем. Она откликается на все. Леночка!

Девочка заулыбалась и захлопала в ладоши.

— Настенька!

Девочка отреагировала еще радостней.

— Я ничего не понимаю...

Маша стала поить девочку молоком, ласково приговаривая:

— Ты же хотел ребенка, а теперь сердисься.

— Может, ты сошла с ума?

Наконец, Маша рассказала странную историю. Она пришла в магазин и увидела коляску с малышкой. Без присмотра. Вышла — коляска стоит. Маша ждала час, опасаясь, что с ребенком что-нибудь случится. Никто не подходил. Люди проходили мимо и не обращали внимания на коляску. Ребенок, она сначала тоже подумала, что мальчик, вел себя удивительно спокойно, не плакал. Да, рядом валялись мужские ботинки, что ее очень удивило. Ребенок начал кряхтеть, и Маша обнаружила, что он мокрый. Вот она и привезла его домой. Стала купать и обнаружила, что это девочка.

— Нас бросили, мы никому не нужны, — сказала Маша, ласково обращаясь к ребенку.

Малышка засмеялась, захлебываясь от восторга. Она была очень милая, но кто-то из нас должен быть здравомыслящим.

— Ты понимаешь, что могут подумать, будто мы украли ребенка?

— Что же ты предлагаешь?

Я растерялся, потому что не знал, как поступают в таких случаях. Позвонил Димону. Он сказал, что с нами все ясно, сумасшествие продолжается. Посоветовал пойти в милицию.

Я заверил, что нашел брошенную коляску у магазина, чтобы не впутывать Машу. Вроде поверили.

Спустя несколько дней я зашел в отделение, куда отвез девочку, и узнал, что родители нашлись. Оказалось, у отца болезнь — приступы забывчивости. Он пришел домой без ботинок и без девочки и не помнил, где это произошло.

Маша, услышав мой рассказ, заплакала. Я тоже чуть не разревелся за компанию. Бедная Маша.

Сегодня ночью я проснулся от того, что Мария дрожала.

— Мне холодно.

Она забралась ко мне под одеяло. Почувствовав, что происходит в моих трусах, радостно воскликнула:

— Ты меня хочешь.

Мы лежали раздетые, прижавшись друг к другу. Теперь я дрожал, гладя ее руки, спину и хотел сделать все как надо.

— Не спеши, — шептала Мария. — Сразу все и кончится. Главное — ласка. И говори что-нибудь. Женщина без этого не может.

Я по привычке стал читать какие-то стихотворные строки. После этого я лежал и чувствовал себя так, как, наверное, не будет никогда в жизни. Вот и все, я — мужчина.

— У нас теперь будет ребенок? — спросил я.

— Глупый. Сейчас безопасные дни. Иначе я бы не стала.

Я признался в своей мечте про много детей. Ну, конечно, когда смогу обеспечить семью.

— А ты опасный человек, — засмеялась Мария. — Женщине больше в жизни ничего не останется, как рожать тебе детей.

— Раньше и больше рожали. И знатные дамы, и крестьянки.

— Значит, прокормить можно было. А сейчас и с одним люди мучаются.

Дрожь охватывала Марию все чаще, даже днем. Появлялась непонятная активность, суетливость. Всезнающий Димон объяснил:

— Наркотики. Большой мальчик, а не знаешь. Это все. Хуже, чем водка. Ты ничего не сможешь сделать, только сам завязнешь. За компанию. Уходи, ты сделал все, что мог.

Ничего себе приговор. Я вспомнил слова Димона, когда после моих намеков, что некоторые мои знакомые начали употреблять наркотики, и жизнь для них закончилась, моя подруга попросила на выходные купить обезболивающее.

И никуда не выпускать ее, даже если будет умолять. Марии было так плохо, что я сам побежал для нее за дозой. Ожидал увидеть какого-нибудь амбала. Наркотиками торговала женщина пожилого возраста на остановке автобуса. Она приветливо и сочувственно улыбалась. Я это назвал: «наркотики с материнским лицом». Не понимаю, как так можно...

— Хочешь? — спросила Мария, готовя смесь. — Правильно, не надо.

Пророчество Димона начинало сбываться.

Поймал себя на том, что хочется схватить Машку за плечи и встряхнуть так, чтобы всю дурь выбить. Или надавать по щекам, несмотря на то, что «женщину нельзя ударить даже цветком». Забыл, кто изрек. Его бы на мое место.

Я пошел к наркологу, который лечил анонимно.

— Ну-с, рассказывайте, как дошли до такой жизни.

— Да не я, моя девушка употребляет.

— Понимаю. Ну, приводи.

Я объяснил, что она не пойдет.

Врач сказал, что можно попробовать поставить капельницу с лекарством дома. Но засомневался, справлюсь ли я. Надо три дня не отходить от больного.

— И все? Потом все нормально будет?

— Потом самое сложное. Организм очистится, не будет ломки, но желание не пропадет. Обычно человека увозят куда-то, чтобы он был в изоляции хотя бы полгода. Чем больше, тем лучше. Но угроза будет висеть всю жизнь. Какой-то кадр по телевизору или знакомое место, где принимались наркотики, могут спровоцировать рецидив. Беда страшная.

— Как же вы лечите, если не верите?

— Мы даем шанс.

Как только я насобирал денег, привел врача. Мария удобно устроилась на кровати, установили капельницу. Врач посоветовал на первое время привязать руки. И началась

мука — и для Марии, и для меня. Через несколько часов она стала просить оставить ее в покое, проклинать, что познакомилась со мной. Когда стало легче, я развязал Марию, но нужно было следить, чтобы она не вырвала иглу. Даже в туалет нужно было вести ее, придерживая капельницу. Я отворачивался, но все равно это было унижительно. Я точно понял за эти дни, что даже пробовать проклятые наркотики не буду.

Во вторую ночь я вздремнул. Увидел во сне Марию, которой нужно поставить укол. Большой шприц, полметра будет. Передо мной не Маша, а огромный дракон, в стыки между пластинами панциря с трудом проходит игла. Дракон хватается себя за хвост и затихает. Он сбрасывает с себя панцирь и оказывается маленькой девочкой в школьном фартуке, которые сейчас не носят. Я узнаю в ней Марию. Меня охватывает ужас. Я вогнал такую дозу лекарства хрупкому ребенку.

Девочка устраивается на моей кровати и говорит:

— Я не умерла. Я просто немного здесь отдохну.

Через три дня пришел доктор. Проверил давление, пульс и т. д. Посмотрел пристально на меня.

— Ну, желаю успехов. Если что...

Мария лежала без сил. Капельки пота выступили на лбу, сбилась прядь волос, как тогда, когда я увидел ее в первый раз. Я взял салфетку и промокнул пот.

— Спасибо, — слабо улыбнулась Мария, — Трудно тебе со мной. Вот не повезло. Тебе.

Я понял, что «спасибо» не только за это мгновение. И что второго раза не выдержу.

— Маша, я хочу сказать тебе...

— Я понимаю.

— Ты должна выбрать: или я, или наркотики.

Ненавижу ультиматумы, а сам... Но я не знаю, что еще сделать. И даже не знаю, любовь ли это или что-то другое, еще выше. Это часть меня самого.

Кажется, победа. Мария держится. Восстановилась в колледже — Лидия Павловна помогла.

Надо и мне браться за учебу, иначе не допустят к экзаменам. Я вернулся домой к радости мамы. Она готовила на завтрак мои любимые сырники и варила кофе. По вечерам не включала телевизор, чтобы не отвлекать меня от занятий.

Я снова влюбился в математику. «Теория вероятности», «теория множеств» меня завораживают. Бесконечности можно упаковывать в матрицы и оперировать ими как простыми алгебраическими символами. Еще интересней «теория хаоса». Пришел к выводу, что поверье насчет того, что возвращение за забытой вещью приводит к несчастью, имеет основание в теории хаоса. Необязательно произойдет несчастье, но задержка изменит ход событий. А когда ты вторично задерживаешься и трижды плюешь через плечо, то эта задержка перекрывает первую. Результат может быть ближе к первоначальному. Например, ты вернулся проверить, выключил ли утюг. Вышел из дома и увидел у подъезда разбитую сосульку. Она могла упасть тебе на голову. В удивлении ты стал переходить дорогу на красный свет и попал под автомобиль. Я почувствовал себя гениальным. Во всяком случае, нигде не встречал подобной трактовки. Возможно, я на пороге великого открытия.

Про Димона. Он увидел у меня на столе «Анну Каренину» Толстого, повертел в руках.

— Читал? — спросил я.

— Так. Проходили. Это про то, как она мужу изменяла?

— Ну, допустим. А дальше что?

— Что?

— Если тебя на экзамене спросят, чем любовь Карениной закончилась, что ты скажешь?

— Чем?

— Под поезд она бросилась, вот чем.

Димон помолчал немного, потом засиял от «прозрения»:

— Э, меня не проведешь. Поездов тогда еще не было.

Мой смех его не смутил. Пришлось открыть книгу и заставить его читать концовку.

— И правда под поезд, — погрузился Димон. — Жуть какая.

— Да, вот такая она, любовь.

Димон ни с того ни с сего вдруг сказал:

— А ты знаешь, я ведь тоже был влюблен. Ну, тогда в лагере.

Оказывается, не только меня настигло в тринадцать лет это чувство, а я и не заметил, занятый собой. Димону нравилась Вика.

— Викто-ория! — торжественно объявил он.

Димон не знал, как пригласить ее на свидание. Повода-то не было. Просто подойти он не решался. Стоя на футбольных воротах, он часто отвлекался, поглядывая на скамейку, где сидела Вика, бойкая и острая на язык девчонка из другого отряда. Она вроде бы должна была болеть за своих, но радовалась, когда он брал мяч, спасая команду. В тот решающий день Димон поймал мяч особенно эффектно, на лету, но неудачно приземлился и покидал поле, хромая. Вика подошла и спросила:

— Ты не хочешь пригласить меня на свидание?

Димон очень хотел. Договорились встретиться вечером в самом безлюдном месте, на скамейке. Переполненный чувствами, он вдруг получил записку от некрасивой и нескладной тихони Тонечки из нашего отряда. Она просила прийти почти в то же время в то же место, поговорить. Что было делать? Димон чуть было не открылся мне, но подумал, что это нехорошо: болтать про секреты девчонок.

— Как бы ты поступил на моем месте? — спросил он.

Я растерялся:

— Не знаю.

Передо мной таких проблем не стояло. Я ухаживал сразу за тремя.

— Я не пошел на свидание. Не мог сказать Тоне, что не люблю ее. И потом опускал глаза, видя обеих. С тех пор так и не влюбился больше. Завидую я тебе.

Завидовать было нечему. Позвонил Маше. По голосу понял — беда.

— Ты опять? Я же говорил тебе, что это выбор. Значит, ты выбрала не меня?

Жалость к себе и обида перемешивались с тревогой за Машу. Сердце сжимается, лицо горит как от встречного ветра с мокрым снегом, в висках стучит «что делать, что делать, как спасти»... Хорошо рассуждать о том, что надо уметь держать курс против ветра. А как? Это и есть взрослость? Я подошел к зеркалу, взглянуть, не появились ли седые волосы. Нет, пока. В зеркале торчала страдальческая физиономия — очень глупо выглядит. Я показал ей язык. Лицо вытянулось от удивления.

Эх, если бы я сейчас мог освободиться от тяжести, взлететь, как во сне. Наверняка бы нашел выход. Я закрыл глаза. Вместо лоскутных светлых облаков меня окружили черные лохмотья, похожие на водоросли. Они хотели запутать меня, тянули вниз. Надо поднять голову. Я только сейчас понял, что позволяло в детстве летать. Мечта и надежда. Вот что нам надо, Маша. Тогда мы справимся.

Я выгреб из ящика стола листочки с записями, запихнул в коробку из-под обуви, перевязал бельевой веревкой и закинул на шкаф.

Детство закончилось.

Подросток умер.

С МЕЧТОЙ ВХОДИТЬ БЕЗ СТУКА

(ИЗ ЗАПИСОК
ШКОЛЬНОГО ПСИХОЛОГА)

До сих пор снится сон, что я не подготовился к уроку, надо отвечать, а я рот не могу открыть. Такая мука! Просыпаясь, понимаю, что уже вырос, с радостью гоню сон прочь. Я — взрослый! Несмотря на многочисленные предложения преподавать философию в вузах, даже из областных центров, я решительно пошел в родную школу психологом.

Школьный коридор наполнен ученическими страхами, прошлыми и нынешними, как воздухом. Необычно оказаться взрослым в школе, где прошла большая часть детства. Вот подоконник, свидетель редкой радости. Мой школьный приятель Димон однажды во время перемены вырос в окне на втором этаже, поразив ребят и учителей. Мой вклад в этот трюк тоже был, хоть и скромный: помог перенести строительную лестницу к окну и вовремя открыть щеколду. Даже завуч Мариэта Петровна с величественным, как памятник, бюстом, не кричала, а замерла, как вкопанная. Шутка удалась, несмотря на вызовы наших мам к завучу. О ней еще долго вспоминали со смехом и похлопывали Димона по плечу.

Да, я хорошо помнил ученические годы и рассчитывал, что меня с радостью встретят и учителя, и дети. И тем, и другим, как оказалось, наплевать на меня вместе с психологией. Наверное, у противоборствующих сторон выработался определенный баланс, который всех устраивал. Кто на него посягал, становился общим врагом.

Мне долго не хотели выделить ставку и комнату психологической помощи, предлагая вместо этого вести беседы о вредных привычках, вдобавок к урокам обществоведения. Я сопротивлялся как мог, ссылаясь на то, что школьные психологи существуют не для этого.

— Вы что, собираетесь сидеть в кабинете и за это получать зарплату? — удивилась Мариэта Петровна. — Странный вы какой-то психолог.

«Хорошо, что не «сранный» — подумал я про себя.

Я предложил в качестве теста на нужность провести небольшое исследование в девятом классе по методике Элвина Тоффлера: написать сочинение, как ребята представляют свою жизнь через пять лет, через десять, через пятнадцать. Думал, в результате покажу, что может психология.

Пол-урока девятиклассники думали, пытались советоваться друг с другом, несмотря на мои уговоры. Наконец, один парень, явно не из отличников, сказал:

— Все, у меня поперло.

Глядя на него, и другие стали писать.

Сочинения были анонимными, но я сразу отложил листок вдохновенного девятиклассника.

«Каким я вижу свое будущее? Я задумывался над этим вопросом, но никогда всерьез. Это была мимолетная мысль, которая не задерживалась надолго в голове. Жизнь через пять лет мне сложно еще представить, так как передо мной стоит выбор: учиться дальше или пойду в армию. Ну, если буду дальше учиться в каком-нибудь колледже, то, я думаю, что моя жизнь не очень изменится. Просто я стану старше. Но может быть и другой поворот событий, если я сразу после школы пойду в армию. Там моя жизнь может конкретно поменяться. Но я думаю, что мой независимый характер не поменяется. Через десять лет и даже раньше я буду жить отдельно от родителей, а значит мне придется разрываться на два фронта — учеба и работа... Но не будем о грустном, пускай все будет хорошо. Я также не исключаю женитьбы в этот период жизни. Через пятнадцать лет я буду думать, наверно, правильно ли я выбрал профессию и спутницу жизни».

Одна девушка написала коротко: «Мои мечты. Через пять лет я бы хотела, чтобы меня показали по телевизору, и я стала бы знаменитой! Через десять лет я бы хотела, чтоб

у меня были СОБСТВЕННЫЙ дом, СОБСТВЕННАЯ машина, СОБСТВЕННАЯ лошадь, и чтоб с моей семьёй все было ПРЕКРАСНО!!! Думаю, этого хватит и на следующие пять лет».

Юноша с претензией на оригинальность написал: «Через пять лет, когда мне будет уже целых двадцать, я думаю, что моя жизнь мало изменится. Я так же буду жить в неудобной коммуналке с мамой и собакой, которая меня ненавидит, потому что мы с этим мохнатым уродом никак не можем найти общий язык. Ну, возможно, его уже не будет, и, наконец, у меня появится кошка. Я соберу пяток друзей отпраздновать это событие в пивнушке. А потом все эти уроды как всегда набухаются, но я конечно же нет, потому что дома меня ждёт Мама. Если я сдам в школе всё хорошо, то поеду в Москву. Буду работать официантом в ресторане, учиться в ВУЗе. Если некоторые мои друзья не помрут, то они тоже переедут в Москву. Может, от тоски буду волонтером в кошачьем приюте. Не хочу проживать скучную и унылую жизнь, а для того чтобы проживать жизнь весело и интересно, обязательно нужны деньги!»

К сожалению, подавляющее большинство сочинений были примитивными и тусклыми.

На педсовете я попытался поговорить о результатах. Диагноз неутешительный: большинство не задумывается о будущем, нет мотивации для учебы и вообще роста. Ребят надо учить мечтать, ставить цели и продумывать пути их осуществления. Энтузиазма мое сообщение не вызвало.

— Все решает не мечта, а ЕГЭ, — объяснили мне. — Нет высокого балла — никакая мечта не поможет.

Все-таки я получил кабинет, если таковым можно назвать каморку, которая до этого была комнатой отдыха охранника, нажив в его лице врага. На мое «Здравствуйте», он отворачивался, как будто бы я был невидимкой. Разве я виноват, что детям для бесед необходимо свое пространство?

У «Кабинета психологической поддержки» не толпился народ, как я ожидал. Мне показалось, что его обходили стороной, как кабинет зубного врача. Я повесил на двери объявление: «За мечтой входить без стука». Принес электрочайник и чашки. На первое чаепитие пригласил нескольких ребят во главе с Василием, вдохновенным автором первого сочинения.

— Как наши сочинения?

— Есть одна притча. Молодому человеку предложили написать желания, ради которых стоит жить. Предупредили, чтобы думал как следует, потому что больше ничего в жизни не будет. Он написал: «Хочу иномарку, много денег, дачу». Просыпается на следующий день в прекрасном загородном доме, за окном иномарка, в кармане карточка с безграничным кредитом.

— Мне бы так!

— Как вы думаете, что случилось через год?

Посыпались предположения одно лучше другого.

— Нет, молодой человек сначала запил, а потом повесился в своем шикарном доме. Его же предупредили, что больше ничего не будет. Скучно стало. Что из этого следует?

— Конечно, лучше самому хорошо зарабатывать.

— Зарабатывать зачем? Это цель или средство? Во время войны в концлагере выживали те, у кого было ради чего: ради детей, любимых, незавершенных открытий или ненаписанных картин.

Может быть, я никого не убедил, но с ними было интересней, чем с их учителями.

— Заходите еще. Помечтаем.

Я купил толстую тетрадь альбомного размера, в докомпьютерную эру она называлась «конторской книгой». И стал записывать истории.

РЫЖИК

Я открыл дверь и увидел рыжеволосого, веснушчатого мальчика, взволнованного, с закипающими слезами.

— Ты ко мне?

Он кивнул. Зайдя в комнату, мальчик больше не мог сдерживаться. Вылилось столько слез, будто он их всю свою жизнь копил. Так и оказалось.

Я замечал его раньше. Мальчик застенчиво и приветливо улыбался, здоровался. Мне в голову не могло прийти, что у него беда. Имя у него такое светлое, хорошее — Сеня.

Оказывается, его с первого класса дразнили из-за рыжих волос. Сначала Сеня не очень обижался, потому что считал,

что это заслуженно. Раз такой уродился. Последнее время издеваются, проходу не дают.

— Выходишь отвечать к доске — как будто сквозь строй. Каждый старается что-нибудь обидное шепнуть, ножку подставить. Я сбиваюсь. Больше так не могу.

История, к сожалению, банальная. И не только рыжими. Любой, кто чем-то выделяется среди других, рискует стать гонимым. Но Сене от этого не легче.

Я решил его отвлечь и показал американский фильм «Эффект кетчупа». Там девочка, над которой все смеялись, сумела свои недостатки превратить в достоинства.

Сеня так заразительно смеялся, что я подумал: его надо в кино снимать. Все бы изменилось. И вдруг вспомнил объявление о наборе на городское телевидение юных ведущих.

— Разве я подойду?

— Вполне может быть. Ты же не такой, как все. А это главное достоинство ведущего.

— Недостатки надо превращать в достоинства?

Сеня оказался смышленным. Для конкурса мы решили приготовить анекдот про рыжего.

Увидев солидную комиссию и несколько десятков нарядных мальчиков и девочек, Сеня сначала испугался. Разглядев приветливых людей, осмелел и стал вполне прилично читать контрольные тексты для ведущих. Так разошелся, что его с трудом остановили.

— Мальчик, тебе же сказали, что достаточно.

— А анекдот?

— Какой анекдот? Ну, давай.

Серьезный мужчина в жюри так смеялся, что сполз со стула. Самым настоящим образом.

Сеня потом объяснил: когда сказали «достаточно», испугался, решил, не возьмут. Вот и вспомнил про спасительный анекдот.

Спустя месяц я его не узнал. Веселый, уверенный в себе Сеня вбежал в комнату и нахально уселся без приглашения.

— Что?

— Они мной гордятся.

— Кто?

— Ребята из класса.

Так в тринадцать лет рыжий Сеня стал счастливым.

Весенняя почта.

Записки, собранные и прокомментированные Сеней в марте.

«Самое популярное занятие в марте — общение с помощью записок».

Темы — самые разные.

«Макс, как в контрольной делается номер четвертый?»

— «Отвали, я сам ничего не знаю». — «Ну, помоги, плиз». —

«Пишу, но только первое уравнение». — «Спасибо, буду должен».

Отношение друг с другом — ключевая тема записочек.

«Свет, как тебе сегодня Сева?» — «Он сегодня в ударе, видимо, ударился где-то по дороге в школу. В общем, он свой чувак. Один из немногих, с кем можно общаться в нашем классе. Остальные кретины».

«Катя, я тебе нравлюсь?» — «Нет, идиот, отстань. Если хочешь знать, мне больше Макс нравится». — «У него же нет мозгов!» — «А у тебя что ли есть?» — «Конечно, я же староста».

«Саша, сколько осталось до конца урока?» — «Пять минут, сорок пять секунд».

На улице весна. Птицы поют, солнце греет. Общение может продолжиться после уроков. И кто знает, чем оно закончится!!

Спасибо, Сеня. Я горжусь тобой.

ГАЛИНА

Черноволосая девочка... девушка осторожно приоткрыла дверь.

- Тут что?
- Здравствуй. Ты правильно прочитала. Кабинет психологической поддержки.
- А что надо делать?
- Ничего не надо. Просто можно побеседовать, посоветоваться.

Девушка исчезла. Она появилась снова после уроков. Плотной закрыла дверь. На ее бледном лице появился румянец. В глазах загорелся странный огонек. Она заговорила тихо, почти шепотом, облизывая пересохшие губы.

— Здравствуйте, у меня туберкулез. В тяжелой форме. Я не знаю, сколь мне осталось жить...

— Боже ты мой. Да ты садись.

Я испугался. Вполне здоровая утром девушка на моих глазах угасала и, казалось, умрет прямо здесь, сейчас. Она звалась Галина.

Вдобавок к туберкулезу, девушка поведала, что ее родители не родные. Она недавно об этом узнала.

— Что, не любят тебя?

— Любят, но не так. И не говорят правду про настоящих. Мне это важно, особенно сейчас.

Галя опять начала угасать. Я налил ей воды. Руки у нее тряслись. Я придержал стакан, иначе бы он упал.

— Пообещайте, что никому не скажете. Я открою вам еще одну тайну.

«Куда же больше?» — подумал я про себя. Следующей частью исповеди была история про белокурого юношу Сережу. Он сын маминой родственницы в Москве. Они встретились всего один раз и поняли, что это любовь. Настоящая, как у Ромео и Джульетты. Родители против, перехватывают их письма.

— Пожалуйста, напишите ему, что со мной. Может, письмо дойдет до него. И вложите эти стихи.

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

— Это же Есенин!
— Ну, да, — не моргнув, согласилась Галина. — Но как будто про меня.

— Подожди, кто тебе сказал, что ты умираешь?

— Я это чувствую.

Пообещав Гале написать письмо, помочь разыскать родителей, я помчался в медпункт. Врач Лариса Рафаиловна очень удивилась известию о Галиной болезни, разыскала медицинскую карту.

— Нет у нее туберкулеза. Здорова.

— Но я же сам видел, своими глазами...

Лариса Рафаиловна позвонила Галиной маме. Та примчалась в школу.

— Что она опять наговорила? Про туберкулез? И что мы ей не родные?.. Выдумывает она все. Отец лупить пробовал — не помогает. Нашла в вас нового слушателя...

Мать с сожалением посмотрела на меня. Я и сам чувствовал себя неловко.

На следующий день Галина осторожно заглянула в дверь, как в первый раз.

— Да, заходи, не стой в дверях.

— Вы не сердитесь?

— А за что сердиться? Тебе нужно рассказы писать.

С твоим воображением очень хорошо получится.

— Правда? — в ее глазах стал разгораться знакомый огонек.

В этот момент мировая литература приобрела еще одного писателя.

— А Сережа в самом деле есть. Вот! — Галя протянула фотографию веселого белобрысого мальчика.

АРКАША, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ РАСТИ

Открылась дверь — в комнату решительно вошла высокая женщина в брючном костюме. Возраст определить трудно, но явно за сорок. Где-нибудь администратором работает.

— О! — разочарованно воскликнула она. — А где психолог? Вышел?

— А я чем вас не устраиваю? — начал раздражаться я.

— Молодой советы давать, — вздохнула посетительница.

Я постарался улыбнуться и остаться приветливым.

— Вы попробуйте, ничем ведь не рискуете. Присаживайтесь.

— И то правда, — согласилась женщина, села на стул,

сразу заняв большое пространство. Положила на стол внушительного размера сумку. — Сын у меня. 15 лет, а он с другом, таким же оболтусом, до сих пор оловянными солдатиками играет. Мы с отцом вкальваем с утра до вечера, а он в солдатики... Ни мусор вынести, ни посуду помыть или пол подмести. Представляете?

Я представил и с трудом сдержал улыбку. Я в этом возрасте на подобные демонстрации не решался, старался быть как все.

Женщина испытующе посмотрела на меня.

— Как вас зовут? — начал я. — Меня

— Евдокия Андреевна.

— Евдокия Андреевна, прежде всего стоит успокоиться, это не уникальный случай. Суворов в солдатики долго играл. И Владимир Ильич Ленин. Моцарт в семнадцать лет стал вести себя как ребенок, потому что отец лишил его детства: непрестанные занятия на скрипке и гастролы, гастролы, гастролы. В психологии это так и называется: «эффект Моцарта», когда какая-то стадия детского развития пропущена и возвращается в более взрослом возрасте. Он писал двоюродной сестре такие неприличные письма, скабрёзно выражаются, как девятилетние дети.

— Не понимаю, к чему вы клоните?

— К тому, что это не заболевание, а особенность развития. Чаще всего встречается у одаренных творчески людей. Бороться с этим бесполезно и даже опасно...

— А мой муж собрался снова за ремень браться. Говорит, в детстве, пока лупил, никак проблем не было. Я, честно говоря, сама готова поддаться как следует, но парень заикаться начал. Что же делать?

Мне стало жаль мальчика. Его поведение, наверное, защита. От чего? Эх, если бы просто понаблюдать за ним.

— Стараться понимать и поддерживать. Как? Вот тут я еще действительно молод советы давать. Но есть очень му-

драя книжка Януша Корчака «Как любить детей». Я видел, она в магазинах продается.

— Совсем вы меня запутали, но попробую купить.

— Если вы не против, пусть ваш сын зайдет, когда будет в школе.

— Так он здесь, в коридоре, — Евдокия Андреевна открыла дверь. — Аркаша, а ну зайди.

На пороге появился худой, но вполне складный и даже спортивный светловолосый юноша с приветливо-загадочной улыбкой Питера Пэна. Мать задержалась, решая, как поступить.

— Я, пожалуй, побегу. В магазин еще заглянуть надо, — с видом заговорщика сказала она.

Я благодарно кивнул за понимание.

— До свидания, Евдокия Андреевна, все будет хорошо.

Теперь мы были одни.

— Присаживайтесь, Аркадий, — попросил я, предложив на выбор диван или стул. — Чаю хотите?

Юноша удивился моей вежливости, но улыбаться не перестал. От чая он отказался, явно не хотел задерживаться, но сел на стул поближе ко мне. Знак заинтересованности или любопытства.

— Я хочу вам предложить игру. — Аркаша оживился. — Я начинаю историю, а вы ее заканчиваете. Идет? Итак... Как от сильного ветра, распахнулось окно, и в комнату влетела маленькая звезда. Она мерцала подобно огоньку свечи, а потом погасла.

Аркаша задумался лишь на мгновение и продолжил:

— Тут появился Питер Пэн, взял ее и унес с собой.

— Это твой любимый фильм? Книгу Питера Барри ты, наверняка, не читал.

Аркаша развел руками, не переставая улыбаться.

— А чем тебе нравится Питер Пэн?

— Он не хочет становиться взрослым.

- Чем же тебе не нравятся взрослые?
- Да ну их, скучные, вечно озабоченные. Их не устраивает то, что есть, вечно надо что-то еще.
- Хм. Меня это тоже раздражало в его возрасте.
- Ты не хочешь быть таким?
- Нет.
- А можешь представить себя, скажем, через пять лет.
- Аркаша задумался. — Тебе уже двадцать лет. Попробуй.
- Юноша раскинулся на стуле, запрокинул голову.
- Так, это я закончу школу. До 18 лет родители обязаны меня содержать, а потом пойду работать.
- Кем?
- Например, официантом.
- То есть пойдешь в торговый или кулинарный колледж?
- После девятого класса или после окончания школы?
- Разве без этого нельзя? Отец спит и видит, как бы меня в спецуху упечь.
- Официант — это ведь профессия.
- Ну, кем-нибудь попроще, — с досадой сказал Аркаша.
- Я видел, в кафе даже старшеклассники работают.
- А если призовут в армию?
- Не знаю, не думал, — поморщился он.
- Хорошо. Давай попробуем представить твою жизнь через десять лет.
- Не-е, не буду. Можно я пойду?
- Конечно. Я просто вспомнил себя в твоем возрасте. — Аркаша задержался и обернулся. — В пятнадцать лет я ревел, уткнувшись в подушку, что детство кончилось. Правда, смелости продлевать его, как ты, у меня не было. Я старался ничем не отличаться от одноклассников и мечтал поскорее стать взрослым. Самым тягостным было состояние перехода: ни ребенок, ни взрослый. Я пытался разобраться, как скорее повзрослеть.
- Ну и разобрались? — спросил Аркаша, снова усаживаясь.

— Все произошло само собой, когда я встретил девушку... У нее погибли родители, она осталась совсем одна, никому не нужная, начала пить, потом наркотики... Я понял, что кроме меня ей никто не может помочь. Измучился с ней, но все больше привязывался. Вот тогда и понял, что значит быть взрослым — отвечать за кого-то или за что-то. Чем больше ответственность, тем ты взрослее.

— А потом что? Помогли?

— Девушка исчезла. Как в воду канула. Я места себе не находил, в милиции надоел. Потом пришло короткое письмо: «Не надо меня искать, все нормально. Спасибо за все. Я никого так не люблю, как тебя. Не хочу тянуть тебя на дно. Поэтому хочу исчезнуть из твоей жизни. Твоя Мария».

— Жалко.

— Кого? — удивился я.

— Немного девушку, больше тебя... вас.

Это было неожиданно.

— Почему больше?

— Вы же до сих пор переживаете.

— Слушай, Аркадий. А давай мы с тобой один уговор заключим. Ты выполнишь мое желание, а я твое.

— Давай! — загорелся Аркаша.

— Мое желание: чтобы ты написал, как представляешь свою жизнь через пять, десять и пятнадцать лет. Я коллекцию собираю. Можешь даже наврать.

— Ну, ладно, — без энтузиазма ответил юноша.

— Теперь твоя очередь.

У Аркаши снова появилась питерпэновская улыбка.

— Давай еще во что-нибудь поиграем.

С тех пор Аркадий часто заглядывал ко мне, и я придумывал для него творческие задания, игры. Из него мог бы вырасти актер, если бы попал в хорошие руки. Надо поискать.

ВАСЮТА

Завуч поедом меня ела за то, что не работаю с «трудными детьми». Зачем тогда школьный психолог? Я пытался объяснить, что все дети «трудные». Мариэта Петровна настойчиво посоветовала заглянуть к участковому.

Сан Саныч, громоздкий и суровый, шумно вздохнул. Он без энтузиазма поведал про «копейских» пацанов. Так прозвали ребят из самого бедного в городе микрорайона возле магазина «Копейка». Они кучковались вокруг шестнадцати-

летнего десятиклассника из нашей школы. Как оказалось, моего первого мечтателя, Василия, который год назад вдохновил всех на сочинение. С тех пор здоровался со мной, но не больше.

Ребята звали его не Васей, а Васютой. Кличка, образованная от имени, — знак особого уважения. Он не походил на жожака, хотя имел, как рассказал участковый, непререкаемый авторитет в округе. При этом в школе он был ничем не примечателен. Учился так себе, не утруждаясь, но и без двоек. Ни в какие выходки не влезал. Всем своим поведением он как бы говорил: «Что поделаешь, я вынужден приходить сюда, но вы сами по себе, а я сам по себе». Если и выделялся среди одноклассников, то своим атлетическим сложением, явно приобретенным усиленными упражнениями. Где — я вскоре узнал.

У подъезда соседнего дома местные старушки преградили вход нескольким ребятам, среди которых был и Васюта.

— Ишь, повадились. Ступайте отсюдава... Улицы им мало... Будешь выражаться, полицию вызову, быстро приведут к порядку.

Парни негромко огрызались и отступить не собирались. Я подошел.

— Что случилось?

Бабушки недоверчиво посмотрели на меня.

— А ты кто такой?

— Психолог из школы.

— А-а... Да вот, повадились в подвал ходить. Только шум от них и беспорядок.

— Какой беспорядок? Мы спортом занимаемся, — угрюмо сказал Васюта.

— В секции на спорт ходите. А не по подвалам.

— Секции — это для богатых.

— А вы значит бедные?

Я стал понимать, что к чему.

— Вот что я вам скажу, любезные дамы...

Бабушки зафыркали:

— Дамы... Ишь, кавалер нашелся.

— Вы что, хотите, чтобы ваш подвал террористы осваивали? Слышали, про взрывы в городах? То-то... А тут ребята занимаются, вы их, наверняка, знаете.

— А чего же не знать. Сызмальства тут околачиваются.

— Вот, как бы подвал охраняют от террористов. Сейчас про это постановление готовится.

— Ну, если постановление...

Бабушки стали отходить на заготовленные позиции, то есть скамейку. А ребята направились в подвал.

— Можно посмотреть? — спросил я.

Особого желания пускать взрослого у них не было, но и отказать в такой ситуации было нельзя. На двери подвала висел внушительный замок, который Васюта легко открыл гвоздиком.

В помещении, влажном от водопроводных труб, на полу были уложены два дырявых мата, из которых вылезала серая пакля. На них лежали гири, самодельная штанга и просто тяжелое железо. Было душно, пахло потом, хоть и чисто вымыто. В трубу был врезан кран, рядом стояло погнутое ведро, на нем лежали тряпки.

— Это кто же сделал? — кивнул я на кран.

— Сантехник. За бутылку.

— Неужели до сих пор срабатывает?

Разговор дальше не клеился.

— Что, правда, постановление про подвалы будет?

— Да, нет, это я так. Пофантазировал.

Васюта неожиданно улыбнулся, его лицо преобразилось. Он стал похож на обычного пацана.

Так я получил право навещать в подвал, и скоро ко мне привыкли, перестали обращать внимание.

— Преступления в наше время происходят за закрытыми дверями... — разговорился наш участковый Василий Васильевич после пива, которым я угощал его. Прошу заметить, что в нерабочее время. Новый подход сработал, и разговор получился лучше, чем в первый раз.

Местные пацаны звали его ласково-насмешливо Санек, хотя он был огромный, мог в одиночку справиться со всеми бандитами микрорайона вместе взятыми. У него подергивался один глаз, и он быстро выходил из себя. Его явно «списали» в участковые из-за каких-то проблем.

— Да-да, семья теперь закрылась от посторонних глаз в отдельных квартирах, — продолжал Сан Саныч, — там тебе и побои, и грабежи, и даже изнасилования дочек и сынов. Детки больше всех страдают. Обычно соседи звонят, когда слышат крики, а что сделаешь? Свидетелей нет, заявлений от пострадавших тоже. До суда доходят только убийства. А мы должны пацанов с улиц и из подвалов гонять.

От участкового я узнал историю Васюты. До него в округе верховодили несколько пацанов, которые устраивали беспредел. И грабежи были, и драки по поводу и без повода. Васюте тоже доставалось. Вот он и решил с друзьями по двору качаться, чтобы дать отпор. Наверное, это закончилось бы кровавым выяснением отношений, если бы местных заводил не призвали в армию. Не без участия Сан Саныча. Все разрешилось почти мирно. Ребята из бывшей компании разок выступили, но получили такой отпор, что притихли.

— А если прежние главари из армии вернутся?

— Уже вернулись.

— И что?

— Заглянули к Васюте — и не стали связываться. Может, перебесились. Может, поняли, что преемник серьезный. Он всех устраивает. И меня, кстати, тоже.

Компания Васюты была разнородная и странная. Тощий

маленький Валя явно не претендовал на занятия спортом. Одежда не по размеру болталась на нем, штаны без ремня слезали чуть не до колен. Наверное, из-за этого он получил прозвище Обормотик. Он получил его в школе, когда после долгих пропусков пришел, и классная руководительница торжественно объявила:

— Ну, вот, наш обормот пожаловал.

В компании были более милосердны, переделав оскорбительную кличку в снисходительное «Обормотик». Он трогательно любил свою непутевую мамочку — местную пьянчужку, грузную в отличие от сына. И волок ее домой, когда кто-нибудь приходил и объявлял:

— Эй, Обормотик, твоя опять у магазина валяется.

Парнишка срывался с места и со слезами доставлял маму домой. Когда заставлял мать в компании мужиков в скверике у магазина, то ходил неподалеку и смотрел, чтобы не обидели.

— Маруся, твой-то опять ходит. Стереже-о-от.

— Кыш, кыш, кому говорят, — кричала мамаща.

Обормотик пинал какую-нибудь банку и не уходил.

Бывало, он не мог достучаться домой и оставался ночевать в подвале. Таких бездомных пацанов было несколько. Обычно они устраивались в канализационных люках, полуразрушенных зданиях. После того, как мне удалось легализовать подвал, Васюта разрешил в плохую погоду ночевать здесь. Из-за этого по утрам был запах мочи — ребята ленились оперативно выносить ведро, которым пользовались по ночам. Надо подумать о биотуалете, если Васюта разрешит.

Однажды днем Обормотик вбежал, едва дыша от быстрого бега. Он не мог говорить.

— Где? — все поняв без слов, спросил Васюта.

— У «Копейки».

— Сколько?

— Пять.

В подвале были только Васюта и его девушка, Светка, которой он демонстрировал свой торс. Не специально, конечно, это были привычные упражнения с 24-килограммовой гирей. Он быстро натянул свитер, бросив на ходу Светке:

— Звони Новаку.

Обормотику велел бежать в десятую квартиру.

По пути он успел позвонить:

— Михась, быстро к «Копейке».

Я уже слышал о системе защиты, из-за которой в округе и не только уважали Васюту. Правило номер один: не отступать, драться, какими бы неравными не были силы. Васюта и в свою компанию допускал только тех, кто проявлял бесстрашие: предлагал сразиться с кем-нибудь из ребят сильнее новичка. Правило номер два: самому слабому, в случае нападения более сильных или многочисленных противников, вырываться и бежать за подмогой или звонить. Существовали цепочки экстренного сбора на такой случай. В нее входили не только ребята из подвала, но и множество добровольцев, солидарных с Васютой в том, что своих нельзя давать в обиду. Поэтому драки случались редко. Весь город знал, что с копейскими лучше не связываться.

Я в первый раз оказался свидетелем этой системы в действии и не хотел упускать такую возможность. Я бежал следом за Васютой. Очень спортивно. Пригодились почти ежедневные пробежки. Я очень боялся, что меня прогонят, но Васюта только сказал:

— Близо не подходите.

— Знаю.

Я остановился, увидев двух ребят, Экстези (любителя ночных клубов) и новичка Петрушу. Стоя спиной друг к другу, они отбивались от пятерых здоровых парней, которые забавлялись неравным боем. Увидев приближающегося

Васюту, они с насмешкой посмотрели на него. Парни явно не знали, кто перед ними. Васюта без всяких разговоров подошел и ударил самого здорового, на голову выше себя. Пока чужаки соображали, что произошло, их окружило человек десять.

Я ушел. Дальше взрослому человеку нельзя спокойно смотреть на это.

Однажды в разгар тренировок снаружи слышались громкие голоса и споры. В подвал вбежал взволнованный юноша, а за ним ввалились два здоровяка, на плечах которых свисал парень в разрезанном и окровавленном свитере.

— Где доктор? — требовательно спросил странный для этой компании юноша, почти мальчик, лет четырнадцати.

Васюта смотрел угрюмо на непрошенных гостей.

— Какой доктор? Больница через дорогу.

— У вас же есть. Он всех лечиться водит.

— А...Алекс, тебя.

Рана на груди, чуть ниже сердца, была неглубокая, но сильно кровоточила. Тело и свитер далеко не первой свежести.

— Нужно в больницу, — сделал я заключение.

— Нет, — сказал парень.

— Можешь потерять много крови и получить заражение.

И то, и другое — верная смерть.

— Я сказал — нет.

— Сказал, сказал, — проворчал Васюта. Он явно недолюбливал пришельца. — Что ты тут раскомандовался, Шуруп?

— Сделайте что-нибудь, — попросил юноша, обращаясь и к Васюте, и ко мне.

От йода мог быть болезненный шок, а ничего другого в моей аптечке не было.

— Нужна перекись водорода. Аптека недалеко.

Юноша убежал и скоро вернулся с пузырьком перекиси,

стерильной ватой и стерильным широким бинтом с тампонами. Сообразительный.

Пока я промывал рану и делал перевязку, юноша попросил тряпку и стал вытирать кровь с пола. Домашний. Он все больше привлекал мое внимание. Невысокий для своего возраста, но крепко сбитый, ладный, вместе с тем он еще сохранял неуловимую хрупкость детства. Волосы были хорошо зачесаны назад, открывая лоб. Кожа по-мальчишески гладкая и чистая. Глаза и выражение лица выдавали гамму чувств и мыслей, которые сменяли друг друга, как волны. Что он делает в этой компании?

Так я познакомился с Артом. Я дал ему свой телефон, мало ли что.

Но это уже другая история — психолога, покинувшего школу.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В программе «Доброе утро» на Первом телеканале я увидел рыжего Сеню. Он сидел рядом с ведущей.

— Не удивляйтесь, — сказала она. Ближайшие полчаса мы будем вести программу с моим юным коллегой Всеволодом Иволгиным. Мы познакомились в лагере «Орленок» на смене юных журналистов.

Я любовался Севой. Как естественно он себя держит в такой ситуации, остается умненьким и остроумным. Когда он попросил у ведущей разрешение рассказать свой коронный анекдот про рыжего, я понял, что уроки не прошли даром. Теперь он про меня больше не вспомнит. Тем более, из школы я ушел — надоело доказывать, что трудно многим детям, а не только тем, кто состоит на учете в инспекции по несовершеннолетним. Я имел в виду и нашего Рыжика. Его преобразование никто не заметил. Школа была уверена, что это она вырастила такой талант.

Сеня все же позвонил и сообщил, что его мама приглашает меня в кафе «Дружба». Оказалось, она там работает поваром. Посоветовав самое хорошее, на ее взгляд, блюдо, мама удалилась. А Сеня стал счастливо трещать про свою жизнь. И учится он теперь отлично. И все девочки его любят.

- Называют Рыжиком, но так ласково...
- А ребята?
- Дружат, будто мы никогда не враждовали.
- Я очень рад за тебя, Сеня... Рыжик.

Сергей Цымбаленко

В ВАЛЕНКАХ ПО ВЕСНЕ

повести и рассказы

Иллюстрации *Евгения Медведева*

Корректор *Наталья Курбет*

Компьютерная верстка и дизайн *Сергей Щеголев*

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36

Подписано в печать 06.11.2019. Формат издания 70×90 ¹/₁₆.

Гарнитура OctavaC. Усл. печ. л. 22. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Тираж 1000 экз.

Заказ № 844.

